В. АСТРОВ

„ЭКОНОМИСТЫ“

ПРЕДТЕЧИ МЕНЬШЕВИКОВ

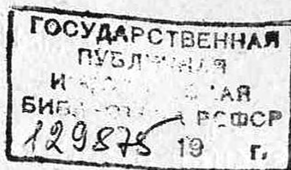
(„Экономизм“ и рабочее движение в Роисси на пороге XX века)

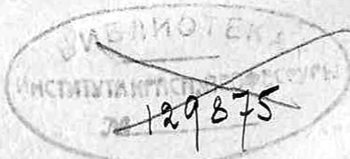
Под редакцией и с предисловием М. Н. Покровского

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

> „Это—период разброда, распада, шатания. В отрочестве бывает так, что голос у человека ломается. Вот и у русской социал-демократии этого периода стал ломаться голос, стал звучать фальшью“.
>
> „... Но брели розно и шли назад только руководители: само движение продолжало расти и делать громадные шаги вперед“.
>
> *Н. Ленин*

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ ◇ МОСКВА ◇ 1924

Главлит № 14559 Тираж 10.000 экз.
Типогр. „Красный Пролетарий“ Изд-ва „Красная Новь“, Пименовск. 1/16.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Вопрос, которому посвящена книжка тов. Астрова, несравненно важнее, чем может показаться. У многих товарищей до сих пор живет представление об экономизме, как о чисто литературном течении, ничего не доказывающем, кроме того, что в партию затесались «чуждые пролетариату элементы». А так как эти «чуждые элементы» извергнуты были могучим партийным организмом даже много лет раньше, чем начались у нас регулярные «чистки», то, кажется, стоит ли о них вспоминать. И можно было бы опасаться, что автора начнут упрекать в «академизме», в выборе темы, не имеющей отношения к действительности: не даром тов. Астров и счел нужным пояснить, что «экономисты»—это «предтечи меньшевиков». Так как меньшевизм еще не совсем отошел в прошлое, его именем можно слегка подновить седую старину «экономизма».

На самом деле «экономизм» интересен для нас вовсе не только, как вымерший литературный предшественник еще бродящего по свету литературного течения. «Экономизм» был опасен тем, что у него была под ногами весьма реальная почва. Статистика забастовок 1905 года, кстати оживленная в памяти читающих перепечаткой статей тов. Ленина в «Мысли» 1910—11 гг., дает этому не одну иллюстрацию. Даже в раскаленной атмосфере 1905 года большинство, хотя и незначительное, рабочих не поднималось выше экономической борьбы: число забастовщиков в стачках с одними экономическими лозунгами немного превышало число участников политических стачек (1.439 тыс. человек и 1.424 тыс. человек). А некоторая доля рабочих не участвовала даже и в экономической борьбе: если мы возьмем за 100 число предприятий, то число забастовок в предприятиях, занимавших не более 20 рабочих, выражается цифрой 47, а в предприятиях, имевших от 21 до 50 ра-

бочих, цифрой 89. Даже в 1905 г. бастовали не все рабочие. В частности, в Москве даже в октябре 1905 г. мелкие предприятия не бастовали.

У охотников использовать отсталость русского рабочего движения, как мы видим, была пожива. Висевшая на хвосте пролетариата интеллигентская организация тянула назад и вниз то, что само не слишком еще твердо стояло на ногах, страшно утяжеляя работу революционного авангарда. При известных условиях такая организация могла явиться опасным противником этого авангарда: теперь мы знаем, что, несколько лет спустя после того, как «экономизм» был блестяще разбит в литературе Лениным и Плехановым и выброшен из партии 2-м съездом, он сумел оказаться ближе к массовому рабочему движению и больше на него повлиять, чем могли это слабые и разрозненные тогда питерские организации партии. Прокопович и Кускова сыграли свою роль в 9 января через Гапона. Ибо это, несомненно, они были теми таинственными «демократами», от которых Гапон ждал всякой помощи, вплоть до материальной,—деньгами [1]).

История Гапона с его «петицией» и дает случай напомнить, что название «экономизм», «экономисты» не вполне точно выражает сущность понятия. «Петиция» содержит массу «политических» требований—да и вообще было бы наивностью воображать, что «экономисты» люди совершенно чуждые политике. Европейский «экономизм» в его классическом виде английского трэд-юнионизма отнюдь не чуждался политической борьбы: само завоевание легальности трэд-юнионов, закрепленной законами 1870 х годов, предполагало такую борьбу. Наши «экономисты» советовали рабочим захватывать «права» явочным порядком, а их наследники, меньшевики, не останавливались даже перед «энергической» формулой: «захвата прав силой» (плехановская поправка к резолюции о вооруженном восстании на Стокгольмском съезде). Они чурались всегда одного: захвата власти и борьбы за власть. У рабочего могли быть права: власть всегда должна была оставаться в руках буржуазии.

В тот период, к которому относится литературная борьба с «экономизмом», этот основной вопрос затушевывался благодаря тому, что дело шло еще не о самом захвате власти, а о его необходимой предпосылке—образовании революционной рабочей партии. И это опять напоминает, как все к нам близко. В самом деле, к чему же, как не к образованию революционной рабочей партии, ставящей себе целью завладеть властью, свалить буржуазию, сводится ныне вся трагедия европейского рабочего движения? Шейдемановцы или английские лабористы отнюдь не прочь от политической работы: но эта работа сводится к маклерству между пролетариатом и буржуазией. Социал-демократы, — говорит в своей последней речи Шейдеман,—не могут взять власть, потому что у них нет большинства в парламенте, а диктатуру они отрицают. Легально, т.-е. с согласия буржуазии, не можем: а нелегально, т.-е. в борьбе с буржуазией, не хотим. А потому пусть буржуазия сидит у власти, пока ей не надоест. Чем не наш 1917 год, когда меньшевики держались точь-в-точь той же политики? Опять, как все к нам близко!

Очень хотелось бы, чтобы эта суть «экономизма» не укрылась от читателя за подробно излагаемыми тов. Астровым перипетиями литературной борьбы. Эта последняя, кажется, еще ни разу не излагалась у нас с такою ясностью и обстоятельностью,—что и делает, по моему мнению, книжку исключительно ценной для наших лекторов и студентов-общественников. Но пусть читатель не думает, что речь шла только о теории: любой газетный лист наших дней показывает, какая за теорией скрывалась жестокая практика.

М. Покровский.

1/IX 1923 г.

---

1) См. особенно воспоминания Карелина в I томе „Красной Летописи".

ОТ АВТОРА

(к первому изданию).

Настоящая брошюра является продуктом работы автора в Институте Красной Профессуры.

Издавая ее, автор учитывал, прежде всего, малую осведомленность широких партийных и рабочих кругов об эпохе I съезда Российской Коммунистической Партии (тогда РС-ДРП.), 25-летие которого мы только-что праздновали, и последовавшего за I съездом периода «экономизма», в борьбе с которым были заложены основы программы, тактики и организации будущего большевистского крыла социал-демократии. Чтобы разобраться в этой книжке, достаточно знать, хотя бы в самой упрощенной форме, что «экономистами» в 1898—1903 годах именовались те из социал-демократов, которые звали рабочих только к экономической борьбе с хозяевами («за копейку на рубль») и отрицали своевременность и необходимость политической борьбы рабочих за низвержение самодержавия. Мы увидим, что это не совсем полно и точно, но здесь для нас достаточно указать хотя бы это.

Тема книжки, в сущности, зарождение меньшевизма в России. Меньшевизм ведет свое формальное начало с раскола II съезда партии в 1903 году на «большинство» и «меньшинство». Но меньшевизм явился прямым продолжением и развитием «экономизма». «Экономисты» выработали все основные тактические и организационные принципы меньшевизма и опирались они в среде российского пролетариата в общем на сходные группы и прослойки рабочих. В нынешних условиях, когда опасность возрождения буржуазной идеологии и возможность мелкобуржуазных влияний на пролетариат еще не изжиты, просмотреть исторические и социальные корни меньшевизма, а также основные положения тактики меньшевиков и их предшественников «экономистов», представляет некоторый интерес.

Не претендуя на значение исчерпывающего исследования эпохи, эта работа, тем не менее, пытается поставить вопрос о социальных корнях «экономизма» в рабочем движении 90 годов более конкретно, чем это обычно делалось до сих пор в распространенной схеме этого периода. В то же время, давая очерк «экономизма», как системы оппортунистических, «соглашательских» взглядов, автор не ограничился разбором исключительно тактических, политических и организационных положений, которыми «экономисты» руководствовались в своей практической деятельности, изложив также суть их заблуждений чисто-теоретического характера.

Автор.

25 марта 1923 г.

Предпосылки «экономизма».

1. Промышленный подъем конца XIX века.

Характер рабочего движения конца XIX века может быть понят только в связи с промышленным подъемом этого периода. Размах и темп подъема были исключительны даже по сравнению с ходом развития капитализма на Западе. Запоздавший русский капитализм гигантскими шагами нагонял своего старшего собрата.

Производительность русской промышленности за 90 годы выросла больше, чем вдвое: в 87 году годовая производительность оценивалась в 1.300.000.000 руб., в 900 г. в 3.200.000.000 р. На пятилетие 95—900 гг. падает 30% сооруженных до 1905 г. включительно верст железных дорог. По абсолютной длине русская железно-дорожная сеть обогнала за эти годы французскую, английскую, германскую и стала на второе место после американской. В периоды железно-дорожной горячки европейские страны открывали в год километров: Германия в 70—80 гг. 1496 км., Франция в те же годы 873 км., Англия в 40—50 гг. 931 км., Россия же за указанное пятилетие строила в среднем 2.812 верст в год (верста немного больше километра).

О росте машинного производства можно судить по сопоставлению следующих цифр: за период 1887—97 годы число фабрик увеличилось на 26%, число рабочих на 59%, производительность же выросла на 112%.

Промышленность захватывает новые районы. Сибирь, Урал, Кавказ поглощают капиталы более интенсивно, чем районы прибалтийский и центральный (кроме петербургского). Донецкий бассейн

из степного и редкозаселенного превращается в центр горнозаводской промышленности с крупнейшими заводами.

При этом особенно должен быть отмечен рост производства средств производства, относительно гораздо больший, чем рост производства средств потребления. По размеру капиталов, вложенных акционерными обществами в 1890 г., первое место занимает промышленность волокнистая, второе—питательная. К 900 г. на первое место вышла горная, оттеснив на второе место волокнистую, а на третье металлическая (с шестого); питательная группа оказалась на пятом месте. О том же говорят данные о производительности с 1887 по 97 гг.: производительность повысилась в металлургическом производстве на 176%, в горнозаводском—на 152%, в волокнистом—на 104%, в питательном на 87%. По выплавке чугуна Россия за десятилетие 90—900 г. с шестого места в мире передвинулась на 4-е, увеличив ее на 220%; добыча железа и стали возросла на 196%. Таким образом, за 90 годы под русскую промышленность был подведен основательный фундамент развитой добывающей промышленности.

Эти успехи были достигнуты при помощи иностранного капитала. Дешевый на Западе в это время (учетный % во Франции 2—3, в России 4½), он обильно тек в Россию, где внутренний рынок имел огромные возможности. Рост этого рынка, в особенности, шел за счет расслоения, начавшегося в деревне в пореформенное время и толкавшего в денежный оборот крайние группы крестьянства—кулачество и бедноту. Непосредственно промышленный подъем в России стимулировался также нуждами и спросом железнодорожного строительства, предпринятого правительством (главным образом). От конкуренции иностранных товаров русская промышленность была ограждена почти запретительным таможенным тарифом. Уже в 1889 г. таможенный доход составлял 39½% всей цены ввоза, т.-е. всякая вещь, стоившая за границей 63½ коп., пройдя таможню, стоила рубль (между тем, в 91 г. тариф был поднят еще выше). В Германии в те года таможенный сбор был 8%, в Австрии—6% [1]).

Таможенный сбор составлял около четверти государственного дохода; но, конечно, не в фискальной части лежали корни таможенной царской политики царского правительства. Оно принимало живейшее участие в судьбах русской промышленности, выдавало при-

[1]) «Искра» № 36, 1903 г. «По поводу нового таможенного тарифа».

вилегированной кучке капиталистов явные и тайные ссуды, казенные заказы оплачивало вдвое и втрое дороже рынка, покрывало всевозможные папамы (дело Мамонтова) и пр. Все это накладывало на отдельные черты в промышленном подъеме паразитический отпечаток. Особым благоволением правительства пользовалась металлургия, которая, как мы видели, в этих годах выходила на авансцену. Интересы металлургии сыграли роль и в столь постыдной манджурской авантюре 1904—1905 гг.

В лице самодержавия помещичий класс, чувствуя, что его экономическая мощь уплывает вместе с продажей земли купцам, мещанам и крестьянам, делал судорожную попытку упрочить свое господство, расширив социальную базу своего правительства. Он даже поступился частью своими материальными интересами (таможенная политика била помещика, как и всех потребителей). Делал это он во имя сохранения власти, следовательно и крупного землевладения, а стало быть, и крестьянской кабалы. Но именно это и поставило предел промышленному подъему, оказавшемуся в некоторой мере беспочвенным. Когда в 900 годах обнаружился крах этой политики и столыпинская реакция обратилась за опорой к нарождающемуся «крепкому мужику», то оффициоз столыпинцев—националистов писал об истекшем периоде, как о «роковом увлечении обрабатывающей промышленностью», которое «отвлекало государство от удовлетворения сельскохозяйственных (читай помещичьих) потребностей» [1]).

Промышленное процветание, так сильно увлекшее радужные надежды царских министров во главе с Витте, однако, оказалось недолговечным. С 99—900 г. оно сменяется кризисом. Острейший его удар приходится на 1905 г., а, перемежаясь с застоем, он тянется до 909—10 гг.; только с этого пункта вновь обозначается подъем.

Признаки денежного кризиса показываются уже в 99 г., а с 900 г. разражается промышленный крах, отмечаемый всеобщим падением товарных цен. Лопаются крупнейшие акционерные общества и компании. Железнодорожное строительство к 1902—3 годам совершенно замирает (длина сети по годам: в 1890—28.683 версты, в 95—34.980, в 900—49.246, 901—51.937, 902—53,039, 903—53.497 верст). С 900 по 903 гг. число копей,

[1]) «Националисты в III государственной думе», стр. 280.

действовавших на юге, сокращается с 290 до 209, и из 35 доменных печей останавливаются 12. Также на одну треть сокращают производство нефтяные промыслы юга. Всего в 900 г. закрывается 550 предприятий, в 901—350, в 902—840, в 903—682. В 99 г. открылось 325 акционерных обществ с капиталом в 363 милл. рублей, в 902—78 с 73 милл. руб. Иностранных предприятий в тех же годах открылось 69 и 13, и т. д.

Впервые Россия пережила вполне типичный и яркий капиталистический подъем и капиталистический кризис со всеми его последствиями. Сила этого кризиса была тем сокрушительнее, что капиталистическое развитие наткнулось не только на свои внутренние противоречия, но и на сковывающие его обручи старого крепостнического уклада. В конце-концов, внутренний рынок рос лишь постольку, поскольку он рос в городе, создаваемый нуждами самой промышленности и рабочего класса. Узость и медленное расширение деревенского рынка, придавленного помещичьим сапогом, стали на пути капиталистического развития. Оно отступило дальше назад, как бы для того, чтобы потом, с разбега, вернее взять свое. На этот раз, уже после революции 1905 г., промышленность не получила в свое полное распоряжение царского кошелька, зато в «крепком» мужике получила надежду на деревенский рынок.

Вместе с ростом барышей в дни подъема рос и пролетариат. Еще за 25-летие 1865—90 гг. число рабочих в фабрично-заводской промышленности выросло больше, чем вдвое: с 706 тысяч до 1.432.000. За последнее десятилетие XIX века это число снова удваивается, доходя к 900 г. до 3.000.000. Если к фабрично-заводскому пролетариату (включая железнодорожников) прибавить с.-х. рабочих, строительных, лесного дела, земляных работ, домашних и пр., то мы получаем для всей страны к 900 г. десятимиллионный рабочий класс. В этих общих размерах рабочая масса входит и в революцию 905 года, т. к. вместе с кризисом рост пролетариата останавливается. Чтобы оценить общественное значение этой силы, надо помнить, что удельный вес пролетариата среди других классов, как главного производящего класса в капиталистическом обществе, на много превышает его долю в общей массе населения. В свою очередь, внутри русского пролетариата господствует его активное фабрично-заводское ядро, движение которого мы здесь только и будем рассматривать.

Трехмиллиардная продукция капиталистического производства и трехмиллионный фабрично-заводской пролетариат—вот итоги взлета русского капитализма перед прыжком в двадцатый век, взлета, послужившего материальной основой стачечного движения, столь же невиданного по своей широте для России девятнадцатого века.

2. «Наступательные» стачки 90 годов и их итоги.

«Не до жиру, быть бы живу»,—эта пословица примерно выражает собой настроение, владевшее широкой массой русских рабочих в 90 годах. Не до политики, когда нечего есть,—так рассуждал этот рабочий. И нужно было ему пройти через горький опыт упорной и почти бесплодной экономической борьбы, нужно было почувствовать на себе жесткую лапу кризиса, чтобы из того факта, что нечего есть, рабочий заключил: «долой самодержавие».

В начале 90 годов рабочий день тянулся 12—14, а то и 18 часов. В пятой части всех промышленных заведений применялся ночной труд, часто отсутствовал воскресный отдых. Средняя заработная плата в 92 году для взрослого рабочего была 15 р. 70 к. в месяц, для женщин вдвое, а для детей втрое меньше. До какого уровня доходили жизненные условия текстильщиков, можно видеть из доклада Ярославской Большой мануфактуры на Нижегородской выставке: из 100 родившихся детей у рабочих до года умирало 65. Туберкулез у московских работниц-текстильщиц доходил до 134 на тысячу. Статистика увечий поражает своими цифрами: на Соколовской мануфактуре за два года среди ткачей было 67 изувеченных на 1.000, среди чесальщиков—250, слесарей—535, токарей—625 на 1.000, а среди котельщиков—750, т.-е. из 4 уцелел от увечий 1. На заводах, строившихся на скорую руку, в особенности на юге, происходила эпидемия взрывов котлов, кончавшихся увечьями.

Фабричная инспекция была бессильна уже по своему количеству. Ее положение даже в центральной Московской губ. к 99 году, по докладу обер-полицмейстера Трепова, было таково: «Всех фабричных инспекторов 15 человек, никаких помощников, канцеляристов и делопроизводителей у них не имеется. Всех подчиненных им промышленных заведений около 1.800 (т.-е. на каждого инспектора по 120). Техническому надзору фабричной инспекции подчинено

2.600 котлов». Всего автор насчитывает 25 обязанностей инспектора и заключает, что для исполнения их недостаточно обыкновенных человеческих сил. Но суть была не столько в малочисленности, сколько в самом характере инспекции, как органа полицейского правительства. Министр Вышнеградский обещал фабрикантам превратить фабричных инспекторов в «становых приставов» на фабрике. Как выполняли инспектора обещание министра, может иллюстрировать деятельность старшего фабричного инспектора Петербургской губ. Лебедева, обращавшегося к фабрикантам с предложением присылать ему списки замеченных в неблагонадежности рабочих для сообщения в охранку. Во время стачки 96 года один из инспекторов пытался успокоить рабочих тем, что разработка проекта закона о сокращении рабочего дня дело серьезное, и на нее-де надо не менее двух лет. Во время стачки 97 года фабричный инспектор, явившись на фабрику, вдруг начал кричать, что не допустит никаких уступок, что если хозяйка и согласится повысить расценку, то он этого не позволит. Когда же кто-нибудь из рабочих пробовал возражать ему, то он, по собственному их выражению, как зверь набрасывался с ревом: «Завтра же тебя не будет!» «Гони его, гони его»!—кричали рабочие на своего фабричного «пристава» [1]). На фабрике Варвары Морозовой, около Твери, фабричный инспектор возражал хозяевам, которые уже согласились уступить рабочим, так: «Раз будет сделана уступка, поднимется вся губерния, и победа рабочих послужит сигналом к целому ряду весьма крупных забастовок».

При таком надзоре, хозяйский произвол царил неограниченно при браковках, расплатах, увольнениях, особенно при штрафах. На Обуховском заводе, например, в 98 году штрафовали на 17 руб. за сломанный «митчик», который стоил новый 1 р. 30 коп. На Ярославской мануфактуре Гандуриных штрафовали за выброшенный машиной челнок; если он попадал в голову, то штрафовали и того, кому он попал (не подставляй головы) [2]). На Тульском оружейном заводе рабочему, приходившему за заработком в 75 р., администрация говорила: «э, как много», зачеркивала и писала 40; в каждой мастерской это повторялось десятки раз [3]). На заводе Берда (на реке Пряжке) вычитали четверть рабочего дня на пода-

1) «Листок работника», № 3—4, стр. 4.
2) «Из истории раб. и ком. движения в Ярославле», стр. 6.
3) «Раб. Мысль», № 8.

рок посетившему Россию французскому президенту, а за прогульные дни по случаю его приезда не заплатили и т. д., и т. д. Еще закон 86 года запретил расплату с рабочими товаром, но фабричные лавки до XX столетия занимают почетное место в системе эксплоатации. Как сколок старой патриархальщины в 98 году, любопытна, например, «Палиха»—хозяйка фабрики Паля в Петербурге. Она сидит в лавке. Если рабочий вздумает с ней торговаться, то она ему говорит: «Голубчик, приведи мне дворника». Тот приводит.— «Дворник, выведи его» [1]).

Рабочего допекала хозяйская свора мастеров, браковщиков, приказчиков, конторщиков и надсмотрщиков, желавших «выслужиться». Невыносимы были их издевательства над женщинами и девушками. Занимавшиеся этим хозяйские прихвостни получили специальное прозвище «быков». В каком-нибудь Трубчевске, где на пенькотрепальнях занято до 1.000 женщин, «хозяева, хозяйские сынки, мастера, приказчики, все имеют толпы наложниц. «Эй, иди к Курындину полы мыть!»—слышит несчастная девушка. И не может не пойти: прогонят... Нет ни одной сколько-нибудь красивой девушки или женщины из работниц, которая не была бы наложницей кого-нибудь, имеющего над ней власть». Здесь много малолетних, и вот «старички купцы лишают невинности маленьких девочек, которых выбирают им угодливые приказчики» [2]).

Этот адский фабричный строй отгораживал рабочего от всего мира такой крепкой стеной, что неудивительно, когда он, задавленный нуждой, приписывал ему все напасти, продолжая по деревенской старинке верить в «батюшку царя», который-де потому не заступается за рабочих, что не ведает о фабричных порядках.

Таково было экономическое и правовое положение русских рабочих в огромном большинстве, сообщившее такую силу стачечному движению 90 годов. Перейдем теперь к общему очерку этого движения.

«Начавшееся с 1887 года промышленное оживление,—пишет Мартов,—приостановилось в течение 91—92 годов, частью вследствие общего застоя на мировом рынке, частью же благодаря голоду этих лет, отразившемуся особенно на текстильной промышленности,

1) «Раб. Мысль», № 8.
2) «Листок Рабочего Дела», № 4, стр. 15.

которая работает преимущественно на сельского потребителя»[1]). Действительного промышленного кризиса не было, и число рабочих на фабриках и заводах продолжало расти. «Однако, это увеличение числа занятых рабочих сопровождалось колоссальным наплывом в города безработных, выгнанных голодом из деревни. Благодаря этому, заработная плата подвергалась понижению, в то время как, благодаря неурожаям, цены на хлеб и на другие продукты потребления сильно возросли. Отсюда острое недовольство и беспокойство, охватившее рабочее население городов». Перечисляя стачки за период 91—93 годов (Урал, Петербург, Юзовка и др.), цитируемый автор отмечает, что «в промышленном центральном районе рабочим приходилось отстаивать заработную плату от попыток понижения ее фабрикантами», т.-е. стачки носили оборонительный характер. В общем стачки кончаются поражением рабочих (кроме виленских ремесленников).

Итак, отправная точка рабочего движения 90 годов рисуется нам в виде оборонительных стачек, при неблагоприятной для рабочих коньюнктуре «заминки». Но это не больше, как отправная точка. С 93 года заминка прекращается, но стачечное движение растет, уже меняя свой характер. Рост движения рисуется так в цифрах бастовавших рабочих:

1894 год. . . .	17.000 чел.	1897 год . . .	102.000 чел.
1895 „ . . .	48.000 „	1898 „ . . .	87.000 „
1896 „ . . .	67.000 „	1899 „ . . .	130.000 „

Итого за 6 лет 452.000 стачечников, а если сюда прибавить еще 30.000 бастовавших ремесленников, то цифра приблизится к полумиллиону. Большая половина стачек приходится на предприятия, насчитывающие от 100 до 1.000 рабочих и выше, при чем главная масса стачечников падает на текстилей (177.000) и металлистов (107.000). Процент участвовавших в стачках рабочих за десятилетие (90—900 гг.) в хлопчатобумажном производстве 47,3 и в металлическом 46,4. Для прочих производств он значительно ниже: шелковое—5,9, питательных веществ—7,7, обработка дерева—8,8, минералов—10,5, писчебумажное—11,7, химиче-

[1]) Л. Мартов. «Развитие крупной промышленности и рабочего движения». История России в XIX веке, изд. Гранат, т. VIII, стр. 150. Следующие цитаты оттуда же.

ское—18,1, шерстяное—14, обработка льна и пеньки—19,7. В крупнейших предприятиях (свыше 1.000 чел.) стачками захвачено 89,7% рабочих, в предприятиях с 500—1.000 рабочих бастовало 49,9%.

Движение идет, главным образом, под экономическими требованиями повышения заработной платы и сокращения рабочего дня. Политических требований у массы стачечников в центральной России мы почти не встречаем. К экономическим требованиям присоединяются фабрично-правовые. Рабочие протестуют против произвольных штрафов, браковок, грубого обращения мастеров, злоупотреблений администрации, приглашения мастеров-иностранцев, расквартирования казаков, наемной полиции, обысков, арестов, непризнания рабочих организаций. Столкновения с полицией, неизменно сопровождающие стачки, в глазах массы еще не принимают политического характера столкновений со всем самодержавным режимом. Крупнейшая за данный период стачка 30—35 тысяч петербургских ткачей в 96 году выставила следующие требования: «1) чтобы рабочий день продолжался от 7 ч. ут. до 7 ч. в., а не от 6 до 8; 2) чтобы на обед давали полтора часа; 3) чтобы расценки были повышены; 4) чтобы шабашили по субботам везде в 2 ч. д.; 5) чтобы хозяева самовольно не останавливали машин и не пускали в ход раньше времени; 6) чтобы заработок за первую половину месяца выдавали во-время; 7) чтобы сполна заплатили за коронационные дни».

Официальная правительственная статистика дает следующие данные об успешности стачек за десятилетие 94—904. Всего из 100 стачек победой рабочих кончались 28,2; взаимными уступками—21,8; победой хозяев—45,4 (в остальных случаях исход неизвестен). Выше всего процент выигранных стачек при требованиях изменений в условиях внутреннего распорядка—34,3 (в частности, в стачках, вызванных условиями быта и довольствия, процент успеха 72). Стачки из-за рабочего времени давали 31,7% успеха, из-за заработной платы—29,2. Меньший успех имели стачки из-за штрафов и вычетов (23) и из-за действий фабричной администрации (27).

Итак, даже правительственная статистика принуждена была констатировать, что из общего числа стачек поражением рабочих кончалась меньшая половина (45,4% против 50% побед полных и частичных). Здесь совершенно не учтен результат сокращения

рабочего дня по закону 97 года, завоеванному петербургскими стачками. Кроме того, эти данные включают 900—904 годы, менее успешные для рабочих по условиям наступившего кризиса. Подсчеты социал-демократов были более оптимистичны. Отчет российской с.-д. делегации международному конгрессу в Париже (1900 г.), приводя за последнее пятилетие XIX века сведения о 220 стачках и определяя половину их участников в 200.000 человек, указывает, что из 160 стачек, исход коих известен, окончились успехом 120, т.-е. три четверти[1]). Этот большой процент успешности характеризует нам стачечное движение, как наступательное движение периода промышленного подъема. Приостановка предприятий капиталистам была крайне невыгодна в тот момент, когда каждый день нес добрые барыши. Они предпочитали уступить, чем отвечать локаутом на забастовки. Чувствуя податливость, массовое двежение тем охотней направлялось по линии экономических требований.

В то же время, в движении мы видим и оборонительную струю. По данным за 94—904 гг.[2]) на стачки за увеличение платы падает 22,9%, а за сокращение рабочего дня 18,8% участников, итого 41,7% (58,9% стачек). Сопротивлялись понижению платы 14,5% стачечников, увеличению рабочего времени 5,2%, итого 19,7% (9,6% стачек). Из сопоставления процента стачек и стачечников мы видим, что оборонительные стачки были крупнее наступательных. В то же время оборонительные стачки оканчивались большим успехом:

Требования.	Успех.	Компромисс.	Неуспех.
Сокращение рабочего дня	24,29%	22,88%	52,81
Увеличение зараб. платы.	18,16%	31,43%	40,05%
Против увеличения раб. дня . . .	63,41%	12,19%	24,39%
„ понижения зараб. платы .	46,87%	23,43%	29,68%

Самая необходимость оборонительных стачек диктовалась уже приливом в города ищущих работы из деревни, протекавшим непрерывно и позволявшим предпринимателям даже в дни подъема частично ухудшать условия труда и найма.

[1]) „Доклад о русск. с.-д. движении", стр. 12.
[2]) „Общ. движение в России в нач. 20 в.", т. I, стр. 227.

В. Святловский, характеризуя интересующий нас период в стачечном движении (95—904), отмечает, по сравнению с Западной Европой, значительное абсолютное и относительное количество участвующих в стачках рабочих, но в то же самое время слабую их напряженность и малые результаты, как «типичное отражение особенности русских условий». В то время, когда на одного бастующего рабочего приходится в Англии в среднем 34,2 потерянного дня, во Франции 14,3, в Австрии 10,3, в России это число падает до 4,8 дней. Автор объясняет эту слабую напряженность почти исключительно слабою организованностью рабочего класса. Действительно, рождавшиеся в 90 годах стачечные кассы носили эпизодический и неоформленный характер, а к 900 годам исчезли; о подлинных профессиональных союзах за исключением Западного края и помину не было. Этой малой организованностью Святловский объясняет и малые результаты стачек, указывая также на «особые обстоятельства»—призыв войск (269 случаев), расчет бастующих (190), аресты и высылки (164), поголовный расчет (137), судебные преследования (31). Характерно, что при таком обилии репрессий разрушительные действия со стороны рабочих имели место лишь в 44 случаях[1]).

Каковы же были реальные экономические результаты стачек для рабочих? Закон 2 июня 1897 года, установивший минимальный рабочий день 11½ ч., застал более длинный рабочий день в Петербургской губ. у 56% рабочих, в Московской у 67,3%; в провинции (кроме Польши и Прибалтики), очевидно, рабочее время было еще выше[2]). Таким образом, передовые группы рабочих (преимущественно металлисты) завоевали себе сокращение рабочего дня еще до закона. Закон коснулся более отсталых фабрик. Как будто закон обещал реальное облегчение значительно большей половине рабочего класса. Но последовавшее за ним разрешение сверхурочных работ циркуляром министра финансов в марте 1898 г. и отсутствие мер наказания за нарушение закона сводило значение его на нет. К тому же, закон сократил праздники. Их было по русскому православию больше, чем на Западе: 80—88, а в иных местностях до 100 в год; закон установил 66. Этим в

[1]) В. Святловский. „Проф. движение в России". Стр. 101—103.
[2]) Туган-Барановский. „Фабрика" стр. 329.

замаскированной форме частично уничтожались результаты закона, и рабочие в ряде городов начинают бороться за старые праздники. Так, крупнейшая в Иваново-Вознесенске двухнедельная стачка 20.000 текстилей в декабре 1897 года проходит под лозунгами «за праздники—пророка Ильи, Иоанна Крестителя и Иоанна Богослова». В Польше, где рабочий день был ниже установленного законом, рабочим пришлось бороться против попыток предпринимателей «провести в жизнь» закон и удлинить рабочее время. В общем, по издании закона стачечная борьба не только не прекращается, но 1899 год является рекордным по цифре стачечников, а если в 1898 г. мы видим (см. таблицу выше) временное снижение этой цифры, то здесь, повидимому, действует не столько закон, сколько голод 97—98 годов, хлынувшая в город новая волна «земляков» и отчасти, может-быть, усиление полицейских мер вслед за изданием закона.

В конечном итоге, в начале XX века мы все еще видим сплошь и рядом 13—14, 15—16 и даже 18 часовой рабочий день не только в захолустьи, но в таких центрах, как Белосток, Херсон, Батум, Баку, Одесса, Киев, на южных каменноугольных шахтах (12—13 ч.) и т. д. Вопрос решался не законом, а борьбой рабочих с хозяевами на местах за проведение этого закона.

Наступивший кризис ухудшил условия экономической борьбы рабочих. Если мы не замечаем при этом резкого повышения рабочего дня в широком масштабе, то это объясняется общим сокращением работ. Наоборот, имеет место повсюду сокращение рабочего времени, но это уже не «завоевание» рабочих, а спутник безработицы. То, что в период подъема завоевывалось рабочими, теперь обращалось против них самих. Вместе с тем, повсеместное и резкое снижение заработной платы вынимает всю «душу» из короткого рабочего дня, как формы борьбы за понижение нормы эксплоатации.

Суммарных сведений о повышении заработной платы к концу 90 годов у нас нет. Но уже судя по значительной успешности стачек, оно было более или менее общим явлением. В книге Туган-Барановского («Фабрика») приводятся данные о повышении платы на 4-х крупных московских мануфактурах за годы 1886—1896 на 15%. Там же на мануфактуре Цинделя с 1895 по 1899 год плата повысилась на 13%. Автор делает заключение, что к концу 90 годов сравнительно с началом 80-х денежная плата фабричных

рабочих в Московском районе повысилась на 20—25%. На Юзовском заводе с 1884—5 по 1897 год заработки возросли почти вдвое, это более или менее характерно для всего быстро развивавшегося промышленного юга. По мнению автора, в конце XIX века повысилась не только денежная, но и реальная заработная плата [1]).

Мартов в цитированной выше статье считает, что вывод этот «едва ли может быть признан обоснованным». Из разбора Пажитновым данных Тугана видно, что повышение платы в Юзовке было номинальным (плата повышалась поденщикам, соответственно увеличению рабочих дней в году). На Урале при повышении цен на жизненные продукты номинальная плата осталась почти неизменной.

Ремесленникам удается во многих цехах поднять свою заработную плату на 50—100%. Но и здесь застой вновь привел многих к «голодным» заработкам.

С 1900 года сокращение платы и расценок рисуется нам необычайно резким, вместе с ростом безработицы. В Белостоке у ткачей—на 50%, в Иваново-Вознесенске на 20% (одновременно вводится система штрафов, здесь рабочим в 1901 г. приходится бороться за 11 рублевый месячный заработок, который был средним в первой половине 90 годов), в Баку на 20—25%, в ж.-д. мастерских Саратова на 50%, в Батуме для поденщиков на 75—80%, в Донецком бассейне на 20—30, и даже на 50%, в Луганске на 50%. То же явление поражает и столицы. У Бромлея в Москве литейщики получают всего 7—8 рублей, в Петербурге Обуховский, Путиловский и др. крупные заводы сбавляют расценки. Тем не менее, по данным фабричных инспекторов, средний заработок рабочего в 900—903 гг. был равен 20 рублям (для женщин—12), при некотором повышении цен на продукты первой необходимости [2]).

Неаккуратная выдача заработков не устранена. Санитарные условия работы не изменились. В фабричной инспекции, штаты которой в 1899 г. были расширены с 171 до 251, процветали полицейские приемы. В 1900—902 гг. фабричные инспектора составили протоколы только в 5,7% замеченных ими случаев правонарушений, 94 из 100 случаев оставлены без последствий. Жилищные условия не улучшились, исключая польский горный округ. «Несмотря на гро-

[1]) Стр. 337.
[2]) Пажитнов. „Положение рабочего класса в России". Стр. 243.

мадные его усилия, положение рабочего класса, в общем и целом, улучшилось лишь очень незначительно,—заключает Мартов.—И главное, все достигнутые им улучшения оказались непрочными. Как только подъем промышленности сменился неизбежным застоем, условия жизни русского рабочего стремятся вернуться к прежнему уровню [1]).

Но к условиям начала 90-х годов прибавляется новый фактор—безработица. На этот раз резервная армия начинает пополняться пачками из рядов занятого в производстве пролетариата, а не из деревни, как то было при заминке после 1893 года, и это гораздо резче ощущается пролетариатом. Количество рабочих, выбрасываемых на улицу из закрывающихся предприятий, по годам таково:

1900 г.	550 предпр.	20.083 рабочих
1901 „	350 „	34.774 „
1902 „	840 „	33.274 „
1903 „	682 „	23.339 „ [2])

Но здесь только закрывавшиеся предприятия. Между тем, очень многие фабриканты сокращали производство, рассчитывая часть своих рабочих. Нефтяные промыслы юга сокращают число рабочих на 30%. Путиловский завод рассчитывает из 12.000 рабочих 4.000. Прохоровская мануфактура 900, Катовская 1.200, Тульский завод свыше 600, Златоустовский на Урале—500, Сормовский завод работает через месяц, на рудниках юга рассчитывают тысячами, в Харькове с паровозостроительного завода уволено 400, Белорецкий завод (Оренб. губ.) закрывает ряд цехов, и так без конца. Безработица свирепствует не только среди необученных рабочих, она так же, как и снижение заработка, поражает высоко квалифицированные элементы: слесарей, токарей, литейщиков и т. д. Железоделательная промышленность особенно страдает вследствие кризиса.

Если судить только по цифрам стачек, то можно ошибочно заключить о падении рабочего движения с 900 года. Мы имеем цифры правительственной статистики, значительно преуменьшенные (напр., в 99 году они дают 97 тыс. стачечников против 130 по

1) Стр. 91—92.
2) „Обществ. движение в России в нач. XX века". Т. I. Балабанов. Промышленность в России. Стр. 78.

вычислениям Мартова), но дающие полную возможность судить о ходе движения:

1899 г.	97.948	стачечников
1900 „	29.389	„
1901 „	32.288	„
1902 „	36.871	„
1903 „	86.832	„ [1])

Но факт падения стачек говорит лишь о большем сознании, которое проявляют рабочие. Они воздерживаются от борьбы, сознавая невыгодность для себя промышленной конъюнктуры. На смену стачек выступает новая форма движения—демонстрация. При этом, и стачки все более и более окрашиваются в политический цвет, предвещая великую октябрьскую стачку 1905 года.

Политический элемент был и в стачках 90-х годов. Еще Желябов сказал, что в России стачка—факт политический. Закон о сокращении рабочего времени был серьезной политической победой рабочего класса, хотя участники питерских стачек субъективно стремились просто улучшить свое экономическое положение. Стачки откликались возбуждением во всех оппозиционных слоях общества. И правительство учитывало политическое значение стачек. Не даром оно сопроводило издание закона 97 года увеличением штатов полиции: 1 февраля 1898 года было учреждено 160 новых должностей околоточных и 2.320 городовых [2]). Уже в восьмидесятых годах на фабриках и промыслах были учреждены 572 полицейские должности на частные средства. Теперь эта отрасль «попечения» о рабочих оживляется. Правительство требует от фабрикантов содержания шпионов. В Питере на каждом крупном заводе вводится специальная полиция. Циркуляром 12 августа 1897 года дела о стачках предлагается вести в охранном порядке, стачечников ссылать на родину по этапу и т. п. О размахе репрессий дает понятие, например, арест 1.050 рабочих после питерской стачки 96 г. или провал с.-д. организаций вслед за первым съездом в марте 1898 г., когда было взято по разным городам сразу до 500 человек, при чем в одном Киеве—176. Как на курьезы, можно указать на отдачу под надзор полиции всех щетинников в Западном Крае, или

1) Цит. статья Мартова, стр. 113.
2) Озеров—„Политика по раб. вопросу", стр. 158.

на высылку всех трубочистов из г. Вильны за то, что кто-то облил их хозяина серной кислотой[1]). Подобные меры, в конечном счете, открывали глаза рабочей массе на роль царизма. В особенности рыли яму самому правительству такие совершенно излишние даже с точки зрения «порядка» расправы, как расстрел в Ярославл ерабочей толпы «молодцами фанагорийцами» (1895).

В этой политике правительства переплетались интересы сохранения «порядка», т.-е. самодержавия, с сохранением интересов фабрикантов. Под конец, в «зубатовщине», тенденция «порядка» явно восторжествовала, политика министра финансов Витте была оттеснена политикой министерства внутренних дел, с более откровенной реакционно-дворянской окраской. Но это было уже к концу интересующего нас периода, в годы кризиса.

Уже рогатки самодержавия, которые оно ставило массовому экономическому движению, превращали его в политическое. Раньше всего это вылилось на Западной окраине. С начала 90 годов здесь идут уже майские забастовки. Стачки и волнения часто оканчиваются жертвами (91 г.—Жирардов, 92—Лодзь и т. д.). В 1899 г. в Либаве и Вильне происходят первые майские демонстрации.

Во внутренней России первая майская забастовка происходит в 98 году на Северной мануфактуре, в Петербурге. В декабре того же года ткачи Максвелля и Паля[2]) предъявляют наряду с другими требованиями, требования политических свобод. Студенческие беспорядки в феврале 1899 г. в Казани, в Харькове проходят при участии рабочих. 1 мая 1899 года бастуют рабочие Брянского завода в Екатеринославе. Но этот завод в 99 году уже захвачен кризисом.

Демонстрационный период открывается Харьковом в маевку 1900 г., где происходят демонстрация и забастовка механических рабочих, ремесленников и железнодорожников. Требования—свободы печати, слова, союзов, стачек, участия народа в управлении (впервые), 8-часовой рабочий день и повышение платы. Арестовано 400 человек, отпущенных по требованию толпы.

---

[1]) Р. Дело № 2, стр. 98.

[2]) Замечательно, что интеллигенты, составлявшие прокламацию по поводу данной стачки у Максвелля и Паля, не внесли в нее политических требований, выдвинутых рабочей массой.

Рабочие участвуют в студенческом движении 1901—2 годов. В мае 1901 года в Петербурге происходит известная обуховская оборона и столкновения на Выборгской стороне, у Сампсониевского моста. В 1902 г. первомайское празднование впервые принимает всероссийский характер. В ноябре того же года происходит знаменитая ростовская стачка, с демонстрациями политического характера, а в 1903 году летом разражается первая всеобщая стачка на юге, считавшая участников десятками тысяч.

От стачки к демонстрации; от демонстрации к стачке, все сильнее начинает звучат лозунг: «долой самодержавие!».

Итак, рабочее движение на рубеже XX века не просто «эволюционировало», не постепенно, шаг за шагом, переходило от преобладания в нем экономической борьбы — к политической. Оно совершило некоторый скачок, послушно следуя за развитем кризиса из подъема. Кризис развился из подъема диалектически, его противоречия в дни подъема существовали, в форме, еще скрытой от сознания рабочих масс (точно так же и от сознания царских министров, заверявших уже в момент начавшегося кризиса о «процветании промышленности и финансов»), но доступной сознанию революционных социал-демократов, которые, в лице Ленина, в 1897 году предсказали процветавшей промышленности близкий крах (в брошюре »Задачи русских социал-демократов»). Это предсказание теперь, в глазах историка, ставит автора на много голов выше его современников, тем более, что им был предсказан и тот «скачок» рабочих масс к политической борьбе, который мы сейчас обрисовали, и были сделаны практические выводы для деятельности социал-демократов. Вот что здесь писал т. Ленин:

«В настоящее время мы переживаем, видимо, тот период капиталистического цикла, когда промышленность «процветает», торговля идет бойко, фабрики работают во всю, и, как грибы после дождя, появляются бесчисленные заводы, новые предприятия, акционерные общества, железнодорожные сооружения и т. д. Не надо быть пророком, чтобы предсказать неизбежность краха (более или менее крутого), который должен последовать за этим «процветанием» промышленности. Такой крах разорит массу мелких хозяйчиков, бросит массу рабочих в ряды безработных и поставит, таким образом, перед всеми рабочими в острой форме те вопросы социализма и демократизма, кото-

рые давно уже встали перед каждым сознательным, каждым думающим рабочим. Русские с.-д. должны позаботиться о том, чтобы этот крах застал русский пролетариат более сознательным, *более объединенным, понимающим задачи* русского рабочего класса, способным дать отпор классу капиталистов, пожинающих нынче гигантские барыши и стремящихся всегда сваливать убытки на рабочих,—способным вступить во главе русской демократии в решительную борьбу против полицейского абсолютизма, связывающего по рукам и ногам русских рабочих и весь русский народ».

Это применение материалистической диалектики к тогдашнему моменту было до того просто и неоспоримо, что его некоторые «социал-демократы», читавшие книжку... проглядели и, не готовившись к внезапному политическому оживлению, рассчитав свою мирную *деятельность на долгие годы, на ее эволюционное изменение*, растерялись перед натиском политической волны.

Итак, поскольку все движение в целом на рубеже XX века проделывает путь от экономической борьбы к политической, мы можем заметить, что новую окраску ему придают не рогатки самодержавия сами по себе, а рогатки самодержавия в условиях кризиса. Формы рабочего движения не «саморазвиваются»—от экономической стачки и стачки за фабричные права, к политической стачке и демонстрации,—а их развитие диктуется им изменением экономической конъюнктуры. Это нам чрезвычайно важно запомнить для уяснения себе природы основных тактических заблуждений «экономизма».

3. Социальные корни «экономизма» в рабочем движении.

Отправной точкой «экономизма» служили те материальные завоевания, которые рабочая масса делала в рамках промышленного подъема и в рамках царского строя. Мы видели, что эти завоевания были невелики и недолговечны. Иллюзия возможности этих завоеваний, существовавшая в рабочей массе и среди части социал-демократов, невероятным образом переросла их действительные размеры. В исторической перспективе поэтому «экономизм» кажется огромным и нелепым заблуждением, которое на один момент

стало почти всеобщим. И, как идеологическая форма всегда несколько отстает от своей экономической базы, так и «экономизм» захватил почти все социал-демократические организации уже на закате промышленного подъема, в 98-900 годы, когда уже чувствовался кризис, и завоевания рабочих ставились под вопрос. Это еще подчеркивает нелепость «экономизма», рисуя его в чудовищную карикатуру, в какой-то *посторонний нарост на социал-демократию*.

В классических формах оппортунизма на западе, в английском трэд-юнионизме, например, мы ясно видим его солидный материальный фундамент. Широкие верхушечные слои отечественного пролетариата буржуазия систематически подкупает лучшей заработной платой за счет усиленной эксплоатации колониальных рабов. Когда на основе промышленного подъема в конце XIX века в германской с.-д. возникает ревизионизм, то и под ним лежит солидная материальная база. Русская же буржуазия на пороге XX века не сумела даже в дни подъема, хотя бы на несколько лет, обеспечить своих рабочих прожиточным минимумом. И все-таки оппортунизм господствует в социал-демократии в течение этих лет.

Довольно просто понять тот факт, когда прилично обеспеченный и к тому же политически свободный рабочий, почти равноправный с буржуазией гражданин, отказывается от социальной революции. Но совсем иного порядка явление, когда уже восставший, но все еще закованный в цепи голодный пролетарий не понимает необходимости эти цепи разорвать. Таким образом, мы имеем перед собой значительно исправленное «самобытными» чертами издание западноевропейского оппортунизма.

Ключа к его пониманию не дает одна голая ссылка на промышленный подъем, к которой обычно прибегают. Это видно хотя бы уж из того, что в 1912—14 гг. у нас был подъем не меньший, а стачки на его основе окрасились в ярко-политический цвет. С другой стороны, в начале 80-х годов был кризис, а стачки были чисто экономическими. Для понимания «экономизма» надо от исследования объективной обстановки еще обратиться к его субъективным предпосылкам в рабочем движении, к самому действующему лицу-пролетариату, и здесь поискать причин, почему иллюзии оппортунизма так значительно переросли свою материальную базу.

Прежде всего, насколько в итоге первых крупных шагов русского капитализма, рабочий класс отдифференцировался от дру-

гих классов? Здесь первым делом бросается в глаза тот факт, что за десятилетие 90-900 гг. фабрично-заводской пролетариат удвоился. Рост этот шел в подавляющем большинстве за счет деревни. *Полуторамиллионная крестьянская масса* притекла в город за годы стачечного движения, и, значит, в бой шли, в той или иной степени, «свежие» эшелоны.

Каким же вступал русский пролетариат в 90-е годы? Нет никакого сомнения, что чистый, лишенный собственности и живущий исключительно на заработную плату и даже *потомственный* пролетариат уже был. Статистические исследования 84—85 гг. показали, что больше чем у половины (у 55% из опрошенных 18.576 ч.) рабочих Московской губении отцы работали на фабриках. На полевые работы уходило с фабрик в страдную пору только 14,1%, остальные же работали круглый год (хотя 94% числились «крестьянами» по паспорту). Важнейшей причиной к разрыву связи с землей оказывался переход от ручного производства к механическому. Все это марксистская литература с полным правом противопоставляла в свое время утопической болтовне народников об отсутствии пролетаризации и капитализма в России. Но та же марксистская литература не закрывала глаз на оборотную сторону медали, не преувеличивала «европеизации» русских рабочих. Тем более мы обязаны придерживаться этих традиций и после цифр, говорящих за пролетариат, привести цифры, говорящие *против* пролетариата.

Связь его с землей не исчерпывалась уходом на страду. На ситценабивной фабрике Циндели, типичной для Московского района, в 1898 г. мы имеем такое выражение степени связи рабочих с землей [1]):

1) Уходящих на полевые работы и ведущих самостоятельное хозяйство	11,9%
2) Не уходящих, но ведущих самостоятельное хозяйство при помощи семей	61,4%
3) Не ведущих хозяйства, но сдающих надел в аренду	12,3%
4) Не имеющих надела, но имеющих постройки в деревне	3,6%
5) Не имеющих с деревней никакой связи	10,8%
	100%

[1]) Туган-Барановский: „Русская фабрика в прошлом и настоящем“ (стр. 343, издание 1922 года). Данные Шестакова. Выше—данные Дементьева, там же, стр. 338—340.

Полукрестьянский элемент висел балластом на ногах русского пролетариата прежде всего в чисто экономическом отношении, *снижая заработную плату*. Уходящий на заработки в город крестьянин часто смотрел на это, как на занятие не основное, подсобное к своему деревенскому хозяйству и мирился с более низкой оплатой своего труда. В сельском хозяйстве нечто сходное по внешности мы имеем в системе отработок, когда хозяин обрабатывает землю помещику своим инвентарем, не отрываясь таким образом, даже в процессе производства от своих орудий. Статистика установила, что отработочный труд оплачивался обычно в 1½—2 раза дешевле обыкновенного наемного труда. Отработки в системе земледелия являются способом эксплоатации, переходным от крепостного к капиталистическому. Эксплоатация полурабочего, полукрестьянина в русской промышленности явилась первой ступенью к чисто капиталистической фабрике.

В связи русских рабочих с деревней находит себе объяснение тот факт, что в 80-х годах русский рабочий имел реальную заработную плату *втрое ниже* американского.

Но полукрестьянин неизбежно накладывал *отпечаток консервативности* и на самые формы рабочего движения. Это движение в 90-х годах, если на него взглянуть в разрезе, представляет собой настоящий калейдоскоп. Почти по любому году здесь можно написать всю историю русского рабочего движения, чуть ли не с крепостного права. Просмотреть его с верху до низу представляет некоторый интерес. Параллельно мы выясним себе более определенно экономическое положение и социальный облик разных групп рабочих.

Начнем хотя бы с уральских горных заводов. Здесь рабочие даже звались «горнозаводскими *крестьянами*», потому что каждому из них, при освобождении от крепостной зависимости, дали надел, на котором он и жил. Благодаря этому, заводы платили ему меньше, чем получал рабочий в других местах. В то время, как еще в начале 90-х годов средний заработок в день у русского рабочего был 51 коп., здесь в 1899 г. из 11 крупных заводов только один платил 50 коп., один больше 40, остальные меньше, а один всего 5—7 коп. Полагаясь на консервативность горнозаводских крестьян, правительство еще в 1861 г. учредило здесь «горнозаводские товарищества», в видах упрочения связи между заво-

дами и работающими на них людьми, при чем поденщики и вообще временные рабочие к товариществам принадлежать не могли, как элемент более беспокойный. Эти товарищества (как впоследствии «зубатовщина») оказались палкой о двух концах, подготовив стачки, из которых выделяется двухмесячная стачка в Златоусте летом 1897 г. Упорству стачки помогло именно то обстоятельство, что летом рабочие ушли на землю. В организационную форму, созданную правительством, рабочее движение вложило свое собственное содержание. В 98 г. златоустовские рабочие добились 8 часового рабочего дня. Но движение совершенно не вышло за пределы чисто-экономического и профессионального.

Уральская промышленность и ее рабочие все же стоят несколько особняком. Если нас интересует провинциальная глушь 90-х годов, то мы должны, вслед за корреспондентом «Рабочего Дела», заглянуть, например, в Нижегородскую губ., в уезды Горбатовский, Ардатовский и т. п., где расположен ряд механических чугуннолитейных и железоделательных заводов: «Рабочие этих последних,—пишет корреспондент,—находятся больше в руках капиталистов, чем рабочие городских и подгородных заводов. Их заработная плата ниже, работа тяжелее, хуже самая обстановка труда... Значительная часть или приходит на время от сохи, или одновременно работая на заводе, не теряет связи с землей[1]). *Эти рабочие легче мирятся с низкой заработной платой*». *Какие условия способны выносить* эти темные люди, видно из следующей характеристики их положения на ремонтах пароходов и затонов Нижнего-Новгорода: «После 13—14 часового тяжелого труда рабочий идет «на отдых» в артельную квартиру. Его обед и ужин состоит из хлеба и горячего блюда, составленного из двух веществ: капусты и воды. После такой трапезы он устраивается на ночлег. В комнате в 20 кв. аршин при одной сажени высоты помещается до 20 душ рабочих. Чтобы улечься, устроены 3 ряда нар,—счастливы попавшие на нижние нары. На верхних же человек лежит под постоянным дождем от оседающих с потолка испарений, от дыхания и пота. Если такой рабочий не хочет итти работать на морозе в мокрой одежде, то

1) Курсив мой. Чтобы не перегружать страниц особыми примечаниями, автор брошюры оговаривает принадлежность курсива цитируемым авторам только в том случае, если это существенно меняет смысл. Во многих случаях курсив, принадлежащий цитатам, совсем не воспроизводится.

он должен встать на 1—2 ч. раньше других, растопить железную или чугунную печь и около нее высушить свое платье». «Конечно,—прибавляет автор,—такие порядки скоро сменились бы другими, если бы здесь были настоящие фабричные рабочие, а не люди, пришедшие на время от сохи. На лето они уйдут к себе в деревню дышать свежим воздухом, а что работа и жизнь в скверных условиях унесет, наверно, много их здоровья и сократит их жизнь—кто им об этом скажет?.. Интересно, что у того же самого хозяина более квалифицированные рабочие, например, токаря, добились 12 часового рабочего дня» [1]).

А вот и крупнейшее фабричное предместье Нижнего,—Сормово. Здесь почти половина—местные крестьяне из деревень Сормово, Мышьяковки, Харьина, Варихи и др. Рабочие делятся на две «партии»: «пришлых» и «местных». «Местные» в 96 году сорвали маевку, в 1901 тоже. В 99 году, во время волнений по поводу несвоевременной выдачи заработной платы и злоупотреблений «харчевыми записками», большая часть «местных» удалилась по домам, и потом на суде эти рабочие фигурировали в качестве свидетелей против своих же товарищей [2]).

Рабочий еще настроен ждать облегчения от кого-то свыше. Закон 97 года особое значение имел для провинциальных фабрик. Когда известие о нем пришло на Кренгольмскую мануфактуру в Нарве, то рабочие, с согласия директора, отслужили молебен за здравие петербургских рабочих, завоевавших им сокращение рабочего дня (здесь стачки не было). Рабочие хотели даже послать благодарственную телеграмму царю, который, по их мнению, стоит за бунтовавших, но им отсоветовали [3]). Когда положение вынуждает самому искать исхода, то полукрестьянин сначала поступает так, как кирпичники Брянского завода в Екатеринославе: придя к хозяевам, они не находят других средств, кроме просьбы о прибавке со слезами на глазах [4]).

На стачку и бунт он решается не сразу: в Ростове, например, поденщиков и обойщиков при забастовке в ж.-д. мастерских в

1) „Раб. Дело“. № 4—5. Стр. 60—63.
2) „Раб. Мысль“, № 12.
3) „Листок Работника“, № 2 стр. 3.
4) „Р. Д.“ № 5 стр. 98. Факт относится к 98 или 99 году.

94 году рабочие других цехов *сгоняли с работ камеиьями*[1]). Земля, мелкая собственность в цепких лапах держит полурабочего, вместе со спутником «деревенского идиотизма» — невежеством. Зато, как только впервые порывается крестьянская пуповина, рабочий тем сильнее начинает бунтовать, чем ниже тот уровень «необходимого продукта», получаемого от капиталиста, который он сам вчера еще поддерживал в качестве полукрестьянина. Его вчерашний день кажется ему уже далеким невозвратимым прошлым, которое он способен даже ненавидеть.

Но в какие же формы выливается первый стихийный протест рабочего? В тех же Сормовских волнениях 99 года необычайно ярок элемент *неорганизованного бунта*. Разгром квартиры директора, канцелярии пристава, электрической станции, ренскового погреба о-ва потребителей и, в довершение всего, — расправа с наиболее ненавистными заводскими служащими, шнырявшими в толпе, подслушивавшими разговоры рабочих и подстрекавшими к разгрому. В результате, вмешательство властей, войска и суд [2]).

Здесь больше сходства с разгромом помещичьей усадьбы, чем со стачкой трэд-юниона. Такой бунт еще прямо выгоден капиталисту, подсылающему своих провокаторов. Случай с Сормовым не единичен. Вот погром с поджогом булочной, мастерских и магазинов в Бежице, около Брянска, в 1898 году, явно спровоцированный, при подозрительном исчезновении администрации, при чем против погромщиков выступила часть рабочих. Буйства повредили успеху стачки, приуроченной к 25-летию завода. В Екатеринославе бунт Брянского завода тем же летом принял форму еврейского погрома, но не избежал избиения и господин полицмейстер. В результате, арестовано 1200 человек, 500 выслано на родину [3]). Обращения к «начальству», т.-е. к полиции, за заступничеством, все еще играют большую роль в движении. Иногда это своеобразно переплетается с религиозными предрассудками рабочих. На фабрике Гусь Владимирской губ. стачечники доходят с жалобой на управляющего до знаменитого Московского ген.-губ. великого князя Сергея Александровича и, привалив в церковь, заставляют попа отслужить молебен Божьей Матери,

---

1) „Раб. Дело“ № 8, стр. 54.
2) „Раб. Дело“, № 8, стр. 55.
3) „Раб. Дело“, № 1, стр. 86.

Николе-чудотворцу и Сергию преподобному, целуя, в заключение крест и евангелие, «чтоб народ не изменял друг-другу» [1]).

Вмешательство «начальства» иногда, действительно, разрешало вопрос в пользу рабочих, иногда обходилось им дорого, но всегда предпринималось в интересах «порядка». В волнениях на Невском заводе (бывш. Семянникова) в 94 г., открывших собою эпопею стачек в Петербурге, жандармские офицеры, прибывшие на место, «в ту же ночь выдавали рабочим давно требуемую получку» [2]). Так было во многих местах, но не то случилось в Ярославле.

На Большой Ярославской мануфактуре для большинства рабочих фабрика была «еще чем-то *пособным*, а целью своей он считал восстановление приходившего в упадок своего *хозяйства в деревне*» [3]). Когда в 95 году голодный заработок, непомерные штрафы, целая система бесчеловечной эксплоатации вынудили рабочих бастовать, то настроение их было миролюбивое. После безрезультатных переговоров с местной властью, рабочие подали жалобу присяжему начальству. Охранявшая это начальство рота фанагорийского полка в покорно-настроенную толпу по приказу дала без всякого повода несколько залпов, которыми было убито свыше 10 человек (в том числе женщина с ребенком) и много ранено. Царь впоследствии телеграммой на имя командира полка вынес «спасибо молодцам фанагорийцам за стойкое и храброе поведение во время фабричных беспорядков.»

Кто же руководил в этой и следующих стачках ярославцами? А. Фишер в своих воспоминаниях пишет: «В 1898 году к нам, в Архангельск, было пригнано человек 10 ткачей из Ярославля, сосланных за участие в стачке. Публика совершенно темная, малограмотная. Из всех их выдавался своей внешностью старик ткач: он был типом середняка — и *от крестьян не отстал, и к* фабрике не пристал» [4]).

Рабочий юг, игравший в течение всей революции значительную

---

1) „Раб. Мысль“, № 4. Кстати, ни редакция „Р. М.“, ни автор корреспонденции не высказывают своего отношения к подобным „формам рабочего движения“.
2) Тахтарев „Очерк Петерб. рабочего движения 90 г.“. Стр. 21.
3) „Из истории раб. и комм. движения в Ярославле“. „Очерк из истории...“ Е. Дмитриев, стр. 9. — „Работник“; № 3 и 4. Стр. 68. Описания в обоих источниках значительно разнятся друг от друга. Е. Дмитриев указывает, что приказ стрелять был отдан вел. кн. Сергеем.
4) А. Фишэр. „В России и Англии“, стр. 38.

лоль, формировался именно в 90 годах. Горнозаводская промышленность сильно нуждалась в рабочих руках и могла черпать их только из деревни. Какое значение это имело для рабочих, видно из того, что в Юзовке ежегодно понижали плату осенью, «когда много рабочих рук, когда семейный шахтер успеет запастись на зиму кое-какими продуктами»[1]). Успешные и дружные стачки здесь падали только на лето, когда шахтер, в случае неудачи, уходит на полевые работы.

Какой же рабочий класс мы имели в столицах? О московских текстильных рабочих мы могли судить по фабрике Цинделя. Общую характеристику их дает московский корреспондент «Рабочего Дела». Около половины 90-х годов «здесь пришлось иметь дело прямо с сырой деревенской массой, к тому же постоянно отливающей назад в деревни и заменяющейся новым составом. Это постоянное тасование рабочих, введенное у нас почти в систему и облегчаемое центральным положением Москвы, а также характером ее промышленности (Москва по преимуществу центр текстильной промышленности, не требующей, как известно, обученых рабочих), является главной помехой пробуждению сознания рабочих»[2]).

Металлические заводы в Москве выступили первыми в движении 90 годов. Первые годы стачечной волны 96—97 пестрят стачками почти исключительно металлических заводов, но в числе их выступают также Прохоровская мануфактура и Морозовская в Орехове-Зуеве, как наиболее крупные из текстильных фабрик.

Москве обычно противопоставляется Петербург, как центр более значительный, с сильной металлургией и крупными текстильными фабриками. Конечно, именно поэтому он был на всем протяжении последних 50 лет центром революционного движения, а не потому, что в нем была столица: последнее только усиливало его значение. Кружковое движение 80—90 годов возглавлялось Петербургом, и в нем рабочими металлистами по преимуществу. Петербург был центром и стачечного движения 94—99 годов, а по величине и значению кульминационным пунктом была здесь стачка 30—35 тысяч прядильщиков и ткачей в 1896 году. В Петербургском районе заработная плата была в общем выше Московского района на одну треть и даже больше[3]).

---

[1]) „Раб. Мысль“, № 12.
[2]) „Раб. Дело“, № 6, стр. 70.
[3]) Туг.-Баран. „Фабрика“, стр. 309.

Но и здесь, в самой пролетарской крепости, в 90 годы и позднее существует то самое яркое разделение на «фабричных» и «заводских» рабочих, которое очерчено Плехановым для 70 годов («Русский рабочий в революционном движении»). В то время, как до 94—96 годов в кружковом движении господствовал почти исключительно «заводской», эти годы выдвинули здесь на авансцену массу «фабричных».

«Передовые рабочие вербовались преимущественно из металлистов — пишет А. Шаповалов.—Последние в Петербурге представляли из себя лучше всего оплачиваемую часть рабочих. Потребности у них были выше, чем у других рабочих, например, ткачей. Они были культурней и по внешности, и по костюму, отчасти, хотя очень немного, походили на западно-европейских рабочих. Каждый токарь или слесарь имел квартиру или маленькую комнату. Это были рабочие предприятий, работавших на военные нужды и на государство. Но масса металлистов была погружена в это время еще в довольно глубокий сон. Совсем другую картину представляли из себя рабочие текстильных фабрик, работавших, большей частью, не на государство, например, ткачи. Их положение было несравненно хуже, чем положение металлистов. На механических заводах рабочий день равнялся 10 часам, а на ткацких прядильных фабриках он тянулся 13 часов. Текстильные фабрики начинали работать обыкновенно в 6 часов утра и заканчивали в 8 ч. вечера, с перерывом на обед на 1 час. Зарабатывали ткачи в 2 раза меньше металлистов. Жили они артелями в фабричных казармах, или снимали так-называемые углы. Одежда их мало отличалась от крестьянской. Отличительной чертой их костюма являлся белый передник, который они надевали на фабрике поверх красной кумачевой рубахи. Только молодежь не подстригала волосы в скобку и по праздникам одевала пиджак. При выходе из фабрики они поражали своим нездоровым серо-зеленым цветом лица. Может-быть, связь с деревней, которая у них была большей, чем у металлистов, и куда они уезжали почти ежегодно на полевые работы, спасала их от окончательного вырождения»[1]). Другой видный участник движения, рабочий-металлист А. Фишер, свидетельствует еще резче: «Фабричные рабочие (речь идет о ткачах) для меня были

---

[1]) А. Шаповалов. „По дороге к марксизму“, стр. 76.

другой расой рабочего класса»[1]). Если даже допустить в обеих характеристиках некоторый субъективизм, то все же краски останутся очень яркими. Именно указывая на ткачей, народовольцы считали невозможным близкое выступление рабочей массы. И вот, «именно эта, на первый взгляд такая отсталая, некультурная, забитая масса рабочих ткачей проснулась раньше, чем масса металлистов, и первая доказала своей стачкой летом 96 г. в Петербурге, что в России возможно рабочее движение, подобное западно-европейскому»[2]).

То, что так характерно схватил А. Шаповалов в последних словах, целиком оправдывается общей картиной всей полосы стачек: участие текстилей в них больше, чем металлистов (177 и 107 тыс. чел.), все наиболее яркие эпизоды движения связаны с ними.

Итак, если в ряды кружков шел первым петербугский металлист, то на улицу первым вышел петербургский ткач. Это факт огромной важности для понимания пружин стачечного движения. Случилось так потому, что ткачи, по словам Шаповалова, работали на 3 часа дольше, а зарабатывали вдвое меньше. А это объяснялось том, что они имели связь с деревней большую, чем металлисты[3]). В этой особенности и надо искать объяснения движению ткачей.

Что же происходило здесь, что менялось в связях с землей? Очевидно, они лопались. Крестьянина уже с 60—70 годов гнал в город процесс разорения и расслоения деревни. Это, в свою очередь, зависело от податного гнета и развития капитализма. В 90 годах голодовки (91—92 и 97—98) приняли характер массового разорения карликовых хозяйств, подкармливавшихся отхожими заработками. Таким образом, лопалась пуповина, связывающая городского рабочего с землей, и он должен был переходить к существованию на одну только заработную плату. Промышленный подъем давал возможность начать немедленную и отчаянную борьбу за получение рабочим

[1]) А. Фишер. „В России и Англии“, стр. 17.
[2]) „По дороге к марксизму“, стр. 77.
[3]) Выше нами подчеркнуты слова Шаповалова о том, что масса металлистов также не представляла из себя высоко квалифицированных рабочих, поэтому всех металлистов огульно рассматривать, как чистый пролетариат, также было бы большой ошибкой.

«необходимого продукта» полностью из рук капиталиста[1]). Стряхивая с ног груз мелкой собственности, описываемый слой рабочих (который, смело можно сказать, составлял большинство, хотя еще далеко не в большинстве участвовал в стачках активно), освобождал для борьбы энергию не только свою, но и тех рабочих, чьи условия труда и найма он ранее снижал. Косвенно, это не могло не отразиться на всех группах рабочих без исключения и тем усилило общий стачечный натиск. Но, становясь «классом в себе», пролетариат не сразу становится классом «для себя». В русских условиях это получило свое выражение в том, что вчерашний крестьянин, активное выступление которого оказало такое сильное влияние на ход стачек, становясь экономически рабочим в полном смысле слова, по своей психике еще оставался некоторое время крестьянином. С низким уровнем материальных и культурных интересов, не привыкший еще в рядах пролетариата шагать в такт, мало поддающийся организации и дисциплине, он попытался на фабрике провести, примерно, деревенский уклад: чечевичную похлебку, с иконой и царским потретом в углу. Что его классовый интерес рабочего лежит гораздо дальше, об этом он узнал далеко не сразу. Его мелкобуржуазное заблуждение и послужило основой для «экономизма», за счет которой последний так уродливо перерос свою материальную базу. Отраженно мелкобуржуазная психология, в свою очередь, переходила на прочие группы рабочих, ибо непосредственный ее носитель давил своим количеством, и тем усиливала те иллюзии, которые вызывал подъем и успех стачек у всего пролетариата в целом.

Но идеология не отстает от экономики надолго. Кризис разрушил недолговечные заблуждения, и через несколько лет тот же самый рабочий требует, чтобы его учили, «как в бой итти, как в бою воевать». Характерно, что первые политические требования рабочей массы в Петербурге в 90 годах идут также от текстилей (завод

[1]) Из авторов работ о рабочем движении 90 гг. ближе всех к этому моменту подошел Д. Кольцов (Статья в т. I „Общ. движения в России в нач. XX в.“), который пишет, что „обострившийся кризис в деревне совершенно лишил многих еще полукрестьян возможности продолжать свое деревенское хозяйство... Внимание, таким образом, сосредоточилось на городском фабричном заработке“... „А благоприятная рыночная конъюнктура и крайне высокая степень эксплоатации открывали ему возможность значительных завоеваний“. (Стр. 185.)

Максвелля и Паля в 98 году, Северная мануфактура в 99 г.). Разумеется, огромное значение в смысле медленного политического пробуждения рабочих сыграла и часть социал-демократии этого периода, но об этом речь впереди.

Наш очерк был бы односторонен, если бы мы не задались вопросом о другом полюсе русского фабрично-заводского пролетариата, о другой группе «маленьких буржуа» (по выражению Каутского) — о рабочей «аристократии»[1]). Какова ее роль в возникновении «экономизма»? Участник деятельности «Союза Борьбы» Я. К. передает, как один из наборщиков императорских театров, выслушав «подходы» пропагандиста, заметил ему: «чего мне нужно добиваться? Вы хотите 8-часового рабочего дня, а я 7 часов работаю, и жалованья мне хватает». В других типографиях, добавляет автор воспоминаний, наборщики были податливее[2]). М. Лядов приводит споры в Москве с представителями лучше оплачиваемой части заводских рабочих—машинистов, токарей, модельщиков—по вопросу о кассе. Модельщики завода Гоппера, имея свою кассу, не хотели вступить в общую, мотивируя тем, что центральная касса может предложить им бастовать, когда им невыгодно[3]). Этим модельщикам Гоппер первым ввел добровольно 9-часовой рабочий день в 96 году. Групповой интерес у них явно преобладает над классовым. Но Лядов не прав, когда изображает спор с модельщиками, как спор фабричных с заводскими. Из отчета Московского комитета Р.С.-Д.Р.П., помещенного в № 3—4 «Работника» (1897), видно, что на собраниях, где были споры, и где большинство осталось за классовой точкой зрения, присутствовали исключительно заводские, так что модельщики оказались в меньшинстве среди заводских. Для привлечения фабричных к движению было устроено специальное собрание уже после споров (стр. 42—44). Со всем этим интересно сопоставить, что, по словам В. Акимова-Маховца, в Петербурге «молодым» (будущим «экономистам») первый рабочий кружок, после долгих неудач (рабочие трижды не приходили на их собрания) уда-

[1]) Может итти речь, как о привилегированной верхушке пролетариата, о приказчиках и торговых служащих. Эти издавна имели организации (о взаимопомощи и пр.), созданные буржуазией под покровительством князей и архиереев. К „экономизму“ эти организации прямого отношения не имели. Впрочем, подобные же организации имелись среди печатников и ремесленников.

[2]) Я. К. „Первые шаги“. Былое. № 9. 1907 г., стр. 147.

[3]) Лядов. „История Р. С.-Д. Р. П.“, ч. II, стр. 53.

лось создать в ноябре 95 года среди модельщиков. Акимов отзывается о них, как о «самых интеллигентных рабочих», и говорит, что «старики» из «Союза Борьбы» находили «тип организации буржуазным»[1]).

Таким образом, «рабочая аристократия» составляла социальный базис для «экономизма». Говоря о ней, нельзя не иметь в виду того, что ряд крупных заводов были связаны с поставками на казну и в момент кризиса особенно интенсивно получали «внеуставные» ссуды, им искусственно создавались заказы, затевалась постройка дорог и пр. С 900 года монопольное право на исполнение заказов по монопольным ценам было передано 15 предприятиям[2]). Ясно, что эти предприятия лучше переживали кризис: тем самым группа рабочих попадала в привилегированное положение по отношению к прочим. Но здесь мы имеем дело с чисто групповым, а не профессиональным признаком. Квалифицированные рабочие тех же профессий в других предприятиях терпели последствия кризиса, снижение расценок и безработицу, в полной мере. Среди участников Обуховской обороны, этого наиболее яркого эпизода борьбы в самые первые годы кризиса, в массе металлистов мы находим и высоко квалифицированных рабочих. Передовую роль в ней играла пушечная мастерская. Очевидно, значительная часть «верхушки» проделывала эволюцию вместе со всем рабочим классом. Вообще же эта «верхушка» выделяла интеллигентных рабочих как ранее в с.-д. кружки, так и «экономистам» и «искровцам», т.-е. революционным с.-д.

Прослойка «чистой», обуржуазившейся рабочей «аристократии» была очень узка и приходилась, главным образом, на заводы, связанные с казной. В сущности, только для этой узкой прослойки рабочих «экономизм» и имел свой настоящий смысл трэд-юнионизма. Ее материальный интерес был бы огражден при проведении в жизнь программы «чисто рабочей» политики, т.-е. свободы экономической борьбы, которую «экономисты» выдвигали для всего рабочего класса. Но, по условиям момента, ее лозунги нашли себе гулкое эхо в огромной массе вчерашних крестьян.

Потуга натянуть на плечи русского рабочего европейский костюм,

[1]) „Очерк развития с.-д. в России“. Изд. 1906, Поповой, стр. 47.

[2]) „Общественное движение“, т. I, стр. 82.

притом худшего покроя,—вот что такое представляла из себя программа «экономистов». Неудивительно, что когда рабочий повел плечами, то эта лакейская ливрея раздалась по швам, и наследникам «экономистов»—меньшевикам пришлось ее перекраивать. Замечательно, что пристрастие к западно-европейскому шаблону преследовало их всю жизнь,—верный знак того, что русское рабочее движение уходило вперед от европейского.

Особо в стачечном движении стоит движение ремесленников, главным образом, в Западном крае. Мы на нем остановимся вскользь, поскольку оно совсем не типично для внутренней России. Движение ремесленников отличалось большей организованностью, упорством и систематичностью. В то время, как в России кассы носили случайный характер, в Западном крае они вылились в форму настоящих профессиональных союзов, легших в основу политической партии—Бунда. Из них союз щетинников, по условиям производства поддерживающих постоянную междугороднюю связь, объединял до 60% рабочих своего производства—процент высокий даже для западной Европы—созывал съезды, издавал орган и т. д. В его программе стояли политические цели. В 96 году делегаты Варшавы, Минска, Вильно и Сморгони представительствуют от 3.000 организованных рабочих на Лондонском Международном Съезде. Движение еврейских ремесленников, по условиям национального гнета, окрасилось в политический цвет раньше, чем внутри России. То же можно сказать о Польше, Литве, Латвии и Эстонии. Здесь рабочих отличала большая культурность и высший процент городского происхождения.

На центральную Россию движение Западного края оказывало влияние прежде всего своей политической стороной. Если же, как мы увидим ниже, отсюда впервые вышли также идеи «экономизма» в более или менее отлившейся форме, то это объяснимо большей культурностью движения, которое интенсивнее и раньше вырабатывало в себе как положительные, так и отрицательные черты.

4. Стачки и русская буржуазия.

Подытоживая предыдущие главы, мы можем сказать, что «экономизм» питался в рабочем движении мелкобуржуазными настроениями, господство которых было обусловлено относительной успешностью экономических стачек, в обстановке промышленного подъема

и самим составом пролетариата, только-что формировавшегося в чистый, оторванный от мелкой собственности класс наемных рабочих. Вполне естественно, что мелкобуржуазный уклон в рабочем движении стремились использовать классовые враги пролетариата в своих целях.

Правительство в годы экономических стачек отвечало на них сперва репрессиями, потом репрессиями и фабричным законом. Но кризис поставил вопрос о политической опасности движения для самодержавия так остро, что вынудил правительство на примитивный и грубый маневр—«зубатовщину», имевшую целью отвлечь рабочее движение от политической борьбы и направить его острие только против фабрикантов. Зубатов использовал оружие, которое ему наточили «экономисты» за предшествующее пятилетие.

Но буржуазия, со своей стороны, делает попытку опереться на рабочих в борьбе с самодержавием. Правда, делает это она лишь в лице своих передовых идеологов: ряд крупнейших фигур русского либерализма начала XX века начинали свою карьеру «легальными марксистами» в конце 90 годов: П. Струве, Туган-Барановский, Прокопович, Булгаков и др.

Зарождение новейшего русского либерализма на рубеже XX века находит свое объяснение в факте гигантского по темпу капиталистического развития, окончательно поставившего тогда Россию в число европейских буржуазных стран, и в невиданной ранее волне стачек, сопровождавших это развитие. Этот либерализм отчасти своими истоками лежит у рабочего движения. Выступая, как основная сила демократического переворота, грозящая крушением самодержавию, пролетариат не мог не революционизировать, до известной степени, все оппозиционные самодержавию слои, в том числе и буржуазию. Но, с другой стороны, он отпугивал ее призраком близящейся социальной революции. Отсюда трусливая половинчатость либерализма, его программа сделок с самодержавием.

Именно потому, что в 90 годах рабочая волна еще окрашена примирительными тонами в политическом отношении, буржуазные идеологи получают возможность выступать под рабочим флагом, сознательно или бессознательно рассчитывая удержать рабочее движение в «должных» рамках. Но они бегут от него тогда, когда им выяснится его крайний радикализм в демократических и социальных требованиях.

Таков политический смысл эволюции русского либерализма от «легального марксизма» к «освобожденству». Но чем мы объясним тот факт, что «водевиль» с переодеванием буржуазной идеологии в марксистскую фразеологию мог случиться в годы экономических стачек, направленных прямо против фабрикантов, т.-е. буржуазии? Без выяснения этого вопроса нам не будут достаточно ясны условия возникновения «легального марксизма».

Казалось бы, что буржуазия в целом должна была занять резко враждебную позицию по отношению к экономическому движению рабочих. Но дело не обстоит так просто. Прежде всего для фабрикантских групп, связанных с самодержавием, чей кошелек оно держало в руках, экономические уступки рабочим могли являться, как и для самодержавия, средством политической нейтрализации движения. Но главная суть не в этом. Экономические стачки в дни подъема вскрывали не только и не столько противоречия капитализма, сколько его общую русскую отсталость. Благоденствие доброй половины фабрикантов и заводчиков в конце XIX века покоилось не только на возможности брать с рабочего прибавочный продукт, но еще и не доплачивать ему часть заработной платы. Низкая техника и низкие потребности рабочего-полукрестьянина обусловливали длинный рабочий день и самые тяжелые формы эксплоатации. Высокая норма прибыли в отсталых предприятиях (до 40—45%) делала менее выгодным применение капитала к отраслям производства и предприятиям с высокой техникой, что тормозило развитие промышленности. Старая система эксплоатации уже перестала соответствовать интересам наиболее передовых капиталистов.

«Фабричное законодательство»,—говорит Туган-Барановский,—было выгодно только для немногих крупных фабрикантов, фабрики которых вполне стояли на уровне современной техники, для всех прочих фабрикантов фабричные законы крайне стеснительны»[1]). Передовые фабриканты уже давно начали выступать с радикальными (для своих дней) проектами по рабочему вопросу, идя гораздо дальше правительства, которое держало союз с более отсталыми (московскими и др.). В 1875 г. на съезде машиностроителей в Петербурге крупный заводчик Голу-

[1]) „Фабрика". По затрагиваемому здесь вопросу см. всю главу: „Новейшее фабричное законодательство".

бев выступал с требованиями 8-часового рабочего дня. Съезд почти единогласно постановил ходатайствовать о законодательном установлении 10-часового рабочего дня. Известна борьба по вопросам фабричного законодательства между московскими и петербургскими фабрикантами, имеющая своей подкладкой явную конкуренцию. Самый закон 97 года, как известно, явился продуктом компромисса между фабрикантами Москвы и Петербурга. Даже часть московских фабрикантов предлагала более решительные нормы,—тактика вполне понятная, если иметь в виду, что у многих заводчиков рабочие тогда уже отвоевали 9—10-часовой рабочий день, который, к тому же, при развитой технике давал плюс, а не минус производительности. От значительного сокращения рабочего дня крахнули бы в первую голову предприятия с отсталой техникой.

Широкое экономическое движение било также в первую голову отсталых фабрикантов. Крупнейшие заводы легче и безболезненнее для прибылей могли удовлетворять требованиям рабочих. В той же Москве в самом начале стачек (95—96 гг.) многие хозяева добровольно сокращали рабочий день (Гоппер, арматурный завод) до 10 и до 9 часов. Громадный железоделательный завод Гужона, Дангауэр (мех.), Фугельзанг (м.-лит.), Лист (машин.), Добров и Набгольц и др. легко пошли на то же самое[1]). Наибольшую остроту борьба принимала не здесь, а в предприятиях старого типа, с рабочим-полукрестьянином.

Отрыв рабочего от деревни лежал, в общем, в плоскости интересов развитого капитала. Это великолепно сознали и бесподобно выразили горнозаводчики юга. Сюда в 90 годы особенно сильно притекал иностранный капитал. Текущий и колеблющийся по временам года деревенский рабочий рынок, откуда поневоле заводы черпали рабочую силу, их не удовлетворял. Совет горнопромышленников решительно заявил, что должен быть создан «рабочий класс» с особым «классовым сознанием». Начальник главного тюремного управления предложил с своей стороны 10.000 арестантов, но это ни в коей мере не удовлетворило горнопромышленников: арестанты народ текучий и неумелый. Министр Витте учредил им в Харькове «бюро» для приискания работы[2]). Но, очевидно, особый «рабочий класс» не создавался бюрократическими мерами. Гро-

[1]) „Работник", № 3—4, 1897 г. Стр. 95.
[2]) „Раб. Дело" № 4—5. Стр. 96.

мадная масса русских рабочих, та самая, которую Витте, Трепов и их клика расстреливали и ссылали пачками, вела отчаянную борьбу за создание из себя класса, столь нужного горнопромышленникам. Рабочему классу России пришлось завоевывать условия для свободного развития буржуазного способа производства против воли и сознания большинства заводчиков и фабрикантов и при их отчаянном сопротивлении.

В сущности, миссия толкать вперед буржуазное развитие падает на пролетариат на протяжении всего периода «восходящего» капитализма. Пролетариат доносит его до самых предельных высот, чтобы с них сбросить в Лету. Но эта конечная цель как бы померкла перед рабочим движением 90 годов. Для рабочего ее заслонила прибавка пятака на рубль. Идеологи же капитализма в своих теоретических построениях до известной степени резонировали на такие большие экономические факты, как формирование необходимого капитализму класса чистых рабочих и, вместе с тем, высвобождение капитализма из полуфеодальных пеленок, в которых он появился на свет в России. Они видели только грандиозное шествие капитализма, которому, казалось, не столько противоречат, сколько дополняют его экономические стачки рабочих. Если мы попытаемся, примерно, встать на точку зрения струвизма, то, приняв за носителя «капиталистического прогресса» в России паразитическую и консервативную массу буржуазии старой формации, легко было заговорить против нее на первых порах «марксистским» языком, будучи по существу идеологом только капиталистического прогресса.

И только тогда, когда развившиеся в кризис противоречия капитализма поставили во всей остроте вопрос: с буржуазией или с пролетариатом—эти идеологи выяснили себе свое существо и противопоставили свой либерализм социализму. Однако, прежде, чем бежать в буржуазный лагерь, «легальный марксизм» дал отпрыск в рабочем движении, нагрузив своим теоретическим багажом сомнительного качества часть практиков движения—«экономистов».

5. Непролетарская интеллигенция, «легальный марксизм» и «экономизм».

Русская мелкобуржуазная интеллигенция с 70 годов свои надежды на политическое освобождение связывала с крестьянством (народничество). Придавленные тяжелым сапогом реакции 80-х г., эти надежды воскресли вновь в начале 90-х. Казалось, что разоренное голодом крестьянство, наконец, обрушится на виновника своего разорения—на самодержавие. Начинается брожение и своего рода паломничество на помощь голодающим. Вместе с тем, проснувшаяся «общественная совесть» потянула широкие слои интеллигенции к культурной работе в народе.

Как та, так и другая деятельность встретила решительное сопротивление самодержавия, и это усилило оппозиционное брожение, завершением которого явились организации «Народного Права» и оживление деятельности народовольцев. Заговорщические тенденции, в сущности, логически возрождались у революционной части интеллигентов из того разочарования в «народной» (крестьянской) революции, которое наступило при виде того, как бескрайная русская деревня безропотно переносит страшное бедствие и заявляет о себе лишь стихийными и неорганизованными бунтами, направлявшимися, к тому же, и против интеллигенции («холерные» бунты). Народничество, возродившись, уперлось в тупик. Из этого тупика вывел интеллигенцию появившийся на общественной арене пролетариат.

Стачечное движение привлекло к себе громадное внимание либерального общества. «Впечатление от стачки получилось потрясающее,—описывает, например, Петербургскую стачку 96 года один из документов социал-демократического движения. — Изумленный Петербург в первый раз громко заговорил о рабочем движении: стачку обсуждали, ее защищали, на нее нападали, о ней толковали все, она была на устах у всех». И поневоле даже бюрократически-чиновничьим сферам пришлось себя впервые спросить: «Неужели и в России есть рабочий вопрос?» Сама жизнь давала революционному интеллигенту ответ на вопрос, где он должен искать опоры в борьбе с самодержавием. Народнические теории, отвергавшие для России капитализм и только-что пережившие рецидив своего былого господства, потеряли под собой всякую почву. Недоставало только того, кто бы толкнул падающего и занял его место. Эту роль сыграл «легальный марксизм». Воистину, он «пришел, увидел, победил».

«Это было вообще чрезвычайно оригинальное явление, в самую возможность которого не мог бы никто поверить в 80 или в начале 90 годов. В стране самодержавной, с полным порабощением печати, в эпоху отчаянной политической реакции, преследовавшей

самомалейшие ростки политического недовольства и протесты, внезапно пробивает себе дорогу в подцензурную литературу теория революционного марксизма, излагаемая эзоповским, но для всех интересующихся понятным языком. Правительство привыкло считать опасной только теорию (революционную) народовольчества, не замечая, как водится, ее внутренней эволюции, радуясь всякой направленной против нее критике. Пока правительство спохватилось, пока тяжеловесная армия цензоров и жандармов разыскала нового врага и обрушилась на него,—до тех пор прошло не мало (на наш русский счет) времени. А в это время выходили одна за другой марксистские книги, открывались марксистские журналы и газеты, марксистами становились невольно все, марксистам льстили, за марксистами ухаживали, издатели восторгались необычайно ходким сбытом марксистских книг» [1]).

«Критические заметки» Струве появились в сентябре 1894 г., а «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» Бельтова—в 1895, т.-е. как раз в начале наступательной волны стачек. Семя было брошено в подходящую почву и в самую пору.

Однако, уже в первой, только что упомянутой книге, Струве, провозглашавший «на выучку к капитализму», допустил немарксистское толкование ряда вопросов. «Ортодоксальным» марксистам, в лице Ленина, пришлось сейчас же вслед за тем отмежеваться от него. В статье «Экономическое содержание народничества и критика его в книге Струве» автор разоблачает Струве, как по профессорски-узкого объективиста, не умеющего пользоваться классовым анализом и затушевывающего противоречия капитализма. Критикуя теорию народников абстрактно, Струве не подчеркнул, что они представляют интересы мелкого буржуа. Классового расслоения интеллигенции («бессословной») Струве не разоблачил. Крестьянство Струве склонен рассматривать, как нечто целое, с надклассовой точки зрения. Государства, как органа классового господства, Струве не понял, толкуя его, как «организацию порядка». Диалектической связи между реформой и революцией в борьбе за социализм автор не усвоил, противопоставляя реформу революции и склонясь к реформизму. Не пользуясь марксовым определением «капитализма» (и не давая своего), Струве «увлекся», говоря о преимуществах развитого капитализма перед неразвитым. Точно так же он увлекся, расхваливая «прогрессивные разумные и рациональные» тенденции буржуазных либералов, и в то же время, борясь с народничеством, не различал в нем реакционных сторон от прогрессивных. Наконец, Струве заявил, что, якобы «философского обоснования учению Маркса еще не дано», открыв тем самым двери будущей борьбе с диалектическим материализмом.

В 1895 году, за несколько лет до «бернштейниады» на Западе, Ленин указал, что Струве—марксист ненадежный, что вслед за лозунгом «на выучку к капитализму» он провозгласит «на выучку к капиталистам», и это оправдалось, когда Струве стал во главе русских либералов. Уже его первые социал-демократические «литераторские опыты» содержали идеологию «восходящего капитализма», не больше. Однако, по горячим следам дать отпор струвизму не удалось по «независящим» обстоятельствам: сборник со статьей Ленина почти весь сожгла цензура. Между тем, Струве завоевывал адептов среди интеллигенции (до рабочих его писания не доходили).

Струвизм (как и выдержанный марксизм) был силен для интеллигенции, сжигавшей старых богов, своей критикой народничества. Но понятно, что ей, связанной с буржуазным обществом, легче было противопоставить «самобытным» утопиям развивающийся капитализм, как нечто целое, чем одновременно, кроме того, еще разобраться в противоречиях самого капитализма. Струве для усвоения был легче Бельтова.

Вместе с тем и в политической области поколению, воспитанному на преданиях о Народной Воле, легче было против самодержавия выдвигать интересы «всего народа», чем размежевать политику пролетариата от политики буржуазии, социализм от либерализма. Здесь-то и выступал Струве с его «прогрессивными разумными и рациональными» тенденциями либералов под соусом пролетарской доктрины—марксизма.

Заплутаться в извилинах «легального марксизма» было тем легче, чем «конспиративнее» был его эзоповский язык, чем быстрее проглатывались налету книжки интеллигенцией, лихорадочно жаждавшей «практической» деятельности, и, наконец, чем меньше эта интеллигенция была знакома с рабочим движением. Но самую важную роль здесь сыграл состав новой молодой «марксистской» интеллигенции.

[1]) Ленин. „Что делать". Сб. „За 12 лет", стр. 203-204.

К марксизму шла уже не только «разночинная» учащаяся молодежь, разных сословий и классов, которая в 70 годах ходила «в народ», а с 80 годов стала выделять первых идеологов пролетариата и руководителей рабочих кружков. «На месте прежнего голодранца-разночинца или вечно недоедающего студента,—говорит современник Лядов,—в качестве пропагандиста можно было уже увидеть какого-нибудь адвоката, приват-доцента или литератора с именем и общественным положением. Рабочее дело обсуждается часто уже не в душной чердачной каморке, нанятой для конспиративных целей на медные гроши пропагандиста или рабочего интеллигента, а в буржуазной квартире какого-нибудь сочувствующего или непосредственно-принимающего участие «интеллигента» [1]).

В среде интеллигентов, участников движения, явственно обозначалась классовая рознь. Например, Зеликсон-Бобровская пишет в «Записках рядового подпольщика»: «В кармане нет ни гроша не только на обед, но и на приобретение хлеба. Ходишь, бывало, целый день по делам организации (речь идет о Харькове в 1899 г.), а ноги подкашиваются, и в голове муть. Особенно раздражало в такие дни, когда в поисках квартиры под собрание или под хранение нелегальщины зайдешь к «сочувствующим»: к доктору, адвокату, инженеру, зубному врачу. У этих людей всегда такие уютные квартирки. Так приветливо тебя встречают и угощают чаем из маленьких чашечек с каким-нибудь воздушным печением и не понимают того, что перед ними голодный человек, которого накормить надо, а не дразнить сухариками. Как-то раз до такой злобы дошла и до того измучилась, что, воспользовавшись уходом квартирной хозяйки, тоже сочувствующей, пошла на кухню, отрезала себе большой ломоть хозяйского хлеба, обмакнула его в аппетитно кипящие на плите жирные щи, заперлась у себя в комнате и съела весь ломоть, не сказав вернувшейся хозяйке ни слова».

Такова была разница в материальном положении интеллигента, находящегося на службе у пролетариата, и интеллигента, находящегося на службе у буржуазии. Любопытно, что когда впоследствии меньшевик Аксельрод, с которым автор «Записок» была

[1]) Лядов. „История РСДРП“ ч. 2, стр. 101.

лично знакома, упрекал ее в том, что она «записалась в бараны» к Ленину, то она отвечала: «Очевидно, в большевистской позиции есть более убедительности, если я, не видев Ленина, записываюсь к нему за глаза в бараны, чем в позиции меньшевиков, которую так горячо отстаивали передо мною такие лидеры, как Мартов и Дан». Практика научила подпольщика-интеллигента хорошо понимать, какой элемент Мартов хочет, по его редакции § 1 устава, впустить в ряды социал-демократов, считая «членами партии» всех, работающих «под руководством организаций». Дифференциация активно-революционной интеллигенции была объективно неизбежна. Деклассированный разночинец мог быть идеологом мелко-буржуазного крестьянства. Но в конце XIX века на авансцену борющихся общественных сил выступили резко отдифференцированные друг от друга классы—буржуазия и пролетариат. Каждый из них, как социальный магнит, притягивал к себе социально-родственные элементы. Буржуазия, выделяя в рабочую среду проводниковъ своего влияния, естественно, находила их среди более близких к себе элементов. Вместе с тем, струвистские идеи о «бесклассовой» интеллигенции в устах этих интелллигентов получали своеобразный смысл.

Описывая роль вновь пришедших в движение интеллигентов, Лядов пишет: «Да и сами речи начинают меняться. «Мы», олицетворявшие полную нераздельность старого пропагандиста со своей аудиторией, начинает уступать место местоимению «Вы», подчеркивающему различие в социальном положении. Впрочем, и старое «мы», произносимое теперь в этой новой обстановке, звучало фальшью. «Что общего между мной,—думал какой-нибудь рабочий, возвращаясь с такого собрания,—и этой изящно одетой барышней или студентом, в квартире которых мы собирались?»

«Очень низкий, сравнительно, уровень теоретической подготовки этих новых «интеллигентов», самое поверхностное понимание классовой борьбы, взгляд на самих себя, как на выходцев из другой среды, и потому постоянное старание заставить свою аудиторию забыть об этом, вынужденное подчеркивание своей эмансипации от буржуазных взглядов,—все это очень скоро заставило этих интеллигентов прибегать к подделыванию под тон аудитории, под те мысли, которые уже господствуют среди рабочих. Они стараются быть служителями пролетариата, а не его руководителями, не навязывать ему своих взглядов,

а только формулировать его собственные взгляды. К таким интеллигентам рабочие, которым приходилось с ними сталкиваться, чувствовали весьма понятное недоверие. Это недоверие было подхвачено и обобщено в положение: «освобождение рабочих есть дело самих рабочих», а потому долой интеллигенцию из рабочих организаций, из рабочих газет, из руководства рабочим движением. Долой «интеллигентские» идеи о классовой борьбе, о политике, о социализме. «Борьба за экономическое положение, борьба с капиталом на почве ежедневных насущных интересов и стачки, как средство борьбы,—вот девиз рабочего движения» [1]).

К этому весьма удачному изображению психологии интеллигентского «экономизма» Лядов добавляет, что крик «долой интеллигенцию» подхватывался и обобщался самими же интеллигентами. «Долой интеллигенцию!»—кричат они громче всех, но сами уходить не желают, для них должно быть место и в «рабочей» газете, и в «рабочем комитете». Так они «опошляют рабочую мысль, возводя в принцип плохо понятое настроение среднего рабочего и таща назад рабочего сознательного».

Таким образом, интеллигент, близкий по своему социальному качеству к буржуазии, отказываясь от ее классовой точки зрения, не сумел перейти на точку зрения пролетариата. За чистую монету пролетарски-классового сознания он принял мелко-буржуазные настроения среди рабочих. Теория, созданная им для оправдания оппортунистической тактики, оказалась славословием мелко-буржуазной консервативности и притом отливала чертами ее создателя, будучи крайне близкой к чисто буржуазному либерализму.

«Экономизм»—это либерализм в рабочей блузе. Когда господам Прокоповичам и Кусковым эта блуза стала жать, то они не задумались над тем, чтобы ее сбросить и под ней оказался чистенький, как свежий огурчик, либерал—«освобожденец».

---

[1]) Последняя фраза-цитата из передовицы № 1 „Рабочей Мысли“. Лядов. История, ч. 2, стр. 101—102.

Зарождение «экономизма» в социал-демократии.

6. Петербургские рабочие кружки до 94 года.

Социал-демократия есть соединение рабочего движения с социализмом, классовой борьбы пролетариата с его классовым сознанием. С 1883 года социализм слился с русским рабочим движением только в головах членов «Группы Освобождения Труда», но еще не в действительности. К руководству массовой борьбой рабочих русские социал-демократы получили доступ лишь в середине 90 годов. Но уже с середины 80-х в круг социал-демократической пропаганды начинают попадать кружки рабочих.

Большое количество воспоминаний и мемуаров, появившихся за последние несколько лет в печати, вносит много света в этот мало исследованный период революционного движения. Совершенно установлено, что интеллигенты (народовольцы и с.-д.) не являлись, по общему правилу, организаторами рабочих кружков. В Петербурге мы видим, что кружки организуются самими рабочими, а затем, сталкиваясь с пропагандистами-интеллигентами, рабочие ассимилируют, растворяют их в себе, получая в то же время от части их отточенное острие марксистской теории.

Для правильного понимания рабочего движения необходимо также резко отбросить ту схему, остатки которой все еще проскальзывают в литературе [1]), что якобы революционное настроение в рабочую среду проникло из «общества», разбуженного голодом 91—92 годов. Рабочее движение имеет свою собственную, совершенно особую под-

---

[1]) Например, воспоминания Колпенского в № 4 „Красной Летописи“ за 1922 год.

кладку. Чтобы бегло познакомиться с основными чертами кружкового периода в истории с.-д. и оценить общее значение для соц.-демократов перехода к агитационной тактике в 1894 году, мы остановимся на кратком очерке кружков в Петербурге, как наиболее сильных и характерных.

В Петербурге за несколько лет до голода, в эпоху реакции, рабочие группы существовали и были гораздо жизненней тогдашнего интеллигентского движения. Студенты — пропагандисты были лишь связующей нитью между ними. В 1889 году эти кружки уже приступили к созданию объединенной организации, и их было, по воспоминаниям Н. Богданова, около 10, по 5-8 членов в каждом. К концу 91 года число кружков настолько увеличилось, что тот же автор называет цифру более 50, при чем работали «совершенно одни», без интеллигентов, которые, окончив технологический институт, разъехались по домам[1]). Если даже цифра 50, по мнению М. Ольминского, является преувеличенной, то очевидно, все же кружки считались десятками.

В первом публичном протесте после реакции 80 г. на похоронах Шелгунова весной 21 года рабочие кружки уже принимают активное участие. «Для интеллигенции появление рабочих было полной неожиданностью», говорит Ольминский. Когда были изданы 4 речи рабочих на маевке, то «интеллигенция не хотела верить, что существуют в России рабочие, способные произносить или понимать такие речи» (автор вращался тогда среди интеллигентов-народовольцев). Между тем, эти речи содержали в себе призывы к борьбе против самодержавия, за политическую свободу, к организации рабочей партии, к интернациональной солидарности рабочих, к социалистическому строю, хотя и не были выдержаны в с.-д. духе. Интеллигенты с.-д. на маевке не выступали. Когда в 1893 году была издана брошюра «Братцы-товарищи», написанная от имени рабочего, интеллигенты объявляли ее подделкой. Между тем она была написана рабочим Кайзером (с.-д.).

Рабочие кружки при зарождении ставили своей целью прежде всего по возможности всестороннее умственное и политическое развитие личностей своих членов. «Я и Кайзер начали приводить в

[1]) Эти и следующие данные взяты, главным образом, из кн. „От группы Благоева к Союзу борьбы", воспоминания Богданова, Ольминского, Норинского и Шелгунова.

исполнение нашу заветную мечту—стать интеллигентными рабочими»,—пишет А. Фишер[1]). К 90 годам мы находим ряд рабочих, ставших уже вполне самостоятельными пропагандистами. Вот слесарь Тимофеев, читающий рабочим вслух, снабжающий их книгами из своей библиотеки, насчитывающей тысячу томов. Библиотека Н. Богданова имела 800 томов. Вот токарь Крутов, ведущий диспут на любую тему, развивающий теорию Дарвина, «вызывая недоумение среди слушающих: как это мог человек произойти от обезьяны?». Он даже наружностью стал походить на студента. Вот наборщик Колодонов, еще из кружка Благоевской группы, перед которым робел интеллигент Ольминский, чувствуя, что этот рабочий знает больше его. «В наш кружок интеллигент не ходил, и если сказать правду, то Иван Егоров (16—17-летний юноша-рабочий) был нашим наставником»,—рассказывает Фишер (стр. 12). Шаповалов пишет: «Интеллигентов руководителей группы Народной Воли я встречал очень редко. Доверяя такому выдающемуся рабочему, каким был В. Приютов, который мог, что называется, заткнуть за пояс любого интеллигента, они сносились с нами через него» («По дороге к марксизму», стр. 52).

Активный рабочий кружков — это преимущественно квалифицированный рабочий и преимущественно металлист. Руководящая четверка рабочих кружков: Шелгунов, Фишер, Кайзер, Норинский—все высоко квалифицированные металлисты и притом окончившие разного рода вечерние школы и курсы. Какое большое значение имело для этих рабочих общее развитие, можно видеть из примера ремесленной школы при Балтийском заводе, где в 1887 г. из выпуска в 40 человек, по словам Норинского, 10 рабочих стали революционерами.

В кружках создавалось использование интеллигентов, сходное с использованием спецов и людей науки в Советском строе. Интеллигент был признанным авторитетом в своей области, его искали (кузнец Афанасьев «подыскивал интеллигентов», по выражению Шелгунова), но в то же время держали за ним глаз. Имела влияние брошюрка В. Засулич о «революционерах из буржуазной среды» и рабочие стремились выделять свою интеллигенцию. Допуская в кружок интеллигента, иногда учиняли ему настоящий экза-

[1]) «В России и Англии», стр. 20.

мен. «По окончании речей Малишевского и Чернышова (впервые приглашенных в кружок интеллигентов),—рассказывает Шелгунов,—я тут же обратился к собравшимся с вопросом: могут ли быть допущены говорившие к занятиям в кружках. Чернышов смутился, его как-то поразил этот странный вопрос. Как так, это экзамен? Я сказал: да, не удивляйтесь, вы сами хорошо должны знать, что некоторых из пропагандистов рабочие слушают с охотой, а к некоторым на кружки совсем не хотят ходить... Хотя с многими моими замечаниями Чернышов и согласился, но все-таки экзаменом остался недоволен» [1]). Так же критически рабочие подходили и к политическим разногласиям в среде интеллигентов.

До 93 года, в общем, борьба с.-д. и народовольцев в кружках не была столь резкой. В 93 году среди студенчества, как свидетельствует член тогдашнего «союзного совета землячеств» Семашко, запахло рабочим движением [2]). К этому же году Шелгунов и др. относят оживление споров в рабочих кружках. Интеллигентские фракции резче размежевались и повели борьбу за влияние на рабочих.

Рабочие на споры интеллигентов между собой сперва глядели как бы со стороны, подчас высказывая суждения, что «интеллигенты сами не знают, что нужно делать», а затем старались разобраться в сути разногласий. Шелгунов рассказывает, как сначала руководящая «четверка» ознакомилась с платформами обоих направлений, а затем в марте 94 года, был устроен широкий диспут для рабочих из всех районов и заслушали докладчиков с.-д. и народовольцев. Все, кроме одного (кстати, оказавшегося провокатором) согласились с социал-демократами. Было постановлено, чтобы интеллигенты в кружках «говорили только то, что считает нужным рабочая организация» и народовольцам было предложено вести... социал-демократическую пропаганду. «Во всякий кружок, куда шел народоволец, должен был итти один из более передовых рабочих, для того, чтобы, как мы выражались, «одергивать интеллигента» (Шелгунов).

В результате, большая часть народовольцев, очутившихся, в полном смысле слова, «на службе» у рабочих, подчинилась властному

1) „Творчество", № 7—10, 1920 год. Воспоминания Шелгунова.
2) „*Пролетарская революция*", № 1, стр. 169.

«постановлению» и перешла в социал-демократы. Заслуга спорщиков-победителей была при этом, конечно, меньше, чем слушателей рабочих [1]).

Кружковое движение пережило кризис в Петербурге в 94 году, когда оно стало перед фактом возникновения массового стачечного движения. Тактика агитации не явилась просто «логическим развитием» пропагандистских методов. Только народовольцы могли измерять силу движения количеством развитых «личностей». Изменить тактику заставило изменение объективной обстановки.

Говоря о первой значительной вспышке — о разгроме рабочими Семянниковской конторы на Рождестве 94 года,—Тахтарев пишет: «Во всей этой истории «наши» никакого участия не принимали». Но уже вслед за этим с.-д. выпустили первую брошюрку с изложением положения на Семянниковской конторе, автором которой, судя по воспоминаниям Крупской, был Ленин. В ту же зиму произошли стачки в порту и на бумагопрядильне Воронина. Застрельщиками новой агитационной тактики явились «старики», как их стали называть позже, группа социал-демократов интеллигентов и рабочих с Лениным во главе. «В это время среди кружковых сознательных рабочих все чаще раздаются голоса о недопустимости безучастного отношения к интересам и нуждам массы и о необходимости активного вмешательства в столкновение рабочих с предпринимателями. «Довольно умственного эпикурейства! К черту кружки! Надо устраивать рабочие собрания и обсуждать на них условия рабочей жизни. Надо раскидывать листки». Но часть передовых рабочих и интеллигентов продолжала отстаивать кружки и противопоставлять их агитации. Эти споры велись весь 1895 год и закончились лишь осенью. Кружки решено было сохранить, но характер и содержание пропаганды изменились сообразно новым приемам борьбы. Кружки должны были вырабатывать сознательных агитаторов. Пропаганда подчинялась, таким образом, целям агитации» [2]).

1) Перерождение части народовольцев в с.-д. совершалось еще в 80 годы. Брат Ленина, народоволец А. И. Ульянов, казненный в 1887 году за покушение на Александра III, был полумарксистом. Он вел пропаганду у рабочих Гавани. „Хотя мы являлись по роду практической деятельности непосредственными продолжателями партии Нар. Воли, но по своим теоретическим воззрениям мы были с.-д.",—рассказывает его сподвижник И. Лукашевич.
2) „Творчество", 1920 г., № 7—10. Воспоминания Н. Крупской и Антарского.

Однако, некоторых сознательных рабочих на этом повороте отнесло в сторону. Встретив в 1905 году упоминавшегося выше наборщика Колодонова, Ольминский убедился, что старый пропагандист не понимал массовой борьбы. «Воспитанный в старых правилах полного самоотвержения, он равнодушно относился к борьбе рабочих за непосредственное улучшение своего положения. Он шутя высказывал свое мнение о рабочих с.-д.: «хорошие они люди, да только очень ораторы: сработают на *рубль, а требуют три*». *Токарь Федотов*, по рассказу Шаповалова, настоящий самородок, поражавший своими знаниями, одиночка, отчасти поэт, «относясь вполне отрицательно к самодержавию и к попам, к революции не примкнул». Сам Шаповалов, токарь, в кружках был сначала «богоискателем», но в конце-концов пришел к марксизму. Словом, опасность кружковщины состояла в этом, что рабочий мог «обинтеллигентиться» и отойти от массы так далеко, что, даже когда она хлынула стачечной волной, он остался стоять на сухом плесе. Отход от *массы совершался или по направлению к аполитичному* культуричеству, или к «чистой политике» народовольцев. И то и другое обозначало отход *с классовой позиции*. Интеллектуальное развитие, накопляясь количественно, легко могло переходить в иное социальное качество, рабочий превращался в мелко-буржуазного интеллигента.

Для большинства активных кружковцев, однако, перелом в движении наступил во время, не дав застояться таким вредным традициям, которые у кружковщины, при всех ее достоинствах, были: высокомерному отношению к неразвитой массе и «умственному эпикурейству».

О Федотове *Шаповалов рассказывает*, что в 1905 году он идейно причислил себя к меньшевикам. Мартов, говорит автор, впоследствии старался доказать, что «в Петербурге самые образованные рабочие, а не мальчишки, остались верны меньшевикам. Весьма возможно, что рабочие такого темперамента, ~~как Федотов~~, которые спокойно читали, не принимая активного участия в революционном движении, которые не арестовывались, составляли активное ядро меньшевистской организации». Автором верно схвачено то явление, что к меньшевизму склонялись рабочие, переборщившие в *«интеллигентщине»*. Но, конечно, темперамент здесь не при чем.

В ряде мемуаров о 90 годах мы встречаем довольно эффектную фигуру будущего меньшевика Морозова, с бурным темпераментом, испытавшего арест и ссылку. Но о нем мы узнаем, что он, как и Федотов, был... поэтом, а музы, повидимому, переборливые дамы,—и редкие из них в свое время переваривали революцию с ее суровыми и угловатыми манерами. Из наиболее значительных фигур описываемого периода мы встречаем среди меньшевиков лишь Н. Богданова, одного из первых организаторов кружков. Для него, работавшего в кружках с 80 годов, массовое движение, видимо, пришло несколько поздно.

Таков был отчасти след кризиса, пережитого кружковщиной. Массовое движение и тактика широкой агитации, как мы увидим, через несколько лет после 94 года также пережили свой кризис. В соответствии с новыми условиями, здесь вредный уклон, буржуазное влияние, пошло по направлению как раз обратному, чем в кружковщине: по линии приспособления к массе и принижения значения сознательного активного революционера. Это был «экономизм». Когда этот новый кризис разрешился в связи с хлынувшим в 900 году политическим движением рабочих масс, то он снова оставил на отлете закоснелые элементы, не умевшие отказаться от своих затвердевших традиций. К довершению сходства, мы увидим, что и эти элементы или ушли совсем от рабочего движения, или перешли к меньшевикам. Так формировался меньшевизм, вбирая в себя перегоревшие в движении отбросы, столь же чуждые революции, как гряда камней на отмели чужда волнам, их выбросившим.

7. «Агитационный» период и первые разногласия.

В. Акимов-Махновец в «Очерке развития с.-д. в России» защищает крайне своеобразную схему истории «экономизма». По его мнению, период «экономизма» — это 95—97 годы, а главный распространитель «экономизма» это первый петербургский «Союз Борьбы за освобождение рабочего класса» во главе с Лениным. С 97 года период чисто экономической агитации кончается и начинается период агитации уже политической, хотя это еще не «борьба за участие во власти», а лишь борьба «за права». «Рабочая Мысль», по схеме Акимова, сделала шаг вперед по сравнению с «стариками» «Союза Борьбы», *она «расширила* круг интересов» до обще-правовых.

Первым периодом в истории партии Акимов считает кружковой (до 94), затем «экономизм» (94—97), далее борьба за политические «права» (97—900) и с 900 уже борьба за «участие во власти». Это удобно для «теории стадий», которой придерживается автор, но это было не так. Третья «стадия» не пошла вперед от второй, а сделала большой шаг назад.

Деятельность первого «Союза Борьбы» является самой блестящей страницей в истории движения. Верно, что он по преимуществу руководил экономическими стачками и руководил с таким успехом, пользовался таким огромным влиянием в массе, какого никогда не достигали «экономисты». Его листки не только сопровождали, но вызывали забастовки (ткачи Торнтона). Вот как описывает его деятельность такой непристрастный к «старикам» свидетель, как Тахтарев: «Листки, а потом уступки, производили магическое действие на рабочих: подымалась энергия, появлялась вера в возможность бороться, вера в силу массового натиска и в силу единения». «Репутация Союза гремела по всему Петербургу. Рабочие тех фабрик, где не было никого, кто бы имел сношения с Союзом, молили всех богов, чтобы и к ним как-нибудь проникли «студенты» со своими «листками»[1]).

В агитационную деятельность «Союза» было вовлечено большое количество рабочих, среди которых были неграмотные, что не мешало им работать с успехом[2]). Во время стачки 96 года «Союз» за полтора месяца выпустил 20.000 экз. листков. Таким образом, в экономической борьбе старый «Союз» имел большой размах, шел впереди движения, вел его за собой. Уже это отличает его от будущего «экономизма».

Но, в то же время, он совершенно не принижал значения политической борьбы. Об этом свидетельствует № 1 газеты «Рабочее Дело», составленный в конце 95 года, но захваченный жандармами в набег 8—9 декабря (ничего общего с позднейшим «Рабочим Делом» этот № не имеет). Передовая статья этой газеты обрисовывала исторические задачи рабочего класса в России и во главе этих задач ставила завоевание политической свободы. Затем была статья «О чем думают наши министры», посвященная полицейскому разгрому Комитетов Грамотности, и ряд корреспонденций не только из Петербурга, но и из других местностей России. «Таким образом,— пишет Ленин,—этот, если не ошибаемся, «первый опыт» русских с.-д. 90 годов представлял из себя газету не узкоместного, тем более не «экономического» характера, стремившуюся соединить стачечную борьбу с революционным движением против самодержавия и привлечь к поддержке социал-демократии всех угнетенных политикой реакционного мракобесия. И никто, хоть сколько-нибудь знакомый с состоянием движения в то время, не усомнится, что подобная газета встретила бы полное сочувствие и рабочих столицы и революционной интеллигенции, и получила бы самое широкое распространение. Неуспех же предприятия доказал лишь, что тогдашние социал-демократы оказались не в силах удовлетворить насущный запрос момента, вследствие недостатка у них революционного опыта и практической подготовленности». Но, вместе с тем «крайне важно установить, что часть, может быть даже большинство, действовавших в 1895—1898 г. социал-демократов вполне справедливо считали возможным тогда же, в самом начале «стихийного» движения, выступать с самой широкой программой и боевой тактикой»[1]).

Первый № «СПБ. Рабочего Листка», выпущенный «Союзом», носил политический характер; точно так же политические лозунги заключались в майских прокламациях с 96 года, поэтому считать агитацию «Союза» чисто-экономической Акимов никаких оснований не имеет. Наконец, направление деятельности «стариков» выразилось в «Манифесте» Р.С.-Д.Р.П., принятом I съездом в марте 1898 г. Сам Акимов свидетельствует, что от Петербурга на съезде представительствовали «старики». Этот манифест, открыто направленный к широкой массе трудящихся и в первую голову рабочих, гласил: «Чем дальше на восток Европы, тем в политическом отношении слабее, трусливее и подлее становится буржуазия, тем большие культурные, политические задачи выпадают на долю пролетариата. На своих крепких плечах русский рабочий класс должен вынести и вынесет дело завоевания политической свободы. Это необходимый, но лишь первый шаг к осуществлению великой исторической миссии пролетариата, к созданию такого общественного строя,

---

[1]) „Очерк Пет. раб. дв. 90 годов", стр. 31, 34.
[2]) Я. К. „Первые шаги". Былое. 1907-IX-21, стр. 138.

[1]) За 12 лет, стр. 215—216.

в котором не будет места эксплоатации человека человеком. Русский пролетариат сбросит с себя ярмо самодержавия, чтобы с тем большей энергией продолжать борьбу с капитализмом и буржуазией до полной победы социализма». Все это последующий «экономизм» фактически вычеркнул из программы своей деятельности.

Наиболее же полно точку зрения «стариков» выразила брошюра Ленина «Задачи русских социал-демократов», написанная в 97 году на основании опыта работы с.-д. в Петербурге. Автор ее еще не полемизирует с «экономизмом», который тогда еще не получил своего оформленного выражения. Положительная программа деятельности с.-д., очерченная в брошюре, с большой ясностью выражает идею гегемонии пролетариата над другими революционными элементами в демократической революции, которая отличает ее не только от «экономизма», но и впоследствии от меньшевизма. Мы уже цитировали слова брошюры о необходимости пролетариату «вступить во главе русской демократии в решительную борьбу против полицейского абсолютизма».

Точно так же неудачны попытки Акимова начать летоисчисление «экономизма» в России с распространения брошюры «Об агитации». Брошюра эта, действительно, создала эпоху в социалдемократическом движении. Она суммировала, прежде всего, опыт еврейского рабочего движения в Западном Крае, где, как мы говорили, массовое рабочее движение начинается на несколько лет раньше, чем внутри России (с 92 года).

В 93—94 годах в Вильно идут горячие споры о новой тактике. Последней «оппозицией» против нее была группа гравера А. Гордона. Лядов склонен расценивать эту группу в значительной мере, как опозиционную против появившегося уже одностороннего увлечения экономической агитацией, в ущерб политической, указывая, что в следующем, 95 году здесь распространились идеи автора брошюры «О поворотном пункте в еврейском рабочем движении» [1]). Это была речь, произнесенная на собрании агитаторов 1 мая 95 года. «Мы свою программу и свою тактику, свою борьбу приспособили к массе»,—говорит здесь автор.—«Наше движение стало... более материалистическим», потому что «все наши надежды и ожидания опираются не на веру во всемогущество наших идей и теорий,

[1]) Лядов. Ч. I, стр. 140.

но обоснованы на потребностях массы». «Борется не за лучшее материальное положение» только «мыслящее меньшинство», а масса борется за кусок хлеба, и поэтому пролетариату для его «экономического освобождения» вовсе не обязательно «умственное развитие» (т.-е. классовое сознание). Политическую борьбу и призывы к ней автор расценивает так: буржуазия не может мириться с существующим строем, собственных сил у нее нет, и она хочет воспользоваться рабочими [1]). Здесь очень ярко выражены идеи «экономизма».

Содержание брошюры «Об агитации», распространившейся в России, значительно отличается от «Поворотного пункта»; она не содержит его крайностей, хотя не свободна от ошибок. Изжив оппозицию к середине 1894 г., в Вильно, на собрании еврейских с.-д., было решено формулировать новую тактику, что и поручено было А. Кремеру. Брошюру проредактировал Л. Мартов. Она была распространена на гектографе, а в 1896 году переиздана «Группой Осв. Труда». В 1900 г. Плеханову пришлось выступить с указанием на ряд теоретических промахов в этой брошюре. Автор «Об агитации» указывал, что «достижение политической власти является главной задачей борющегося пролетариата», и в этом смысле брошюра была полной противоположностью «Повор. пункту». Основная мысль автора сводилась к тому, что рабочую массу легче всего привести к политическому сознанию, агитируя на почве ее повседневных экономических нужд. Для того момента это было в общем верным тактическим указанием. Но, доказывая необходимость агитации в споре тенденциями кружковщины, брошюра оперировала доводами, которые могли подать и подали повод к ошибочному толкованию агитационной тактики.

«Народная масса»,—говорилось в брошюре,—«вовлекается в борьбу не рассуждениями, но объективной логикой вещей, самим ходом событий, наталкивающих ее на борьбу». Отсюда можно заключить о полной ненадобности «рассуждений», хотя автор от этого далек. Но больше всего путаницы внесли заключенные

[1]) Необходимо заметить, что в той же речи содержался одновременно уклон к национализму, сказавшийся впоследствии в истории Бунда. Этот уклон у автора „Пов. пункта“ имеет общий корень с „экономизмом“—принцип „приспособления“ к массе и к ее сознанию. Речь принадлежала Л. Мартову, скоро отказавшемуся от выраженных в ней взглядов и примкнувшему к старикам (см. его Записки).

в брошюре мысли о постепенном переходе экономической борьбы в политическую, по наступлении известного момента «зрелости» движения, угадать который и составляет главную задачу социал-демократов. Получалось, что до определенного «момента» политическую агитацию вести нельзя. Это место давало право экономистам ссылаться на брошюру, как на свое «евангелие».

Однако, в России в 94 году значение брошюры «Об агитации» определялось не ее слабыми, а ее сильными сторонами, призывом к руководству экономической борьбой рабочих. В первое время промахов ее даже не замечали. Видный участник московского рабочего движения С. Мицкевич пишет: «Мы никогда не утверждали, что переход от ступени экономической борьбы к политической должен растягиваться на ряд лет, как потом стали толковать эту брошюру; мы полагали, что переход этот должен быть непосредственным, в одном и том же листке, или в одной и той же речи агитатора. Правда, главное содержание нашей пропаганды и агитации было чисто экономическое: говорилось о плохом положении рабочих, об эксплоатации со стороны хозяев, о необходимости бороться с капиталистами, но сейчас же указывалось, что у нас эта борьба крайне затруднена: нет ни свободы стачек, ни свободы собраний и союзов, указывалось, что правительство преследует рабочих за борьбу с хозяевами, что оно всегда защищает интересы капиталистов и что для успехов в экономической борьбе необходимо добиваться изменения политического строя, приводились примеры из западной жизни, где порядки другие, где рабочие имеют участие в управлении государством... Отказ в жалобе, поданной фабричному инспектору, отказ в каком-либо ходатайстве рабочих со стороны генерал-губернатора, благодарность царя фанагорийцам за расстрел рабочих,—все это служило поводом для выяснения связи экономики с политикой. При подходящем случае писали и на чисто политические темы. Так, например, была написана брошюра по поводу смерти Александра III, в которой доказывалось, что вся политика его велась в интересах помещиков и капиталистов. При случае указывалось и на классовый характер церкви, как, например, в листке по поводу архиерейского молебна на заводе Доброва и Набгольца, деньги за который попробовали взыскивать с рабочих» [1].

[1] С. Мицкевич. „Очерки истории Московской организации". Сб. „На заре рабочего движения в Москве", стр. 29—30.

Другой участник Московского движения М. Лядов свидетельствует, что «на стачку с.-д. того времени вовсе не смотрели, как на цель саму по себе. Наоборот, первые с.-д. организации скорей можно было упрекнуть в слишком прямолинейном, догматическом отношении к вопросу об экономической борьбе. Прочных улучшений в положении рабочих, говорили с.-д., не может дать ни одна, даже самая удачная стачка, она есть лишь средство борьбы за далекое будущее, средство для широкой политической агитации». Действительность, по мнению автора, оказалась даже менее пессимистической, чем с.-демократы. При организации Московского рабочего союза на маевке 95 года было решено кассами также пользоваться как агитационным средством, оттеснив взаимопомощь на задний план.

Довольно характерен случай с Нижегородской организацией. Здесь практики вычитали из брошюры «Об агитации» временный отказ от политической борьбы и прислали в Москву делегата для выяснения новой тактики. После подробного разбора брошюры на совещаниях сначала Московской, потом Нижегородской организаций и тут, и там было решено ни в коем случае не отделять политических требований от экономических и не откладывать политической агитации, а брошюру переиздать не иначе, как с комментариями к тем местам, которые были вызваны, как предполагалось, особыми условиями работы среди еврейских ремесленников. В других местах провинции политическая агитация также велась (например, Екатеринославский майский листок в 1895 г. содержит в себе политические требования) [1].

Имеющиеся в литературе материалы позволяют нам проследить первые разногласия между «стариками» и «молодыми» в Петербургском «Союзе Борьбы» и в Московском «Рабочем Союзе». И там, и здесь эти разногласия начинаются с области организационной и связаны с вопросом о характере и роли рабочих касс.

В Москве на собрании представителей фабрик и заводов в марте 1896 г. в вопросе о кассах, как мы упоминали выше, сталкиваются два направления. С.-д. руководители и большинство рабочих стоят за устройство центральной кассы с ее разветвлениями на местах. Представители лучше оплачиваемой группы заводских рабочих

[1] Лядов. „История". Ч. I, стр. 106, 116, 136. Ч. 2, стр. 155.

стоят за организацию местных касс, желают первоначально укрепить их, а затем уже думать о соединении их в одну общую центральную кассу. «Защитники местных касс стали на точку зрения трэд-юнионов,—говорит Лядов,—для них касса была не организационным и агитационным средством классовой борьбы, она являлась целью сама по себе». Модельщики Гоппера даже мотивируют тем, что «общая касса поддерживает ту забастовку только, которую поддерживает Центральный к-т» [1]). Лядов не говорит, поддерживал ли кто-нибудь из интеллигентов это течение. В Питере подобный спор в несколько измененном виде возник еще раньше, в ноябре 95 г., на таком же собрании представителей фабрик и заводов. Одна сторона настаивала на организации «чисто-рабочей» кассы, другая «проводила идею, чтоб все деньги шли к ним, в с.-д. кассу» [2]).

Ленин [3]) приводит сообщение Ванеева о сходных спорах в петербургском «Союзе Борьбы» в начале 97 года. Течение «молодых» защищало устав самостоятельной рабочей кассы, «старики» говорили, что нам нужно прежде всего не это, а упрочение «Союза Борьбы» в организацию революционеров, которой должны быть соподчинены различные рабочие кассы, кружки для пропаганды среди учащейся молодежи.

Тахтарев, передавая о тех же спорах в 1896 и 1897 гг., описывает, как они перешли в споры об организационном перестроении «Союза Борьбы» в смысле включения в его центральную организацию нескольких рабочих из агитационной рабочей группы. Один из возражавших против этого, по словам Тахтарева, выразился, что «рабочие введут в союз новые порядки и, может быть, лишат нас руководящей роли». Однако, в то время, как автор приведенных строк и другие будущие «экономисты» настаивали на введении в центр рабочих по принципиальным, по их словам, соображениям, поощряя «стремление некоторых рабочих самостоятельно обеспечить себе удовлетворение своих насущных нужд и потребностей» (выражение Тахтарева) [4]), их противники стояли на точке зрения работоспособности состава центра, безразлично, будет ли он

[1]) Лядов. Ч. 2, стр. 52—53.
[2]) Тахтарев. „Пет. раб. движ.“, стр. 31.
[3]) „За 12 лет“, стр. 217.
[4]) „Очерк петерб. рабочего движения“, стр. 80.

из рабочих или интеллигентов, и возражали не против рабочих вообще, а против «определенных, хорошо известных обеим сторонам рабочих» [1]), считая их непригодными для руководящей роли в «Союзе Борьбы».

Для понимания сути этих разногласий следует правильно представить себе организационную структуру «Союза». Руководящую «Центральную Организационную Группу» составляли вполне сознательные социал-демократы, которые были интеллигентами, 15—20 человек. (Все они, как пишет Крупская, были знакомы с первым томом «Капитала», но некоторые—Ленин, Мартов,—были «лучше подкованы»). «Ц. О. Группа» опиралась на «Центральную Рабочую Группу», состоявшую из представителей кружков. В «Ц. Р. Группу» входили рабочие, еще недостаточно определившиеся. Среди них были народовольцы и т. д. Поэтому борьба за чисто социал-демократический состав «Ц. О. Группы» имела значение борьбы за чистоту политической линии «Союза». Она могла принять вид борьбы «интеллигентов» с рабочими только в глазах «экономистов». На протяжении всех последующих лет они упорно стремятся придать своей оппозиции против «Союза Борьбы» характер «рабочей» оппозиции, опираясь на комитет рабочей организации». Подобная схема организации во второй половине 90 годов имела место почти везде (Москва, Киев и т. д.) и везде оппозиция «экономистов» шла по той же линии.

Об этих спорах рассказывает Б. Горев (Гольдман), воспоминания которого очень ценны для освещения периода распада старого «Союза Борьбы». Автор хотя и принадлежал к числу молодых с.-д., но в «Союзе» отстаивал в общем линию «стариков», уцелев от провалов до 97-го года. «Часть нашей центральной группы,—пишет Горев,—Катин-Ярцев, Якубова, а раньше и Тахтарев [2]), недовольные нашим «централизмом» и тем, что они называли «опеканием» рабочих, высказывались за большее привлечение рабочих к активной и руководящей работе. При этом, они иногда доходили до крайних увлечений, утверждая, например, что лучше плохая

[1]) Лядов. Ч. 2, стр. 62.
[2]) „Раньше“, потому что в 97 г., о котором идет речь, Тахтарев уже уехал за границу и имел там столкновения с Плехановым, выдавая себя за „уполномоченного“ питерского „Союза“. Якубова—из „стариков“, но перешедшая к „экономистам“.

прокламация, написанная рабочим, чем хорошая, но сочиненная интеллигентом. Они требовали создания особой центральной группы из одних рабочих, без одобрения которой не предпринимался бы ни один ответственный шаг «Союза». Более широкие круги распропагандированных рабочих предполагалось объединить тоже в особую организацию при помощи специальной «кассы», устав которой вырабатывался Катиным-Ярцевым».

Когда в феврале 1897 г. «стариков» перед ссылкой выпустили из тюрьмы на 3 дня, то два вечера подряд совместно с ними тогдашние руководители «Союза» обсуждали перспективы работы. «Ленин был против каких бы то ни было самостоятельных рабочих организаций, как таковых, против предоставления рабочим какого бы то ни было специального контроля и т. д. Он говорил: «если у вас есть сознательные и заслуживающие доверия отдельные рабочие, введите их в центральную группу, вот и все. Больше никакой особой «рабочей политики» не нужно».

Что среда рабочих—активистов к концу 90 годов оказалась еще далеко не созрелой для выделения из себя вполне сознательных социал-демократов, способных, по своей талантливости и кругозору, стать во главе движения, об этом свидетельствует Горев, который пишет: «Большинство рабочих, с которыми мне лично приходилось иметь дело, представляли из себя довольно серый элемент, то, что потом стали называть «середняками». Наиболее сознательные, наиболее интеллигентные рабочие, вышедшие из прежних кружков пропаганды, где с ними подолгу и систематически занимались, или сидели в это время в тюрьме [1]), или же отошли в сторону, не понимая новых форм движения»... «Одним из немногих исключений среди таких рабочих был Соловьев, но и он был мало активен, его приходилось толкать. Тем не менее, когда у нас стал вопрос о включении, или, как потом стали говорить, «кооптировании», в центральную группу кого-либо из рабочих, мы могли остановить свой выбор лишь на том же Соловьеве. За то среди «середняков» попадались настоящие самородки: живые, активные, прирожденные агитаторы и организаторы. Массовики, с которыми нам приходилось иметь дело, огорчали нас своим отношением к «Союзу Борьбы»: они смотрели на него, как на какую-то благотворительную организацию, которая почему-то желает добра рабочим, и мне стоило много труда убедить таких рабочих, что «Союз»—это они сами, это совокупность всех сознательных рабочих Питера»... «Отношение большинства наших рабочих к нам, интеллигентам, было восторженное. Мы для них были все те же «добрые господа». Но среди некоторых из них, наоборот, проглядывал скептицизм и недоверие к интеллигенции, доходившие порой до скрытой враждебности. Особенно врезался мне в память один рабочий Балтийского завода... (Он) с горечью писал об интеллигентах, как о людях, которые на спинах рабочих хотят добиться политической свободы в своих личных или групповых интересах. Словом, развивал в зародыше ту теорию, которая появилась несколько лет спустя в обработанном виде у Махайского»... «Но мне,—говорит Горев,—тогда были приятнее рабочие с таким уклоном мысли и с такой подозрительностью, чем большинство, смотревшее на интеллигентов чуть-ли не с благоговением, как на высшее существо; в скептицизме и подозрительности первых я видел зерно здорового классового недоверия, которое получило лишь неправильное развитие» [1]).

Таким образом, ко времени торжества «экономизма» в Петербурге, аресты не оставили рабочих—«стариков» так же, как и «стариков»—литераторов. Новый, входивший в движение «молодой» рабочий, с одной стороны, носил на себе отпечаток полу-крестьянской пассивности, уповая на «господ-студентов» в рабочем деле; с другой стороны, элемент, пробуждавшийся к пролетарской активности, не успевал и не имел возможности от кого бы то ни было получить серьезное социал-демократическое воспитание: пропагандистский аппарат социал-демократии был разгромлен. Не осмыслив теоретически классовых задач пролетариата, такой рабочий на первых порах мог стать лишь стачечником-бойцом, по духу синдикалистом или трэд-юнионистом, тем, более, что обстановка успешной экономической борьбы этому способствовала,—но еще не сознательным социал-демократом. Поэтому, на известный момент, он и под-

1) Между прочим, одним из этих сознательных рабочих—Бабушкиным в 1895 г. была написана первая политическая прокламация „Союза Борьбы“ к рабочим по поводу ареста Ленина и др. в декабре этого года. К 97 г. Бабушкин уже был арестован.

1) Б. Горев (Гольдман). Марксизм и рабочее движение в Петербурге четверть века назад. „Красная Новь“, № 3, 1921 г.

дался «экономизму». Его «подозрительность», вместо того, чтобы направиться против буржуазных элементов интеллигенции, направилась против ее пролетарских, революционных элементов социал-демократической интеллигенции, которая тогда, вместе с такими рабочими, как Бабушкин, была носительницей классового сознания пролетариата. Это случилось тем легче, что буржуазный интеллигент поддакивал «серому» рабочему, а революционный социал-демократ пытался расширить его умственные горизонты.

8. «Кустарничество» в работе социал-демократов.

Описывая наиболее распространенную практику социал-демократического движения 94—900 гг., Ленин иллюстрирует ее примером деятельности типичного кружка, справедливо называя «кустарничеством». Повальное увлечение марксизмом учащейся молодежи этого времени относилось «не только и даже не столько к марксизму, как к теории, а как к ответу на вопрос «что делать», как к призыву итти в поход на врага. И новые ратники шли в поход с удивительно первобытным снаряжением и подготовкой. В массе случаев не было даже почти никакого снаряжения и ровно никакой подготовки. Шли на войну, как мужик от сохи, захватив с собой только одну дубину. Кружок студентов без всякой связи с кружками в других местностях, или даже в других частях города (или в иных учебных заведениях), без всякой организации отдельных частей революционной работы, без всякого систематического плана деятельности на сколько-нибудь значительный период, заводит связи с рабочими и берется за дело. Кружок развертывает постепенно более и более широкую пропаганду и агитацию, привлекает фактом своего выступления сочувствие довольно широких слоев рабочих, сочувствие некоторой части образованного общества, доставляющего деньги и отдающие в распоряжение «Комитету» новые и новые группы молодежи. Растет обаяние «К-та» (или «Союза Борьбы»), растет размах его деятельности, и он расширяет эту деятельность совершенно стихийно: те же люди, которые год или несколько месяцев тому назад выступали в студенческих кружках и решали вопрос «куда итти», которые заводили и поддерживали сношения с рабочими, изготовляли и выпускали листки, заводят связи с другими группами революционеров, раздобывают литературу,

берутся за издание местной газеты, начинают говорить об устройстве демонстраций, переходят, наконец, к открытым военным действиям (при чем этим открытым военным действием может явиться, смотря по обстоятельствам, и первый агит. листок, и первый № газеты, и первая демонстрация) и, обыкновенно, первое же начало этих действий ведет за собой немедленно полный провал». «Погромы стали повторяться так часто, захватывать такую массу лиц, выметать до такой степени начисто местные кружки, что рабочая масса теряла буквально всех руководителей, движение приобретало невероятно скачкообразный характер, и абсолютно никакой преемственности и связанности не могло установиться. Дело дошло того, что в некоторых местах рабочие, в силу недостатка у нас выдержки и конспиративности, проникаются недоверием к интеллигенции и сторонятся от нее: интеллигенты, говорят они, слишком необдуманно приводят к провалам» [1]).

Об этих провалах отчет Парижскому Конгрессу приводит цифры за 5 лет (перед 900 г.). Преследовались за это время 5.942 лица, из них 1.460 подвергались дознанию жандармского управления. «Если допустить, что каждый заключенный сидит в среднем только 6 месяцев, то получается за последние 5 лет цифра в 700 лет одиночного заключения, притом одного лишь предварительного заключения... А цифры наши по крайней мере в 2 раза ниже действительных» [2]).

Лядов так описывает условия, создавшиеся вследствие частых провалов и способствовавшие тому необычайному разброду и разномыслию в среде с.-д. того времени, о котором Плеханов выразился, что «там, где встретятся два русских с.-демократа, наверное, окажется три с.-д. партии»:

«Допустим, что после разгрома Петербургского Союза состав его пополняется на-ряду с практиком виленцем, практиком москвичом, туляком, казанцем. Все они одинаково с виленцем опытные работники, но каждый из них прошел свою школу, имеет свои традиции работы. Москвич работал, предположим, при условии почти отсутствия в организации «интеллигенции». Успех московского движения он объясняет именно этим отсутствием интеллиген-

[1]) Ленин. „За 12 лет", стр. 261—262.
[2]) „Доклад русской делегации с.-д. межд. соц. конгр. в Париже в 1900 г.", стр. 17.

тов, тем, что там почти вся главная агитационная и организационная работа велась сознательными рабочими. Он привык относиться с презрением к «интеллигентщине», и это презрение начинает возводить в принцип. Конечно, его точка зрения должна казаться дикой какому-нибудь практику из Тулы. Там борьба еще не успела выйти за пределы кружковой деятельности, вся тяжесть работы лежала исключительно на интеллигентных пропагандистских силах, там энергичная интеллигентская группа создала для кружковых рабочих чуть ли не социалистический университет, который доставлял кадры сознательных соц.-дем. рабочих в крупные промышленные центры. Еще более дикой должна будет казаться точка зрения москвича казанцу, воспитанному в организации, не успевшей выйти за пределы чисто интеллигентских кружков, который, благодаря этому, не может себе конкретно представить действительно существующего сознательного, не требующего интеллигентской опеки рабочего».

Все это было вполне естественно, когда в потемках подполья из одного угла люди не видели, что делается в другом, и отсутствовала возможность обобщения опыта, тем более правильной его литературной обработки. Газеты, издававшиеся по разным городам, этой цели служить не могли, являясь сами лучшей иллюстрацией «кустарничества» и разброда. За $2\frac{1}{2}$ года перед 1900 г., по цитированному докладу, в 6 городах вышло 30 номеров газет, итого на каждый город по 1 номеру в полгода [1]). Излишне говорить о высоте политического уровня этих газет. «Поищите-ка в нашей с.-д. прессе живых и интересных статей, корреспонденций и обличений наших дипломатических, военных, церковных, городских, финансовых и пр. дел и делишек: вы не найдете почти ничего, или совсем мало», писал Ленин (как на исключение, он указывал на екатеринославского «Южного Рабочего»). Газетки заполняются местным и мелочным материалом, по принципу: «орловцу о своих делах не скучно читать, каждый раз он знает, кого «прохватили», кого «пробрали», и дух его играет» [2]).

По условиям движения вырабатывался, таким образом, особый узко-местный дух в работе, влюбленность в свое собственное кустарничество.

---

1) „Доклад", стр. 14.
2) „За 12 лет", стр. 293—4.

Насколько идеи необходимости расширить рамки работы и организации до общерусской трудно пролагали себе дорогу, можно видеть даже по примеру первого съезда партии. Заняв политически выдержанную позицию, съезд не сделал того же в вопросе организационном. Собравшись на съезд, организации («Союзы Борьбы» Петербурга, Москвы, Киева, Екатеринослава, группа киевской «Рабочей Газеты» и Бунд) еще не уяснили себе необходимости Ц. К., как органа, на деле руководящего местной работой, и, повидимому, плохо верили в возможность создания такого Ц. К. в тогдашних условиях. По решению съезда, Ц. К. мог действовать самостоятельно в особо важных и срочных случаях, только по единогласному решению, или же обращаться за указаниями к съезду партии. § 7 резолюции по организационному вопросу гласил: «Местные комитеты выполняют постановления Центрального Комитета в той форме, которую они найдут более подходящей по местным условиям. В исключительных случаях местным комитетам предоставляется право отказаться от выполнения требований Ц. К., известив его о причинах отказа. Во всем остальном местные комитеты действуют вполне самостоятельно, руководясь лишь программой партии».

Характерно, что каждая из организаций у себя дома стремилась строить работу централистически, во всероссийском же масштабе они провели начала децентрализма. Боязнь потерять свою призрачную самостоятельность, столь сильная у этих организаций в 98 году, в дальнейшем становится характерной чертой «экономизма». То что было недочетом, слабостью молодого движения, «экономизм» возвел в «демократический», якобы, принцип, выступая с ним против централизма «Искры». Как известно, первый съезд не создал организационного единства партии; непосредственно помешали этому аресты, последовавшие за ним.

Насколько сильно было разномыслие и вместе с тем слаба спайка в среде, например, петербургских социал-демократов, можно судить по тому, что здесь одновременно существовали следующие группы и группки, кроме «Союза Борьбы»: группа «Рабочей Мысли» (с 97 г.), гр. «Рабочего Знамени» (с 97 г.), гр. «Самоосвобождения рабочего класса» (с 97 г.), «Группа 20-ти» (с 99 г.), «Социалист» (с 900 г.).

Всеобщее «кустарничество» в работе с.-д. 90 годов отчасти отражает в себе организационную неоформленность эко-

номического движения рабочих. Где преобладало движение ремесленников (Бунд, Киев), там мы видим организационно более крепкие с.-д. группы; они именно созвали I съезд. Но более важен в понимании «кустарничества» факт плохого качества «новых» революционеров. Только этот факт объясняет нам возможность того, что социал-демократы не только идейно, но и организационно копировали собой стихийное рабочее движение, идя у него в хвосте. Равняясь на практике по разрозненной и местной экономической борьбе, они, естественно, не ставили серьезно вопроса о создании централизованной политической партии.

9. Газета «Рабочая Мысль».

«Экономизм», как более или менее определенное тактическое течение, впервые пробился на свет божий в газете «Рабочая Мысль». Самый факт влияния, которое приобрела группа «Рабочей Мысли» в петербургской организации, был бы невозможен, если б провалы 95—96 годов не унесли всех авторитетных «стариков» в Сибирь и в ссылку, в то время как аресты «молодых» затянулись. Оставшись без твердого руководящего ядра, «Союз Борьбы» мало-по-малу выронил возжи в Питере, и в нем самом начались нелады и отколы.

Группа «Рабочей Мысли» предприняла издание газеты совершенно самостоятельно и без всякого контакта с «Союзом Борьбы». №№ 1 и 2, гектографированные, вышли в октябре и декабре 1897 года. Следующие два №№ 3 и 4 выходят типографским способом за границей. Газета носит подзаголовок: «Орган петербургских рабочих».

Одновременно с выходом газеты, осенью 1897 г., от «Союза» откололась группа «Рабочее Знамя», «чистых политиков», с уклоном к народовольчеству; в самом «Союзе» «молодые» тянули к «Рабочей Мысли». После I съезда партии возникла мысль об объединении и о реорганизации «Союза». После провала «Раб. Знамени», в декабре 98 года, объединение происходит уже под главенством «Рабочей Мысли», и с № 5 газета становится органом «Союза Борьбы». Однако, идут трения у редакции с «Союзом», который не всегда доволен чересчур «экономическими» статьями редакции. Наконец, в 1901 году, с № 11-го редактирование «Рабочей Мысли»

переходит непосредственно к «Союзу», № 12 выходит в России, и с него снимают подзаголовок «Орган петербургских рабочих», оставляя только марку «Союза».

Наиболее ярко «экономическое» направление «Р. М.» выступает в первом (№№ 1—4) и втором (5—10) периодах ее существования, т.-е. в 97—900 гг.

Газета заявляла о себе, что она не передовой орган, разрабатывающий программные вопросы, а лишь местная газета петербургских рабочих. В ее редакции работали как рабочие, так и интеллигенты. С первого номера газета выказала неустойчивость. Статьи несколько противоречили одна другой. Передовица, явно написанная интеллигентом, ярче выражает «экономизм», чем вторая основная статья, написанная автором-рабочим [1]).

«Пусть рабочие идут в борьбу,—писалось в передовице № 1, зная, что борются они не для каких-то будущих поколений, а для себя, для своих детей, пусть помнят, что каждая победа, каждая пядь, отбитая у врага, есть пройденная ступень лестницы, ведущей к их собственному благополучию».

Автор сожалеет о том, что «экономическая основа движения затемняется стремлением постоянно не забывать политический идеал». Борьба за экономическое положение, борьба с капиталом на почве ежедневных насущных интересов и стачки, как средство этой борьбы,—вот девиз рабочего движения». «Рабочий сам берется, наконец, за свою судьбу, вырвав ее из рук руководителей».

Автор другой упомянутой статьи, рабочий, признает и борьбу за будущие поколения. Он видит главное зло в разрозненности рабочих, зовет к организации для борьбы с капиталом и правительством, но мысль его беспомощно останавливается на рабочей кассе, куда каждый рабочий сумеет вносить по «25 копеек»... Именно эту статью считает Тахтарев, в противовес цитированной передовице, выражающей направление органа.

Но просмотрим другие статьи, прежде всего по вопросу о политической борьбе. Автор передовицы в № 4 пишет: «Нет! Довольно той лжи, по которой рабочее движение раз-

---

[1]) № 1 «Раб. М.» не сохранился. Передовица перепечатана здесь, в приложении I. Вторая статья перепечатана у Тахтарева в «Очерке петерб. раб дв. 90 гг.».

вивается оттого, что уже налицо политическая свобода. Нет! Настоящая свобода оттого развивается, что рабочее движение двинулось и неудержимо стремится вперед». Неясное противопоставление здесь двух «свобод»: политической и «настоящей», мы поймем, если прочтем дальше: «Истина в том, что всякая стачка, всякая касса, всякий рабочий союз только тогда становится «законным», когда стал делом обычным». Значит, по автору, не следует добиваться политической свободы, закрепленной законом. Его «настоящая» свобода—это захватное право, осуществимое и в царском строе борьбой с полицией. Это отдает анархистским презрением к «законам» и праву. Автору словно нужды нет, что за стачки и союзы рабочий, на основании существующих «законов», будет расплачиваться своим горбом.

Позднее защитники «экономизма» пытались утверждать, что это место тоже неправильно толкуется, и якобы, автор не отрицал необходимости политической свободы [1]). Но возьмем другое место, из второго периода существования «Рабочей Мысли». Автор «Р. М.» в «Отдельном приложении» к газете писал: «Поражает нас в этих программах вечное выставление ими на первый план преимуществ деятельности рабочих в (несуществующем у нас) парламенте, при полном игнорировании ими (благодаря их революционному нигилизму) важности участия рабочих в существующих у нас законодательных собраниях фабрикантов по фабричным делам... или хотя бы участия рабочих в городском самоуправлении» [2]). Здесь нет речи не только о свержении самодержавия, или о борьбе с ним за конституцию, но вообще говорится не о борьбе с самодержавием, а только об использовании «легальных возможностей» (это в царской России 90 годов!) в экономических интересах рабочих.

Тот же автор в той же статье дает классическую формулировку квиетизма, пассивности, приспособления, заявляя, что «желательна та борьба, которая возможна, а возможна та, котора идет сейчас». Здесь «смысл философии всей» для «экономизма», без преувеличения.

Самые крупные завоевания рабочих фантазия авторов из «Рабочей Мысли» рисует себе по-синдикалистски: когда «образу-

---

[1]) Тахтарев. «Очерк петерб. раб. движ.».
[2]) Цит. по Ленину, «За 12 лет», стр. 239.

ется целое море забастовавших рабочих, тогда фабрикантов и заводчиков уже не найдешь: они все попрячутся от трусости, а с рабочими будет уже разговаривать сам министр, окруженный солдатами, казаками и жандармами. Таким образом, чем больше, обширнее стачки рабочих, тем слабее и трусливее становятся наши враги» [1]).

Но, ведь, эти «разговоры» с окруженным жандармами министром опять-таки, «на основании существующих законов», могут печально окончиться для рабочих, что им посоветует тогда «Рабочая Мысль»? Ответ на это нам дает случай с максвельцами. Рабочие заводов Максвелля и Паля в Петербурге в декабре 1898 г. оказали героическое сопротивление полиции. Дело кончилось избиением рабочих. Редакция пишет по этому поводу следующее [2]):

«Если восстанет больше рабочих, то против них выслан будет полк солдат, если понадобится, то и целая армия. Войска у нашего правительства всегда хватит». Редакция советует рабочим вспомнить слова питерского градоначальника Клейгельса: «Пусть все 100.000 петербургских рабочих выйдут на улицу, и я с ними справлюсь, но когда они сидят по квартирам, то и против 3.000 я ничего поделать не могу». Пример довольно неудачен, потому что как раз максвельцев полицейские били нагайками, ворвавшись к рабочим в казармы ночью. Тем не менее, редакция советует рабочим отсиживаться по квартирам: «Запомните это ценное признание (Клейгельса), товарищи, и никогда не попадайтесь в полицейскую ловушку, никогда не давайте полиции повода к расправе. Такие случаи—просто находка для полиции, а на других товарищей они произведут тяжелое впечатление». Во всяком случае, на редакцию «Рабочей Мысли» оборона максвельцев произвела тяжелое впечатление, и она еще раз советует рабочим: «Побольше спокойствия, побольше хладнокровия, и наши враги будут уступать (!) нам шаг за шагом всюду».

Но характернее всего та мораль, которую «Рабочая Мысль» выводит из суда над максвельцами.

«Итак, товарищи, на этом деле хорошо видно, что не только фабриканты и полиция, но и суд дружно стоит против нас... В от-

---

[1]) «Раб. Мысль» № 3. Цит. по Лядову. Ч. II, стр. 125.
[2]) «Раб. Мысль» № 5, янв. 1898 г. Передовая статья «Две стачки».

вет на это мы должны быть дружны, выдержаны и знать законы, чтобы, как можем, бороться за каждую частичку наших прав, которых у нас и так уже слишком мало. Вот почему каждому из нас следует иметь у себя некоторые законы: Устав о промышленности, Устав о предупреждении и пресечении преступлений, Устав об уложении о наказаниях и Положение об усиленной охране. А так как эти книги дороги, то лучше всего покупать их вскладчину».

Вслед за этим издевательством над рабочими, храбро защищавшими себя от полицейских кнутов, идет другое, не меньшее издевательство над осужденными максвельцами: «Не так страшен чорт, как его малюют, — развязно заявляет автор, — посадят в предварительное заключение... Ну что ж, и там жить можно. Дадут задаром комнату, пищу, да книжки можно доставать. Почитывай да ума набирайся!» [1]).

Изучение законов и обжалование действий полиции — этот же метод, между прочим, рекомендовал в прокламации и Виленский к-т Бунда [2]). Питерский же «Союз Борьбы» выдвинул требование суда присяжных над стачечниками. «Разве это не смешная ирония? — спрашивал рабочий в «Искре». — Это значит, что мы будем признавать несправедливость стачек» [3]).

Нельзя не привести еще одного мелкого, но очень характерного эпизода. Редакция «Рабочей Мысли» главного политического врага видела в начальнике охранки Пирамидове, имя которого в газете попадается, пожалуй, не реже, если не чаще, чем, например, царя (вообще политическую борьбу газета понимает только как борьбу с полицией, мешающей рабочим устраивать стачки). В № 4 в статье «Пирамидовщина» автор обозвал героя охранки «мерзавцем». Казалось бы, что тут особенного? Вещи названы своими именами. Но вот какой-то ярый последователь, дорожащий добрым именем своего местного органа, пишет длинное письмо. «Пирамидовщина, — говорит он, — обрисована верно, но к чему Пирамидова обозвали «мерзавцем»? Наша газета, поучает он свою редакцию, — должна указывать на те факты, которые «сами вопиют» (!), но не должна придерживаться того направления, которое «хотя и сильно, но непа-

1) «Раб. Мысль» № 8. 1900.
2) Лядов, ч. 2, стр. 167.
3) «Искра» № 6.

долго разжигает буйное желание сбросить гнетущее иго и сокрушить все, что его поддерживает». Хладнокровный ученик «Рабочей Мысли» знает, что «сокрушить все, конечно, необходимо, и оно так или иначе сокрушено будет. Но сокрушение это произойдет только при полной сознательности сокрушающих, а не под вспышкой мимолетно возбужденного гнева».

И редакция в ответ спешит целиком подписаться под всем тем, что говорил автор, лишь скромно оговаривая, что «мерзавец» — не ругань, а кличка, название. По такому ничтожному поводу — целая полемика с изложением «основ» в то время, как на столбцах газеты нет статьи по ряду основных вопросов русской жизни.

«Голод» стоит заголовок в «Обозрении», № 4. Что же пишут об этомъ серьезном бедствии? — «Нельзя сказать, чтобы теперь было скучно и однообразно, — начинает автор в «фривольном» стиле: — в Туркестане повесили, для разнообразия должно быть, несколько десятков туземцев...» Дальше в таком же тоне (в роде «раешника») трактуется манифест о разоружении, как будто об этих вопросах рабочий 90 годов мог читать и понимать только такую белиберду. Необходимо отметить, что не только статьи, но и информация газеты держалась узких пределов рабочей жизни. О крестьянах, студентах и пр. сведений почти нет. Дело, конечно, заключалось не в малом формате газеты, — в некоторых номерах ее размеры довольно обширны.

При первом просмотре газета сейчас производит впечатление легальной, подцензурной газеты, которая в силу необходимости говорит эзоповским языком, и остается чувство недоумения, когда тщетно ищешь и не находишь между строк ни одной смелой революционной мысли. Зато попадаются сплошь и рядом интеллигентские бессмысленные декламации, усеянные многоточиями и знаками восклицания, в роде: «Да! Дело в том, чтобы бороться за жизнь... Дело в том, чтобы двигать вперед свое рабочее дело и быть, таким образом, революционерами самой практической жизни, а не на словах только, не вне пространства и времени... Да! Дело в том, чтобы взять из окружающей жизни для дела все, что она может дать, и развить свою рабочую силу (?) в данный нужный момент до пределов возможного...».

«Какими средствами? — спрашивает вслед за этим автор, и дает в ответ целую программу организационных мероприятий: — Всеми

средствами, начиная с открытых массовых стачек за повышение заработной платы и сокращение рабочего дня, до тайных рабочих сообществ и касс, от «трудовых товариществ или сообществ работников, добровольно составленных» по проекту министерства внутренних дел, и им же разрешаемых потребительных обществ, обществ взаимопомощи, образования, развлечения и т. д. до союзов борьбы за освобождение рабочего класса, от книг и журналов, цензурой одобренных... вплоть до «преступнейших» прокламаций о необходимейших нуждах рабочих... вплоть до машин-скорописных и тайных типографских станков» [1]).

Таково конкретное содержание лозунга «организуйтесь!», которым пестрят страницы «Рабочей Мысли». Напрасно мы искали бы определенного и ясного призыва к рабочим организоваться в политическую социал-демократическую партию. № 4 газеты, из которого мы только что цитировали, вышел в октябре 98 г., т.-е. после первого съезда партии, а «Р. М.» говорит все еще только о «Союзах Борьбы», при чем вовсе не придает им руководящей роли среди пестрой кучи рекомендуемых ей организаций. Таким образом, лозунг «организуйтесь» не содержал в себе политического смысла; да политическая партия вовсе и не обязательна для чисто экономического и культурнического движения («о-ва развлечения» и т. п.), к которому зовет рабочих «Р. Мысль».

Как основной тон, проникающий собой всю газетку, следует отметить ее вражду к «интеллигенции». Это вытекало логически из позиции, занятой «Р. М.» по отношению к политической борьбе. Рабочая масса не понимает политической борьбы, значит, это—затея интеллигентов,—таков ход рассуждения. До сих пор,—говорила передовица № 1,—рабочее движение было делом рук «кающегося интеллигента», и давала лозунг: «Вырвать судьбу движения из рук руководителей». В тогдашних условиях это было направлено прямо против руководящей роли социал-демократии в рабочем движении.

Говоря об «интеллигентах», авторы «Раб. Мысли» не делали различия в их классовой принадлежности, обвиняя в смертных грехах всю интеллигенцию и делая изъятия только для единиц—«белых ворон», которых, «к какому классу они ни принадлежали, всегда тянуло вперед, к свободе и равенству» [1]). Понятно, что эти «бесклассовые вороны» гнездились только в «Рабочей Мысли».

¹) Передовая № 4. Замечательно, что именно эти строки процитировал Тахтарев („Очерк"), желая доказать, что автор статьи не против политической борьбы. Очевидно, понимая шаткость своей позиции защитника, он тотчас же бьет отбой: „Но мне скажут, все-таки с.-д. направление „Р. М." не было выражено вполне определенно"... и т. д.

Что в среде рабочих были элементы, которые считали «Рабочую Мысль» своей газетой, это несомненно, но это были наименее развитые, отсталые слои пролетариата. В этом смысле «Рабочая Мысль» созерцала всегда лишь «заднюю» пролетариата [2]).

В «Рабочем Деле» в защиту «Рабочей Мысли» выступил с письмом «Петербургский рабочий» [3]). Он рассказывает, как принимали рабочие эту газету. Когда после № 2 «Раб. Мысли» арестовали многих, масса одобряла аресты «соцьялистов», говоря: «как можно, чтобы ни царя, ни бога не признавать» [4]). Через некоторое время арестуют не только «крамольников», а и тех, которые не соглашались по убавленной цене работать. Мнение изменяется. Выходят №№ 3 и 4. Начинают раздаваться голоса «развитых» рабочих, прочитавших «Рабочую Мысль»: «Брешут, сволочи, будто в ней пишут бога не признавать. Про бога ничего не сказано, попов действительно ругают, так как же их, живодеров, не ругать, когда они за поминанье берут 30 копеек? Еще рассказывают, как фабриканты с заводчиками нас грабят,—тоже сущая правда».

Вот однажды подходит к автору рабочий, из тех, что раньше ругал социалистов, и говорит: «Знаешь, брат Гришка, я нашел газету «Рабочую Мысль», прочитал ее. Хороша штука, только зачем они так царя ругают?».

Вот все, что мог сказать «Петербургский Рабочий» в защиту «Рабочей Мысли». Что же он сказал? Что газета даже не затронула в той отсталой массе, на которую она рассчитана, веры в царя, а против попов могла возбудить только потому, что они дорого берут за поминанье. Давала плоды только агитация против фабрикантов и заводчиков.

Что «Рабочая Мысль» при этом отставала от подлинной рабочей мысли, об этом свидетельствуют некоторые письма в редакцию.

¹) „Во избежание недоразумений". „Р. М." № 4.
²) Выражение принадлежит Плеханову.
³) „Раб. Дело", № 11—12, стр. 49-52.
⁴) Нельзя не отметить, что автор берет, повидимому, наиболее отсталый элемент рабочих. Трудно предположить, чтобы, например, ткачи, из которых в 96 г. 1050 чел. было арестовано, все так рассуждали.

Письма рабочих вообще являлись единственным ценным материалом в газете. В них мы находим обильный материал для характеристики питерского рабочего движения. Но рабочие не всегда писали только о положения на своих фабриках, иногда и по общим вопросам.

В ряде писем осуждаются интеллигентские статьи редакции за их непонятность и неясность. Письмо в редакцию (№ 8) содержит такие призывы, обращенные к редакции: «Огня больше!.. Дайте простор агитации и публицистике! Располагая фактами и сообщениями из разных мест, сотрудники должны делать сводки и указывать, как слагается общее насилие царской власти из этих частных хозяйских, чиновничьих и жандармских притеснений. Пусть в наличности мало сил для этого. Не бойтесь, ставьте цель, и вы увидите, как скоро она будет достигнута, вы увидите, что рабочий не простой рабочий, которому нужен кусок хлеба, а еще и честный человек, у которого есть долг гражданина и самоотверженность интеллигента». «Классовое сознание», следовало бы сказать «Практику-рабочему», но его газета не научила его таким словам, и он ее словами учит ее выше ценить рабочего, не твердить ему одни «пошленькие мыслишки о собственном благополучии».

Тот же «Практик рабочий» пишет: «Может-быть, вам покажется смешным, что рабочие зачитывали до дыр народовольческую брошюру «Подпольная Россия» и жили вместе с ее героями, забывая всякие опасности и заботы настоящего». И этих рабочих «экономисты» считали неспособными понять политической борьбы с самодержавием!

В других письмах приводятся примеры, как в воскресных школах рабочие вместо истории царей требуют настоящую науку, звучат жалобы на однообразие популярных брошюр. Между тем, «Раб. Мысль» не издавала политических брошюр, ограничиваясь издательством, главным образом, на темы экономической борьбы.

Только в 1901 году «Раб. Мысль», скрепя сердце, заговаривает о политической борьбе [1]): «Пятилетняя школа» экономической борьбы для русских рабочих уже кончилась. Настало время борьбы за права наши, за нашу жизнь и свободу». Наконец-то!—восклицает по этому поводу «Искра» [2]). Но впечатление разбивается словами автора: «Мы прежде всего будем бороться теперь за свободу стачек, союзов и собраний, личности, слова и печати, потому что такая свобода—это повышение заработка и сокращение рабочего дня». Так «медленно поспешала» за жизнью газета «Раб. Мысль».

[1]) Передовая № 11, „Насущный вопрос". С этого № редактирование перешло непосредственно „СПБ Союзу Борьбы".

[2]) „Искра", № 4. „Из партии".

10. Раскол в эмиграции.

Образованный в 1895 г. «Группой Освобождения Труда» за границей «Союз русских социал-демократов», вследствие притока «молодых» сил из России, мало-по-малу уплывал из-под руководства и влияния «Группы».

О составе эмиграции 90 гг., с которой пришлось столкнуться Группе Освобождения Труда в «Союзе русских с.-д.» и повести борьбу, Лядов говорит следующее: «Первые социал-демократы-практики («старики») были арестованы в период 95—96 годов. По тогдашнему обычаю, следствие над ними затянулось около 2-х лет. Громадное большинство из них из тюрьмы отправляется в ссылку в Сибирь или Архангельск на срок от 3 до 10 лет. Самые активные, ближе всего стоящие к делу, попадают именно в Сибирь. Первые побеги из Сибири соц.-демократов начались в 99 году, а первые легальные возвращения их могли начаться не раньше 1900 года. До этого времени действительные с.-д. практики за самыми ничтожными единичными исключениями за границу не попадают. Попадает же туда либо учащаяся молодежь, совершенно не работавшая и совершенно незнакомая с движением, либо случайно уцелевшие от тюрьмы и ссылки второстепенные силы, по большей части пособники, а не активные участники движения. Вот из этих-то элементов и составлялись русские заграничные колонии. Начиная с 1897 года почти всякий «мыслящий» гимназист считал себя марксистом. Приехав за границу, он, конечно, сейчас же входит в местную соц.-демократическую организацию и, таким образом, получает право выражать «настроение» России, служа единственным материалом для ознакомления Гр. Осв. Тр. с этим настроением. Можно ли удивляться, что Группа не могла понять, чего собственно желают русские товарищи от их изданий» [1]). Описывая эмигрантские круги в 1898 и начале 99, года Зеликсон-Бобровская пишет: «Особенно тягостное впечатление производило большинство основательно осевших

[1]) Лядов. „История". Ч. II, стр. 84.

за границей молодых эмигрантов. Посидевши когда-то в России в тюрьмах, они как бы считали свою миссию по отношению к дальнейшей партийной работе на родине законченной» [1]). Такова была среда, где произросли идеи «экономизма» в эмиграции.

В 98 году трения между «Группой» и большинством «Союза» обострились. Группа считала, что взгляды, которых придерживаются большинство «молодых», принципиально противоречат Манифесту, принятому I съездом партии. Но имея непосредственных сношений с Россией, и судя о русских настроениях по эмиграции, Группа не знала, насколько Манифест съезда правильно отразил мнение большинства русских практиков, и запросила об этом Петербургскую организацию. От этой организации пришел совет: «дать простор молодым силам». Тогда Группа сложила с себя редактирование изданий «Союза», на его 1-м съезде в 98 году, а в 1901 г. вышла из «Союза», образовав революционную организацию «Социал-Демократ».

Историк-современник Лядов резко осуждает Группу за добровольный уход от редактирования изданий «Союза». Имея решения партийного съезда, как официальную партийную линию, и будучи солидарны с ней, Плеханов и другие, по его мнению, уронили партийное знамя перед лицами, в среде которых, по выражению Плеханова, были такие, в ком «нет ни социализма, ни демократизма», и сделали это только потому, что одна партийная организация дала им такой совет.

С.-д. практики были и раньше недовольны деятельностью Группы. Ее теоретическая деятельность заслуживала их полное признание, но в духе этой деятельности они ожидали от Группы и руководства практической работой. Между тем, отрыв от России лишил возможности Группу точно и правильно оценивать российское положение. Так, брошюра по поводу голода «Всероссийское разорение», заканчивалась призывом ко «всем классам» русского общества немедленно вступить в борьбу с абсолютизмом за созыв земского собора. «Русские социал-демократы»,—пишет Лядов,—поспешили уверить Плеханова, что звать сейчас все классы об-ва на немедленную борьбу с абсолютизмом есть утопия, что в сохранении у нас существующего строя заинтересована далеко не одна партия «кнута и палки». Плеханов ответил брошюрой «О задачах социалистов в борьбе с голодом», в которой с чисто научной точки зрения до-

[1]) Зеликсон-Бобровская, „Записки рядового подпольщика". Стр. 34.

казывал необходимость для русской буржуазии столкнуться современем с абсолютизмом. С такой постановкой вопроса согласились все. «Но в качестве тактического совета для 92 года, когда крестьянство, несмотря на голод, спало непробудным сном, когда промышленная буржуазия, благодаря абсолютизму и связанным с ним голодовкам, наживала рубль на рубль, когда крупные земловладельцы (опять-таки благодаря абсолютизму) бесконтрольно хозяйничали в земствах и эксплоатировали голодающих, заставляя их работать за кусок хлеба два дня, когда пролетариат не успел еще приступить к организации, и даже интеллигенция, этот главный кадр старых революционеров, ушла в «малые дела», в толстовщину и индефферентизм, в качестве тактического совета эти положения могли только свидетельствовать о полном незнакомстве автора с действительным положением дел в России и господствующим настроением» [1]). По брошюрам же Аксельрода выходило, что, появись в 92 году хорошие вожаки, и масса крестьян, масса астраханских и саратовских погромщиков пошла бы за ними добывать «Земский собор». «Будь у нас теперь серьезная организация энергичных революционеров (в роде народовольческой или землевольческой),—писал он в № 4 «Социал-демократа»,—приобревшая популярность хотя бы среди нескольких тысяч рабочих, она имела бы больше шансов на успех в военном столкновении с правительством, чем социал-демократия в Германии». Лядов отмечает здесь «бакунистские отрыжки».

К слабости политического руководства русским движением со стороны «Группы» следует отнести опоздание с критикой таких документов, как «Об агитации», «Поворотный пункт в еврейском рабочем движении» и, наконец, запоздание с выпуском «Vademecum'а» [2]). «Группа» не сумела с самого начала захватить и приглушить теоретические блуждания «экономистов».

Наконец, возникшую потребность в массовой популярной литературе «Группа» совершенно не удовлетворяла. Аксельрод даже высказывал отрицательный взгляд на «популярщину». Издания «Группы», за исключением единичных брошюр, направлены к вполне интеллигентному читателю. В них все еще встречались уже устаревшие призывы интеллигенции к «возбуждению сознательного политического движения рабочих». Между тем, читались в России эти брошюры

[1]) Лядов. Ч. II, стр. 83 и след.

[2]) Документы „Vademecum'a" были в руках „Группы" с 98 года, а изданы они в 900 году.

лишь «узким кругом сознательных рабочих, которые уже вполне стояли на точке зрения «Группы Освобождения Труда».

Все эти недочеты в работе «Группы» облегчили борьбу с ней заграничных «экономистов», оттеснивших ее от заграничного центра и деятельно завязывавших связи с Россией. Здесь роковую роль для Плеханова сыграло его пребывание в эмиграции, когда он в течение десятков лет «все глаза проглядел», пока увидел первого русского социал-демократа. История уже тогда, если так можно выразиться, позвав к практической борьбе российскую социал-демократию, передавала руководство ею от теоретика Плеханова—Ленину, как «революционеру, счастливо соединяющему в себе опыт хорошего практика с теоретическим образованием и широким политическим кругозором» (известный отзыв Аксельрода). «Экономизм» на один исторический момент перенял это руководство, когда оно выпало из рук Плеханова и не перешло к Ленину, очутившемуся в ссылке.

Только молодостью и переходным возрастом нашей партии, не успевшей еще выработать в себе прочного и застрахованного от провалов идейного и организационного центра, объясняется возможность повального господства в социал-демократической теории и практике 98—900 годов «экономического» течения.

Но если «Группа Освобождения Труда» фактически никогда не держала в своих руках руководства практической борьбой русских социал-демократов, то она, в лице Плеханова, дала блестящий реванш «экономизму», не оставив от него камня на камне в области теории. В 1900 году Плеханов выпускает сборник «Vademecum» (т.-е. «Путеводитель») для редакции «Рабочего Дела».

«О, дети, как опасны ваши лета.
«Мышонок, не видавший света,
«Попал было в беду.

Таков эпиграф на «Vademecum'е». И, действительно, здесь Плеханов шутя играет в «кошку-мышку» с теоретиками «экономизма». Минуя всю другую полемику «Группы» с «экономизмом» [1]), перейдем сразу к разбору материалов «Vademecum'а», как основных документов экономизма.

---

1) Напр., брошюры и статьи Аксельрода против «Раб. Дела».

«Экономизм», как оппортунистическая система.

11. Политическая программа «Credo».

Кускова и Прокопович—оба перешли к социал-демократам из народоправцев и через несколько лет возвратились «во-свояси», к «освобожденцам»-либералам. Эти «захожие» социал-демократы сумели лучше всего формулировать распространенные воззрения «экономистов», при чем с большой попыткой на «научный», теоретический подход. Оба они играли видную роль в заграничном «Союзе русских социал-демократов».

«Credo» (т.-е.: «верую», символ веры) принадлежит перу Кусковой, но редактировано и другими экономистами. Оно было опубликовано впервые, помимо воли автора, 17 ссыльными социал-демократами вместе с их протестом против него (по инициативе Ленина). Кроме «Credo», Плехановым в «Vademecum'е» были опубликованы частные письма Кусковой (псевдоним—М.М.), Прокоповича (NN) и Г. (один из видных деятелей Бунда), тоже без их согласия, за что Плеханов подвергся обвинениям чуть ли не в разглашении конспиративных тайн. На деле эти письма имеют лишь отношение ко взглядам экономистов, а не к личностям. «Экомомисты», пренебрегавшие «теорией» вообще, берегли свою собственную теорию как секретную болезнь. Подобный же случай произошел с опубликованием против воли Киевского Комитета его «Profession de foi», что вызвало также изрядную перебранку из «экономической кухни».

Рассмотрение документов начнем с «Credo», попутно справляясь с письмами, опубликованными Плехановым.

В основе «Credo» лежит совершенно немарксистский, принадлежащий буржуазной исторической науке взгляд на ход развития

буржуазных революций на Западе. Там, якобы, «рабочий класс не завоевывал демократических учреждений: он ими пользовался».— «Конституции 48 года были завоеваны буржуазией и мелкими мещанами, артизанами» (ремесленниками). Получив политическую свободу из рук буржуазии, пролетариат пошел по линии политической борьбы, как по *«линии наименьшего сопротивления»*. Экономическая же борьба давалась ему «с страшным трудом», и до сих пор она не развита должным образом. Исходной точкой политической борьбы рабочих явилась борьба парламентская, с перспективой захвата власти. Эта тактика изложена в «Коммунистическом Манифесте», который автор считает устаревшим. Теперь, по его мнению, в политической борьбе «исчерпана вся энергия», вести ее на Западе дальше «трудно и невозможно». Линия наименьшего сопротивления, каковую автор считает «основным законом» рабочего движения, указывает в сторону экономической борьбы. Это изменение направления выражается в кризисе марксизма, в котором победит бернштейнианство и победит, как «коренное изменение практической деятельности». Изменение это *произойдет в стороны: 1) более интенсивной экономической борьбы* и 2) сближения с либеральными оппозиционными партиями. «Стремление к захвату власти преобразуется в стремление к реформированию современного общества в демократическом направлении [1]). Марксизм нетерпимый, марксизм отрицающий, марксизм примитивный (пользующийся слишком схематичным представлением классового деления общества) уступит место марксизму демократическому»... и т. д.

Итак, перед нами полная апология бернштейнианства. Не революция, а реформа, представление о классовом делении слишком «примитивно», борьба классов уже перестает быть политической, т.-е. классовые противоречия сглаживаются,—здесь главнейшие положения ревизионизма. Из них следуют выводы для России: «Линия наименьшего, сопротивления никогда у нас не будет направлена в сторону политической деятельности», а следовательно «разговоры о самостоятельной рабочей политической партии суть не что иное, как продукт переноса чужих задач на

1) В письме Кускова (М. М.) пишет: «После Бельгии мне стыдно говорить о социальной революции».

нашу почву». «Для русского марксиста исход один: участие, т.-е. помощь экономической борьбе пролетариата и участие в либеральной оппозиции». На первый взгляд, эти выводы для России кажутся неожиданными: ведь, «чем ночь темней, тем звезды ярче», чем суровее режим, тем сильнее протест против него? Но это—рассуждение, слишком обыкновенное для автора, которое не допускается «законом» о линии наименьшего сопротивления. Он рассуждает далее, логически исходя из высказанных им положений: демократические учреждения русский пролетариат может получить только от русской буржуазии. А хочет ли она их? В этом *весь вопрос. Если она не хочет, то «политической деятельности»* пролетариата не быть.

В своем письме к Аксельроду Кускова пишет: «У нашей буржуазии свобода уже есть, ей не приходится разбивать средневековые рамки цехового строя». Стало-быть, сколько-нибудь серьезной борьбы с самодержавием за политическую свободу в России не будет. Но даже если,—продолжает автор,—наиболее оппозиционное крыло буржуазии добьется от самодержавия конституции, то и эта конституция не явится «этапом, на котором можно было бы отдохнуть рабочему», т.-е. конституция и не нужна; здесь знакомые нам нотки по «Рабочей Мысли», пренебрежительно относившейся к политическим свободам. Так, по Кусковой, рисуется гармония классовых интересов: буржуазии политической свободы достаточно, а пролетариату она не нужна.

Но почему же не нужна? Посмотрите на Бельгию, Германию, Англию,—говорит автор. «Там даже во время существования буржуазной конституции рабочие борются за политические права». Зачем же стремиться к конституции, если мы и сейчас можем позволить себе то же самое занятие: «Остается, ничего не ожидая, ни на кого не возлагая надежд, самим рабочим при существующей форме правления теперь, немедленно, шаг за шагом добиваться политических прав».

Г. пишет: «В России товарищи многие толкуют и пишут о политической борьбе, но никто мне толком не объяснил, в чем она заключается и должна заключаться. Правильнее всех этот вопрос ставят виленцы: в своей прокламации они указывают, что единственным и главным средством политической борьбы пока является только неустанная, широкая массовая борьба на почве экономической,

так как в данном случае рабочие нарушают то, что запрещено законом (опять по «Раб. Мысли»: союз «становится законным, когда стал обычным»), и фактически, таким образом, ставят свои насущные требования. Устраивая тайные союзы и собрания, стачки, распространяя нелегальное слово, рабочие, фактически, ведут политическую борьбу. Другой формы абсолютно не знаю».

«Можно ли этот рабочий класс, глубоко тонущий в общенародном варварстве и невежестве, стоящий на низкой ступени интеллектуального развития, не имеющий политических знаний и опыта,—восклицает Прокопович,—звать на борьбу с абсолютизмом?» «Мы должны не допускать попыток беспочвенной политической агитации так же, как мы избегаем провокаторов».

Г. заявляет, что «толковать рабочей массе в России об уничтожении капитализма, о социализме, наконец, о свержении самодержавия вообще—нелепость».

Кускова считает, что «говорить теперь, пропагандировать рабочим свержение самодержавия,—а значит просто-на-просто революцию,—это значит подвергать их величайшей опасности, которая была только возможна в истории». Революция рисуется ей «кровавым морем, которое надолго затопит нарождающееся движение». Краски, как видим, самые недвусмысленные. И эти либералы, как и всякие либералы, были сильно напуганы возможностью революции.

«Рабочая масса,—пишет Г. на знакомый уже нам мотив,—берет из программы интеллигенции только то, что ей насущно необходимо, и что может быть достижимо в настоящем, отбрасывая все остальное, как ненужную для нее идеализацию и игнорируя ее». А Кускова доходит до геркулесовых столпов в следующих строках: «Пропаганда будущего социализма и всего прочего (так и сказано!) может пока служить хорошим средством для привлечения отдельных лиц из интеллигенции и рабочей среды (в большинстве случаев малосознательных и сентиментальных), но никогда массы». Дальше и «ехать некуда»: сознательные последователи социализма объявлены (ну, конечно,—пока-что) «малосознательными и сентиментальными» людьми в устах не сентиментальной м-м Кусковой.

Впрочем, мы ошиблись. Что можно «заехать» еще дальше, это нам демонстрирует Прокопович, который не допускает пропаганды социализма («и всего прочего») не только в России, но и вообще

нигде, по чисто принципиальным соображениям. Он считает, что «ненаучно говорить о будущей форме общества». «Мы можем говорить об ограничении капиталистической эксплоатации, говорить даже (и то еще вопрос!) об ее уничтожении, но и только. Но о форме этого идеала мы не имеем права говорить». «Ставить в программу обобществление орудий труда [1]) или толковать о «Zukunftstaats»—утопично и ребячество».

Собственно говоря, эти слова совершенно похоронили Прокоповича, как социалиста. Что же это за социализм, который нельзя ни поставить в программу, ни говорить о нем с уверенностью, что он будет осуществлен и положит конец капиталистической эксплоатации?

Во всяком случае, этот единственный в своем роде «социализм» есть нечто, в корне отличное от марксистского научного социализма, который стоит в «программах» и в осуществлении которого его последователи не сомневаются. Поищем в «Vademecum'е» точного определения: что же именно авторы разумеют под словом социализм? Может-быть, тогда, идя за этой нитью, нам легче будет распутать, насколько это возможно, клубок «идей», именовавшийся «экономизмом».

12. «Теоретические» основы «экономизма».

Письмо Кусковой (М. М.) начинается так: «С теоретической точки зрения, генезис и развитие имущественного интереса рабочего класса даст нам точку опоры, с которой только и возможно понять как политические стремления рабочих, так и многоразличные и часто противоречивые формы организаций, создаваемых рабочим классом в его развитии. С этой точки зрения социализм является логически вытекающим из интересов (т.-е. из имущественных интересов, т. к. выше именно эти интересы являются исходным пунктом рассуждения. В. А.) класса фабричных рабочих».

Таким образом, главное действующее лицо в «экономических» воззрениях нами найдено. Это — имущественный интерес рабочего класса. Что же экономисты вкладывают в термин «инте-

[1]) Следовало бы сказать «обобществление средств производства», как это и отметила редакция «Vademecum'а».

реса» («имущественный» — это более или менее понятно)? Здесь нам будет удобнее всего пригласить на помощь Г. В. Плеханова, автора предисловия к документам.

Кускова писала: «Верно указанный путь борьбы порождает новый интерес». «Как порождает?» — спрашивал Плеханов. — Уча рабочих, указывая на препятствия, — отвечал он словами Кусковой. — «Указать рабочим на препятствия и научить их бороться, значит — развить их самосознание. Выходит, что интересы рабочих порождаются развитием их самосознания. Автор письма думает, что сознание данного интереса тождественно с его порождением. Это — идеалистическая точка зрения».

По письму Кусковой, «понять интерес данной минуты» значит прежде всего понять «ту активно-психическую базу, которая явится двигателем массы». «Там, где мы начинаем с экономии, — говорит Плеханов, — автор начинает с психологии. Содержание нашей проповеди определяется экономическими и социально-политическими отношениями, которые мы стараемся уяснить рабочему классу. А у тех людей, которые стоят на точке зрения автора, содержание пропаганды определяется, как говорит он сам, уже сознанными интересами рабочих. Указание пути на почве этих интересов есть — опять-таки по выражению автора — единственная задача социал-демократии. Отсюда он делает тот совершенно логический вывод, что не следует «говорить теперь, пропагандировать рабочим свержение самодержавия». Он заговорит об этом только тогда, когда сама масса уже будет проникнута ненавистью к самодержавию».

«Не выходит ли из слов автора письма, что «единственная» задача социал-демократии заключается в том, чтобы, по известному выражению, ломиться в открытую дверь? Его идеализм приводит его в тупой переулок».

Не всех идеалистов их идеализм приводит к консерватизму и «трезвенности»: «французские идеалисты XVIII века были убежденными революционерами, не боялись стучаться в закрытые сердца и умели отворять их своим вдохновенным словом. Если автор письма консервативен, то в этом виновато, главным образом, то обстоятельство, что он не только идеалист, но, вдобавок, идеалист, фальсифицированный марксизмом. Он слышал, что по теории Маркса в основе великих общественных движений лежат великие общественные интересы, на которые должна опираться пропаганда,

желающая иметь шансы на успех». Но он «отожествил интерес с известным состоянием сознания».

То же заблуждение обнаруживает Плеханов и в писаниях Прокоповича (NN). В брошюре, направленной против «Группы Освобождения Труда», NN писал довольно запутанно:

«Совокупность общественных отношений — экономических, правовых, политических etc. — определяет, какие интересы могут быть у рабочих, но не определяет, какие интересы уже сознаны рабочими и вошли в жизнь».

«Как это вошли в жизнь? — спрашивал Плеханов. — Повышение заработной платы, конечно, имеет огромный «интерес» для рабочих, который прекрасно сознается всеми ими... Но вошел ли этот интерес в жизнь? Я не знаю».

NN продолжал: «С помощью социального опыта, житейской практики etc., сознание рабочих масс постоянно нагоняет общественные отношения, никогда не отожествляясь с ними». — «Зачем написано это? — спрашивал Плеханов. — Разве кто-нибудь из противников NN утверждал, что сознание масс может «отожествиться» с реальными общественными отношениями?.. Он не замечает логической невозможности подобного «отожествления». Это плохой знак».

NN заключал: «Поэтому-то нам и приходится делать столь решительное и коренное различие между интересами, которые «мы» (интеллигенты) приписываем рабочим, и интересами, действительно имеющимися у них».

«Теперь посмотрите, что у нас выходит, — говорил Плеханов. — Прежде у нас были, во-первых, реальные интересы рабочих, определявшиеся всею совокупностью общественных отношений, и, во-вторых, более или менее ясное сознание рабочими этих реальных интересов. Теперь у нас получились, во-первых, интересы, приписываемые рабочим нами (интеллигентами), и во-вторых, интересы, действительно имеющиеся у рабочих. В чем же отличительные признаки интересов второго рода? В том, что они сознаны рабочими. Значит, действительно имеются у рабочих только те интересы, которые сознаны рабочими».

И напрасно, стало-быть, марксистская теория «ненаучно» приписывает рабочим какие-то другие интересы...

Оценивая идейную глубину «экономической» теории, после этого поневоле хочется привести ироническое замечание того же Плеханова, что он согласен называть «экономизм» этим названием, но в том

смысле, в каком говорят об «экономических путешествиях» и об «экономической кухне», т.-е. когда слово «экономический» значит дешевый, недорого стоящий.

Возвратимся теперь к той цитате из письма Кусковой, которую мы избрали в начале главы, и ключ к которой мы берем из рук Плеханова.

Если интерес—известное состояние сознания, то имущественный интерес, в понимании «экономиста», должен быть сознанием рабочими своих имущественных интересов, или, проще, имущественными стремлениями рабочих. «Генезис и развитие» (чуть ли не «саморазвитие») имущественных стремлений рабочего класса— вот источник социализма и политических стремлений. Другого источника не указано.

Соответствует ли духу марксизма, приверженцами которого все же считали себя авторы «Credo», это понимание социализма и освободительной борьбы пролетариата? Оставлено ли в этом определении социалистического сознания место для революционной и научной теории?

Вот что писал Каутский [1]): «Многие из наших ревизионистских критиков полагают, будто Маркс утверждал, что экономическое развитие и классовая борьба создают не только условия социалистического производства, но также непосредственно порождают сознание его необходимости»... «В такой связи социалистическое сознание представляется необходимым непосредственным результатом пролетарской классовой борьбы. А это совершенно неверно. Разумеется, социализм, как учение, столь же коренится в современных экономических отношениях, как и классовая борьба пролетариата, столь же, как и эта последняя, вытекает из борьбы против порождаемой капитализмом бедноты и нищеты масс, но социализм и классовая борьба возникают рядом одно с другим, а не одно из другого, возникают при различных предпосылках. Современное социалистическое сознание может возникнуть только на основании глубокого научного знания. В самом деле, современная экономическая наука настолько же является условием социалистического производства, как и современная, скажем, техника, а пролетариат при всем своем желании не может создать ни той, ни другой, обе они возникают из современного общественного процесса. Носителем же науки является

1) «Neue Zeit», 1901—1902 XX, I, № 3, стр. 97. Цитируется по Ленину, «За 12 лет», стр. 220. «Что делать». Слова Каутского были направлены против ревизионистов в полемике по вопросу о программе австрийской с.-д.

не пролетариат, а буржуазная интеллигенция: в головах отдельных членов этого слоя возник, ведь, и современный социализм, и ими уже был сообщен выдающимся по своему умственному развитию пролетариям, которые затем вносят его в классовую борьбу пролетариата там, где это допускают условия. Таким образом, социалистическое сознание есть нечто извне внесенное в классовую борьбу пролетариата, а не стихийно из нее возникшее».

Ленин, цитировавший эти слова Каутского в борьбе против экономистов (через несколько лет после «Credo»), заявлял:

«История всех стран свидетельствует, что исключительно своими силами рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание трэд-юнионистское, т.-е. убеждение в необходимости объединиться в союзы, вести борьбу с хозяевами, добиваться от правительства издания тех или иных необходимых для рабочих законов и т. п.»

Сопоставим же эти цитаты с воззрением Прокоповича на «ненаучность» социалистической теории и к этим добавим еще следующее. Бернштейн в своей известной книге пишет:

«Один русский экономист Прокопович, приближающийся по своим взглядам ко мне, в прекрасной статье относительно Штуттгардтского партейтага упрекает меня за то, что я не остался последовательным в своей борьбе с нелепым стремлением превратить науку в дело партии. Согласившись с тем, что теория оказывает свое влияние на тактику партии, я, по его мнению, сам посеял тот сумбур, который господствует на этот счет в социал-демократии. Тактика партии,—говорит он,—в гораздо большей степени, чем теоретическое знание, определяется действительными социальными отношениями. Не теоретическое знание влияет на тактику партии, а напротив, сами доктрины, которыми живет партия, подчинены влиянию ее тактики. Для современных движений Фольмары всегда впереди Бернштейнов... Мне, по мнению Прокоповича, следовало бороться не с тем, что тактику партии ставят в зависимость от ложной, с моей точки зрения, доктрины, я должен был восстать против того, что эту тактику ставят вообще в зависимость от какой бы то ни было теории социального равития» [1]).

1) Бернштейн. „Социальные проблемы", Примечание на стр. 187. (Перев. Коган).

Таким образом, здесь «ортодоксальный» марксизм перевернут как раз вверх дном: за теорией отрицается всякое право влиять на определение даже тактики, т.-е. сознательной деятельности социал-демократии, тем более, значит, на развитие рабочего движения в целом. Прокопович, высказавшийся здесь так категорически, оказался более последовательным бернштейнианцем, чем сам Бернштейн. Деликатно соглашаясь с «большей частью высказанных здесь мыслей», Бернштейн считает необходимым возразить, что «без коллективного мышления не может быть коллективного действия... Я не стану восставать против того, чтобы для объяснения тактических вопросов (только для «объяснения»?) привлекалось теоретическое знание»,—говорит он.

Прокопович—Бернштейн, и Каутский—Ленин,—здесь две крайних позиции по вопросу о роли «стихийности» и «сознательности». Меньшевики любили припоминать, как Ленин на II съезде признался в «перегибании палки» в этом пункте полемики. Теоретически мыслимо, что современем и сама масса «выработала бы» социалистическую идеологию, но, ведь, все знают, что исторически дело происходило скорее и проще. Нашлись гениальные люди из буржуазной интеллигенции и дали движению его идеологию. Меж тем, в 1900—02 гг. для русской с.-д. в тысячу раз опасней был уклон в хвостизм, под антиинтеллигентским флагом, чем какая-нибудь не здесь, с чисто теоретической точки зрения, поставленная запятая. Заострение вопроса о роли научной теории было тактически необходимо, и Ленин его сделал.

Для мировоззрения Кусковой и Прокоповича характерно то, что оно плутает даже не в трех, а в двух соснах. Принижая человеческое сознание в своем отрицании всякого значения теорий общественного развития, оно отправляется в объяснение этого развития от сознания же, правда, не от научного, а от стихийного сознания масс. На практике это приводило «экономистов» к тому, что они мелкобуржуазное сознание, от которого еще не освободился в массе рабочий, приняли за социалистическое сознание и пошли в хвосте у массы. Устраняясь от активного руководства массой, они обрекали себя на тактику квиетизма, пассивности, приспособления.

Ленин писал: «Раз о самостоятельной, самими рабочими массами в самом ходе их движения вырабатываемой идеологии не может быть

и речи [1]), то вопрос стоит только так: буржуазная или социалистическая идеология. Середины тут нет (ибо никакой «третьей» идеологии не выработало человечество, да и вообще в обществе, раздираемом классовыми противоречиями, и не может быть никогда внеклассовой или надклассовой идеологии). Поэтому всякое умаление социалистической идеологии, всякое отстранение от нее означает тем самым усиление идеологии буржуазной»... «Наша задача, задача социал-демократии, состоит в борьбе со стихийностью, состоит в том, чтобы совлечь рабочее движение с этого стихийного стремления трэд-юнионизма под крылышком буржуазии и привлечь его под крылышко революционной социал-демократии».

Чтобы покончить с очерком «теоретической» путаницы «экономистов», упомянем еще об одном эпизоде из теоретической полемики Плеханова против Струве. «Экономизм» и «струвизм», как мы увидим, и здесь были близнецами.

Плеханов находит у Струве и у авторов «Credo» общие заблуждения и посвящает им целых три главы (6, 7 и 8-ю) в третьей статье под общим заглавием «Критика наших критиков», которые он печатает в «Заре» [2]). Критикуя положение Струве, что наша «конечная цель» может быть для нас только предметом «веры», Плеханов останавливается на следующих словах Струве:

«Движение есть исторический prius. Социализм всегда обладает реальностью в той мере, в какой он заключается в движении, порождаемом современным хозяйственным порядком». То, что «не заключается» в этом движении, Струве признает «утопией», в противоположность «реальности».

Это можно понимать двояким образом,—говорил Плеханов:—1) или социализм заключается во взглядах и чувствах людей, участников движения,—тогда он реален, потому что к нему уже стремится большое количество людей; 2) или он заключается в движении постольку, поскольку он может быть осуществлен в настоящий момент стремящимися к нему людьми. Но тогда все, что не может быть осуществлено сейчас, немедленно, есть утопия, т.-е. не только социализм, но вообще сколько-нибудь отдаленные цели.

---

[1]) Здесь Ленин делает существенную оговорку, что рабочие участвуют в выработке идеологии, но не в качестве рабочих, а в качестве теоретиков социализма, Прудонов и Вейтлингов. См. „За 12 лет“, стр. 221.

[2]) См. „Заря“, № 4. Цитирую по сб. „В защиту революционного марксизма“ изд. 1922 г. Названные главы на стр. 90—96.

«Струве преподносит нам,—говорил Плеханов,—в несколько измененном виде ту мнимо-реалистическую путаницу понятий, которая наиболее ярким образом выразилась в печальной памяти «Credo», и которая сводится к повторению на разные лады (но всегда «с ученым видом знатока») той мысли, что наша конечная цель перестанет быть утопией только тогда, точнее, только в том случае, если весь рабочий класс, процессом самобытного развития, без всякого участия в этом процессе интеллигентной «бациллы», будет приведен к тому убеждению, что его интересы требуют немедленного осуществления этой цели» [1]).

В основе заблуждения авторов «Credo» и Струве лежит неправильное толкование предисловия Маркса к «Критике политической экономии» в том месте, где говорится, что «человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить»... «Сама задача только тогда выдвигается, когда существуют уже материальные условия, необходимые для ее разрешения, или когда они, по крайней мере, находятся в процессе возникновения».

Нельзя забывать последних (подчеркнутых здесь) слов и мыслить метафизически: «да-да, нет-нет», материальные условия решения данной задачи или существуют, или не существуют. По Марксу, они могут находиться в процессе возникновения. А начинают это понимать, конечно, не все люди сразу.

«Представьте себе,—говорит Плеханов,—что, чем раньше дальнозоркие люди заговорят, положим, о том доме, который стоит на пути, и в котором путников ожидает необходимый им отдых, тем скорее они к нему приблизятся, потому что тем более они станут торопиться. В таком случае дальнозоркие не могут заговорить слишком рано, если только путники дорожат своим временем» [2]). Люди, понявшие раньше историческую необходимость данного явления, отличаются от дальнозорких в этом примере лишь тем, что они и ближнюю дорогу видят не хуже, а лучше близоруких (Плеханов).

---

[1]) „В защиту революционного марксизма", стр. 92. Характерно вспомнить при этом глубокомысленного рыцаря „Рабочей Мысли", поучающего свою редакцию, что „сокрушение произойдет только при полной сознательности сокрушающих".

[2]) „В защиту революционного марксизма", стр. 92.

13. Журнал «Рабочее Дело».

После отказа «Группы Освобождения Труда» от редактирования изданий «Союза русских социал-демократов» издательская деятельность перешла в руки молодых, и они повели ее довольно энергично. Уже в августе 1899 г. «Союз» получает возможность заявить через редакцию «Рабочего Дела», что за два последних года им переслано в Россию 70 пудов или 150.000 печатных листов нелегальной литературы [1]). Издание «Листка Работника» переходит от «Группы» в руки «молодых», начиная с № 9—10 (ноябрь, 98). С 1899 г. реорганизованный «Союз» приступает к изданию журнала «Рабочее Дело» (1899—902), периодически, но неаккуратно выходившего органа. Направлением «Рабочего Дела» определялась вся издательская и прочая деятельность «Союза» за эти годы. Это уже не была «местная» газета, «орган самих рабочих», в роде «Рабочей Мысли». Здесь работали не рядовые политические недоучки, а «настоящие» журналисты, ведшие свой орган на манер «руководящего» для русских социал-демократов, с соответствующими теоретическими статьями и многочисленными корреспонденциями из России.

«Рабочее Дело» отнюдь не считало себя «экономистским» органом, и в пику «Группе Осв. Тр.», обвинявшей «Союз р. с.-д.» в «экономизме», с первого номера выходило с лозунгом на заголовке, довольно неуклюжим: «Социальное освобождение рабочего класса невозможно без его политического освобождения». Оно заявило свою солидарность с автором брошюры «Задачи русских социал-демократов». И все-таки оно было органом «экономистов». Более того, именно оно наиболее рельефно выразило дух эпохи. Прямой, последовательный «экономизм» в духе «Credo» и авторов из «Рабочей Мысли» слишком «бил в нос» и не мог собрать под своими лозунгами значительной части социал-демократов, работавших в России, тем более, что рабочее движение, развиваясь, вырабатывало в себе мало-по-малу политические элементы уже в годы промышленного подъема. Общественный строй царской России был таков, что даже в эти годы мог внушить убеждение в прочности самодержавия и в том, что «линия наименьшего со-

---

[1]) „Рабочее Дело", № 2—3, стр. 121.

противления» не пойдет в сторону политической борьбы на долгий ряд лет—только отдельным единицам, слишком поспешившим закрепить в «принципах» свою либеральную сущность. В других умах «экономизм» был более уклоном или теоретической путаницей, чем целостной теорией. По духу эпохи требовалось и могло найти почву именно «не столько прямое отрицание «великих слов», сколько их опошление», при котором «научный социализм перестал быть целостной революционной теорией, а превращался в мешанину». «Именно флюгерствующие Кричевские и Мартыновы могли настоящим образом выразить разброд и шатание, готовность итти на уступки и перед «критикой», и перед «экономизмом», и перед «терроризмом» [1]).

Именно «Рабочее Дело» дало знамя русскому «экономизму» в 98—900 гг. По нему в общем равнялись российские «экономисты» в своей работе на местах. И получалась курьезная картина, когда руководящему органу «экономистов» составляли путеводители («Vademecum» был издан для редакции «Рабочего Дела»), чтобы помочь в поисках «экономизма», самый факт существования которого и его вредоносность была под большим сомнением у «Рабочего Дела». Тем более трудно и невозможно было доказать «Рабочему Делу» его собственный «экономизм», и оно до конца своих дней пребывало в блаженном неведении.

Редакция считала спорным вопрос: «если действительно имеется в российской социал-демократии «экономическое направление», то грозит ли от него серьезная опасность рабочему движению»?.. Она не думает отрицать того, что «при известных условиях», лица, держащиеся этого направления, могут оказать «очень вредное влияние на дальнейшее развитие нашей партии» (кавычки все принадлежат редакции, которая цитирует Плеханова и Аксельрода). Мы только доказывали, что этих «известных условий» в русской действительности нет [2]).

Позиция «Рабочего Дела», занимаемая им по отношению к авторам «Credo» (и к бернштейнианству), чрезвычайно характерна. В ней мы не находим полемики с авторами «Credo» по существу.

---

[1]) Ленин, „Что делать". „За 12 лет", стр. 314. А. Мартынов, один из редакторов „Рабочего Дела, впоследствии виднейший меньшевик, в текущем году опубликовал в „Красной Нови" о своем полном разрыве с меньшевизмом. (Прим. ко 2-му изд. Сейчас он в рядах РКП).

[2]) Ответ ред. „Р. Д." на „Vademecum", стр. 93.

Рабочедельцы с готовностью подписываются под тем, что сказал Плеханов и др., но, молчаливо осуждая «Credo», они активно сражаются с «крайностями», с «полемическим задором», в котором «ортодоксия», якобы, стреляет «из пушек по воробьям»... Авторов «Credo» рабочедельцы объявляли путаниками, не имеющими никакого веса в партии, а сами шли по их стопам, лишь приспособляя их абстрактные схемы к практике русских социал-демократов.

Точно так же «Р. Дело» отмежевывалось от «Рабочей Мысли», помещая статьи с критикой ее отдельных вопиющих банальностей, но по существу ушло очень недалеко вперед, часто лишь облекая в более культурную форму то, что было высказано петербургским «местным органом» грубовато и напрямик. Можно также отметить, что если в «Рабочей Мысли» мы находим отдельные «синдикалистские» черты, то «Рабочее Дело» в общем равняется по «трэд-юнионизму».

Прежде, чем переходить к политическим и организационным взглядам «Раб. Дела», остановимся на общетактических принципах, которыми оно руководилось в своей деятельности. Для каждой партии вопрос об ее связи с своим классом есть коренной вопрос. Как же «Р. Д.» рассматривало свои задачи по отношению к рабочему *движению?*

В программе «Р. Д.» значилось: важнейшим явлением русской жизни, которое, гл. обр., будет определять характер и задачи литературной деятельности «Союза», мы считаем возникшее за последние годы массовое рабочее движение. Программа обязывала в первую очередь считаться со «степенью развития рабочего движения» в стране. К этому добавлялась еще, по программе, «необходимость считаться с разнообразием местных условий и уровнем развития отдельных слоев рабочего класса». Все это были «тактические» трудности, которых «Р. Д.» так и не сумело преодолеть в течение своей деятельности. Выше мы видели, насколько пеструю картину представляло рабочее движение. Вывести из этого какую-то общую «степень развития» для всей страны, в качестве средней, было делом мудреным. Поэтому на практике просто приспособлялись к местной «степени развития», и к тем или иным «слоям» пролетариата.

Б-ов писал о СПБ «Союзе Борьбы», издававшем «Рабочую Мысль»: «Поскольку действующая организация задается целью от-

ражать требования, взгляды и настроения наименее развитой части пролетариата», — постольку, следует вывод, она «выполняет свои задачи». — «Если же организация (речь идет уже о «Рабочем Знамени» и о «Рабочем Деле») ставит себе целью *отражать* взгляды требования и настроения передовых рабочих», — то она... тоже выполняет свои задачи [1]).

Исходя из подобных рассуждений, «Рабочее Дело», не солидаризируясь с направлением «Рабочей Мысли», отнюдь не находило ее деятельность вредной, а наоборот, даже полезной для известной «ступени» движения. Таким образом, отрицалась всякая необходимость единой социал-демократической линии. Не было найдено единой «ступени» рабочего движения. Партия, как *авангард* пролетариата, теряла свой смысл. Она не собирала вокруг себя самые передовые элементы движения, способные увлечь его вперед, придать ему размах, а рабски приспособлялась ко всем «ступеням», включая самые низшие.

«Близоруки или ослеплены те, кто в разных *стадиях* нашего движения видят различные *направления*», — писал Кричевский [2]). «Выставление «Рабочей Мысли» образцом «экономического направления», доведенного до абсурда, мы считаем образцом суздальской критики», — отвечала редакция «Vademecum» [3]). Всякую «резкость» в полемике между социал-демократами рабочедельцы считали недопустимой и объявляли нетоварищеской. «Всяк сверчок знай свой шесток» — такова была незатейливая мудрость этих рассуждений. Борьбе за идейную однородность партии она не оставляла никакого места, освящая тот разброд, который был налицо среди социал-демократии.

Когда Плеханов обозвал «экономистов» жирондистами русской социал-демократии, проводя параллель с французской революцией, то «Рабочее Дело» возражало так: «Гора и Жиронда представляли... разные классы или слои — среднюю буржуазию, с одной стороны, и мелкое мещанство с пролетариатом — с другой. *В современном же социалистическом движении нет столкновения классовых интересов*, оно все целиком, во всех своих разновидностях, включая и самых отъявленных бернштейнианцев, стоит на почве классовых интересов пролетариата, его классовой борьбы за политическое и экономическое освобождение» [1]).

---

[1]) „Р. Д." № 6/35. Автор высказался слишком откровенно, применив слово „отражать". Офицальные заявления редакции говорят и о руководстве, вкладывая, впрочем, тот же смысл.

[2]) „Р. Д." № 7 стр. 18.

[3]) Ответ редакции Р. Д. на письмо Аксельрода и „Vadem", стр. 46.

Таким образом, оппортунизм в социал-демократии «Рабочему Делу» представлялся не как *мелкобуржуазный* уклон, а как равноправное революционному марксизму «умственное течение» в среде одного и того же класса. Вместо *классового* анализа, мы видим здесь так-называемую «теорию стадий».

По мнению «Рабочего Дела», политические идеи нужно преподносить массе в час по столовой ложке. «Что сказали бы об учителе, который начал преподавать высшую математику ученикам, не знающим четырех арифметических действий», — спрашивает Кричевский. «Постепенность является необходимым педагогическим приемом». И вот, «*переходными ступенями* в деятельности наших организаций являются: 1) чисто экономическая агитация, 2) политическая агитация, в непосредственной связи с экономической борьбой, сначала за ближайшие политические требования, а затем и 3) за всю нашу программу, 4) политическая агитация вне прямой связи с экономической борьбой пролетариата или его ближайшими интересами вплоть до 5) агитации по поводу общественно-политических злоб дня, интересующих пролетариат, как передовой отряд всего угнетенного народа в борьбе с самодержавием» [2]). При этом, «каждая высшая из переходных (5-ти, отмеченных нами цифрами) ступеней включает и пройденные уже ступени с соответствующими им приемами агитации». Но отнюдь не наоборот.

По смыслу цитированного, узаконялось не только мирное сосуществование бок о бок разных направлений, но и разная тактика одного и того же партийного комитета по отношению к различным группам рабочих. Лядов так иллюстрирует эту разницу в тактических приемах: «В Екатеринославе, например, две фабрики, на обеих были стачки, на одной стачка окончилась мирно, а на другой рабочим пришлось познакомиться с казацкими нагайками. И вот битым рабочим, стало-быть, можно говорить о «неприкосновенности» личности, а не битым нет, потому что они этой неприкосновенности

---

[1]) Автор — Кричевский. „Р. Д." № 10 стр. 31.

[2]) „Р. Д." № 7 стр. 10 и 21.

понять не могут, для поднятия же их «политического уровня», по рецепту «Р. Д.», агитатор должен подтолкнуть их на такой шаг, при котором они получили бы наглядный урок необходимости выставить требование неприкосновенности личности, другими словами, на собственном опыте познакомиться с казацкими нагайками».

Приведенные выше «пять стадий» в агитации Кричевскго подразумевают поступательный ход движения. Но на практике «экономисты» плохо поспевали за движением, зато преувеличенно внимательно отмечали каждый, по их мнению, шаг назад. Достойна удивления история с майскими требованиями 98 и 99 годов. Это был, в сущности, всероссийский скандал «экономизма». «В прошлом году,—пишет Иваньшин,—на первомайских прокламациях Союзов Борьбы (петерб., моск. и киев.), ныне комитетов партии, и на прокламациях Вс. Евр. Р. С. (Бунд) стояло: 8-часовой рабочий день и политическая свобода». «В нынешнем году наши российские товарищи выставили в майских прокламациях вместо 8-ч. р. дня и политической свободы 10-часовый раб. день и целый ряд других, сравнительно мелких требований. Не понижением классового самосознания, конечно, объясняется эта перемена в тактике российской социал-демократии, а лишь положением рабочего движения в данный момент» [1]).

Перед нами необыкновенная клевета на рабочую массу 1899 года. В течение года она, якобы, перестала понимать необходимость политической свободы и восьмичасового рабочего дня, сознавая желательность 10 часового. До такой наивности можно дойти, желая оправдать свою собственную отсталость.

Но поразительно то, что пишет автор дальше. Он приводит сведения, что «10 часового рабочего дня стали добиваться еврейские рабочие в Западном крае еще с начала 90 годов, и уже в 93—94 г.г. 10 час. раб. день проведен был здесь во многих ремеслах. Наконец, во многих производствах в Царстве Польском, на большинстве крупных механических заводов и в ж.-д. мастерских по России фактически установлен 10—11½ час. раб. день». Поздновато же вылезли «российские товарищи» с 10 часовым рабочим днем, думает читатель. И вдруг автор ошарашивает его:

[1]) „Р. Д. № 2-3, стр. 16, 17, 22.

«Таким образом, майское требование 10 час. раб. дня со стороны русских рабочих (не «рабочих», а экономистов. В. А.) далеко не носит теоретического характера (!) и основывается не на одной желательности такого ограничения продолжительности работы, как это можно было бы сказать про требование в настоящее время 8 час. раб. дня». Так вели «экономисты» борьбу не за «отвлеченные» идеалы социализма, а за самую «насущнейшую и конкретнейшую» потребность рабочих,—за сокращение рабочего дня. Здесь, таким образом, близорукость, которая отвратительно видит даже самую ближайшую дорогу у себя под ногами. 8 часовой раб. день—есть желательность (чуть ли не «приписываемая» рабочим интеллигентами!), поэтому за нее не следует бороться. Бороться надо не за то, что желательно, а за то, что возможно (даже, как видим, за то, что уже частью рабочих осуществлено). Рассуждение построенно явно по прописям «Рабочей Мысли»: «желательна та борьба, которая возможна, а возможна лишь та, которая идет в данную минуту».

Иваново-Вознесенские ткачи работали в это время чуть ли не на всех фабриках по 9 часов в сутки, добившись этого своей борьбой. Получили здесь рабочие воззвание из Петербурга, а в нем предлагают им начать «потихоньку да полегоньку» борьбу за 10 час. раб. день. «Эх, господа составители, писатели да доброжелатели!»—восклицает по этому поводу «Рабочий» на столбцах «Искры» [1]).

Этот конфузный случай, впрочем, не прошел даром для редакции «Рабочего Дела». Год спустя один из редакторов, Кричевский [2]), возвратившись к майским требованиям российских комитетов в 1899 году, мимоходом замечает (это уже после харьковской знаменитой забастовки с демонстрациями): «Почему бы им не подчеркнуть и политическую свободу?..» В этой же статье он пишет: «Если ждать с политической агитацией до тех пор, пока вся масса, или хоть большинство ее станет восприимчивым к политическим требованиям, то мы рисковали бы надолго задержать политическое развитие этой массы». (Наконец-то, его озарило сознание!) «Не бессознательные элементы массы, иногда десятилетиями остающиеся в стороне от борьбы, определяют тактику соц.-дем. партии, а ее

[1]) „Искра“ № 6. Автор письма—„Рабочий за рабочих“.

[2]) Б. Кричевский. Экон. и полит. борьба. „Р. Д.“ № 7 август, 1900 г. стр. 19.

деятельные, живые, борющиеся элементы, ее «передовой отряд» [1]). Если так, то к чему же было городить огород со «стадиями»? Такой вопрос, однако, у Кричевского и не напрашивается; достаточно сказать, что приведенные выше 5 «ступеней» взяты нами из той же самой его статьи...

Если бы мы захотели определить одним выражением тактику «Раб. Дела», то мы взяли бы для этого пример Плеханова о дальнозорких и близоруких и из него одну фразу. «Рабочее Дело» смертельно боялось заговорить слишком рано. Его тактический принцип заключался в подхватывании лозунгов, которые уже выдвинуты самими массами. Трудно было придумать для этой тактики название лучше, чем придумали сами авторы: «тактика—процесс».

«Искра» и «Заря»,—писал Кричевский,—видимо, тяготеют к взгляду на тактику, как на заранее установленный план деятельности. Мы же видим в тактике «процесс роста партийных задач, растущих вместе с партией». «Тактика-процесс есть вечное искание новых путей в свете принципов,—искание, сопряженное, как всякое человеческое искание, с заблуждениями («друг, Аркадий Николаевич, пожалуйста, не говори красиво»,—прерывал здесь автора Плеханов), но единственно гарантирующее поступательный рост движения». «Революционная социал-демократия имеет задачей своей сознательной работы только ускорять объективное развитие, а не отменять его или заменять его субъективными планами. «Искра» в теории все это знает. Но огромное значение, справедливо придаваемое марксизмом сознательной революционной работе, увлекает ее на практике, благодаря ее доктринерскому взгляду на тактику, к преуменьшению объективного или стихийного элемента развития» [2]).

«Если бы,—писал Ленин по поводу последних, подчеркнутых слов,—полемика «Искры» и «Зари» не дала даже никаких ровно результатов, кроме того, что побудила «Р. Д.» додуматься до этого «общего разногласия», то и один этот результат дал бы нам большое удовлетворение: до такой степени многозначителен этот тезис, до такой степени ярко освещает он всю суть современных теоретических и политических разногласий между русскими социал-демократами... Нельзя не признаться, что люди, твердо решившие всегда итти за движением в качестве его хвоста, навсегда и абсолютно гарантированы от «преуменьшения значения стихийного элемента развития» («Что делать»).

[1]) Там же стр. 17—18.
[2]) „Р. Д." № 10. Кричевский. Принципы, тактика и борьба.

Разумеется, «Искра» не «заменяла» объективного развития «субъективными планами», но ускоряла его, организуя авангард, идя впереди движения, прокладывая грудью путь, который был объективно неизбежен. Для этого и выдвигались «планы», основанные не на субъективизме, а на объективно правильном понимании дальнейшего пути революции.

Плеханов подверг жестокому осмеянию «тактику-процесс» и «тактика, которому, очевидно, не суждено расти вместе с партией» [1]). «О каких «задачах» говорит Кричевский,—спрашивал он.—Очевидно, о тактических. Значит, тактика состоит в том, что растут тактические задачи. Нехитрому уму не выдумать и во век».

Указывая, что термин «тактика» взят политиками из военного словаря, Плеханов напоминал, что Наполеон составлял планы не только отдельных битв, но и целых кампаний. «Из всех героев, всей истории,—говорил Плеханов,—мы знаем только одного, отчасти подходящего к идеалам Б. Кричевского. Это—николаевский генерал Реад, о котором говорит Липранди в известной песенке, приписываемой Л. Толстому:

Туда умного не надо,
Вы пошлите-ка Реада,
А я посмотрю.

Реад, как видно, пренебрегал «тактикой-планом»:

А Реад возьми да спросту,
Поведи нас прямо к мосту,
Ну-ка на ура!
Вот ура мы зашумели,
Да резервы не поспели... и т. д.

Словом, не захотела улыбнуться победа простодушному сыну Марса».

[1]) „Искра", № 10. О тактике вообще, генерала Реада в частности и Кричевского в особенности.

Другую родственную душу критик указывает Кричевскому в Кузьме Пруткове:

Все стою на камне.
Дай-ка брошусь в море:
Что пошлет судьба мне,
Радость или горе?
Может, озадачит,
Может, не обидит...
Ведь, кузнечик скачет,
А куда — не видит.

Ленин дал критику сжатую и дышащую глубоким возмущением против оппортунизма. «Тактика-план противоречит основному духу марксизма?!.. Да это клевета на марксизм, превращение его в ту самую карикатуру, которую противопоставляли нам в войне с нами народники. Это именно принижение инициативы и энергии сознательных деятелей, тогда, как марксизм дает, напротив, гигантский толчек инициативе и энергии социал-демократа, открывая ему самые широкие перспективы, отдавая (если так можно выразиться) в его распоряжение могучие силы миллионов и миллионов «стихийно» поднимающегося на борьбу рабочего класса. Вся история международной социал-демократии кишит планами, которые выдвигались то одним, то другим политическим вождем, оправдывая дальновидность и верность политических, организационных взглядов одного, обнаруживая близорукость и политические ошибки другого» и т. д. [1]).

В политической позиции «Р. Д», естественно, центральное место занимает понимание им политической борьбы и ее связи с экономической. Кричевский писал: «Какой же социал-демократ не знает, что по учению Маркса и Энгельса экономические интересы играют решающую роль в истории и, следовательно (?), в частности борьба пролетариата за свои экономические интересы должна иметь первостепенное значение для его классового развития и освободительной борьбы».

Ленин отвечал на это так:

«Это «следовательно» совершенно неуместно. Из того, что экономические интересы играют решающую роль, отнюдь не следует никакого вывода о первостепенном значении экономической (про-

1) Сб. „За 12 лет". „Что делать". Стр. 226.

фессиональной) борьбы, ибо самые существенные решающие интересы классов могут быть удовлетворены только коренными политическими преобразованиями вообще, в частности, основной экономический интерес пролетариата может быть удовлетворен только посредством политической революции, заменяющей диктатуру буржуазии диктатурой пролетариата» [1]).

Таким образом, Кричевский вульгаризовал учение Маркса и Энгельса, перенеся механически на формы борьбы то, что говорилось об экономических и политических интересах. Получался вывод, что политическая борьба—только надстройка над экономической,—одна из ее форм. И действительно, здесь Кричевский только дал выпуклое «обще-теоретическое» обоснование политической программе «Раб. Дела», принятой I съездом «Союза русских соц.-дем.» в 98 году. В этой программе говорилось: «Политическая борьба в России есть лишь наиболее развитая форма экономической борьбы» [2]). Мартынов выразил эту мысль еще определеннее, назвав рабочее движение «экономической борьбой рабочих с хозяевами и с правительством» [3]).

В этих словах и заключалась программа «чисто рабочей», трэд-юнионистской политики. Ее мелкобуржуазная узость состоит в том, что она устраняет из сферы действия социал-демократии все другие оппозиционные самодержавию классы общества, кроме пролетариата. В экономической борьбе пролетариат один, в политической он главенствует над всеми революционными элементами, — так понимали вопрос революционные социал-демократы. Пролетариат один и в экономической, и в политической борьбе,—так понимало «Рабочее Дело». Между тем, вопрос о возглавлении пролетариатом всей революции пролетариата встал остро в 900 годах.

Кардинальным вопросом был вопрос о крестьянстве. Рассчитывает ли социал-демократия на поддержку крестьянского движения и стремится ли стать во главе его?—Когда «Искра» выдвинула в этих целях проект аграрной программы, то Мартынов обвинял этот проект в «романтизме» и писал: «блажен, кто верует»... «приобщение крестьянской массы к нашему движению при настоящих условиях является весьма проблематичным». На

1) Сб. „За 12 лет". „Что делать". Стр. 226.
2) Оттиск программы из № 1 „Р. Д.", стр. 7.
3) „Р. Д." № 10, стр. 44.

II съезде партии, в 1903 году, экономист Махов последовательно провел эту тенденцию, назвав крестьянскую революцию «бунтом и реакцией».

О студенческих беспорядках Мартынов в только-что цитированной статье писал: «Не наша, например, задача указывать студентам, каких им добиваться улучшений в университетских порядках: они это и без нас лучше сделают. Мы только можем рассеивать их надежды на разные правительственные комиссии». Там же о либералах и студентах: «Известие об изолированных волнениях на Обуховском заводе вызвало в либеральных сферах тревожные опасения и встречено было враждебно. Впрочем, даже в самый острый момент февральских и мартовских дней многие из студентов, охотно участвовавшие в студенческих манифестациях, выражали неудовольствие, когда к манифестациям присоединялись рабочие и этим придавали им слишком яркую революционную окраску. В виду этого ясно, что мы, с.-д., не можем одновременно руководить активной деятельностью разных оппозиционных слоев, не можем для них диктовать положительную программу действий, не можем указывать, какими способами им следует изо дня в день бороться за свои интересы. По отношению к ним мы можем выступить лишь в отрицательной роли обличителя порядков».

Обличать самодержавие, но в то же время не «отпугивать» либералов своими требованиями, одним словом, приспособиться к либералам, отдать им в руки вожжи движения — такова позиция Мартынова.

Обвинения, которые «Рабочее Дело» бросало «Искре» за попытку повлиять на либералов, отколоть от них наиболее левые элементы, разоблачая трусливую половинчатость либерализма в целом, ярко формулированы в письме «защитников экономизма» в редакцию «Искры»: «Решив посредством теоретических выкладок задачу о немедленном переходе к борьбе против абсолютизма и чувствуя, вероятно, всю трудность этой задачи для рабочих при настоящем положении дел, но не имея терпения ждать дальнейшего накопления сил для этой борьбы, «Искра» начинает искать союзников в рядах либералов и интеллигенции и в своих поисках нередко сходит с классовой точки зрения, затушевывая классовые противоречия и выдвигая на первый план общность недовольства правительством, хотя причины и степень этого недовольства у «союзников» различны! «Авторы приводят в пример стремление «Искры» «раздуть в пламя политической борьбы» земскую оппозицию и студенческое движение. Между тем, говорят они,— «в других статьях «Искра» резко осуждает всякие компромиссы» [1]).

Конечно, никаких примеров того, что «Искра» затушевывает классовые противоречия, авторы привести не могли. Со стороны «Искры» здесь никакого «компромисса», т.-е. отказа хотя бы от части своих требований, не было. Наоборот, шли на компромисс с либералами те, кто наперед отказывался от своего воздействия на них. Таким образом, авторы письма обнаруживают болезненную чуткость искать «компромисс» там, где соглашение явно выгодно пролетариату, и не видят компромисса там, где оно пролетариату невыгодно. Все эти нападки на «Искру» «Рабочее Дело» не раз формулировало в обвинительном тезисе, который гласил, что «Искра» превратилась в «орган революционной оппозиции», в то время, как «Р. Д.» осталось на социал-демократической платформе. Фальшь этого обвинения очевидна: орган «оппозиции» выставлял требования, не приемлемые для либералов, а орган «социал-демократии» добровольно очищал перед ними поле действий во всем, что не имело непосредственного отношения к узко-экономической борьбе пролетариата. Но мы увидим, что и в «экономической борьбе с правительством» рабочедельцы шли немногим дальше либералов.

Программа «Р. Д.» считала, что «лишь в борьбе за интересы и права всех трудящихся против всех форм экономического, политического, национального и религиозного гнета российская социал-демократия выполнит свою историческую задачу: низвержение самодержавия и полное экономическое и политическое освобождение пролетариата» [2]). Таким образом, путь к полному освобождению пролетариата лежит через «низвержение самодержавия». «Рабочее Дело» настолько «дальнозорко», что оно видит эту цель, как «историческую задачу». Но «ближайшие политические требования» программы таковы: «свобода стачек, собраний, слова, печати и неприкосновенности личности. Эти политические права служат необходимым условием дальнейшего всестороннего развития рабочего движения». Низ-

[1]) „Искра" № 12. „Беседа с защитниками экономизма". См. в сочинениях Ленина, т. IV, стр. 72.

[2]) „Программа период. органа Р. Дело". Оттиск из № 1, стр. 3.

вержение самодержавия входит, таким образом, не в ближайшие требования, а в «дальнейшее» развитие, иными словами, это — не лозунг для массы.

С дуновением весны политического движения «Раб. Дело» пошатнулось влево, но именно только пошатнулось. III съезд «Союза» в 1901 году пересматривал программу, принятую на I съезде, и поставил низвержение самодержавия «из области с.-д. пропаганды в область непосредственной революционной борьбы» [1]). Это было фальшиво вдвойне.

Во-первых, низвержение самодержавия ранее не находились «в области пропаганды», в полном смысле этих слов, т.-е. не только пропаганды среди социал-демократов со страниц «Рабочего Дела», а в смысле распространения этого лозунга в массах. Ни «Р. Д.», ни русские комитеты, находившиеся под его влиянием, не вели работы под этим требованием.

Во-вторых, и после III съезда лозунгом «долой самодержавие» программа не обогатилась. Признавая теперь, как средство борьбы, не только стачки, но и демонстрации, протесты, программа оставляет для них те же самые старые «ближайшие требования» т.-е. свободу стачек, слова и т. п. Весь «переход» состоит, таким образом, в признании демонстраций и протестов, т.-е. новой формы борьбы. Почему демонстрации и протесты есть «непосредственная революционная борьба» за низвержение самодержавия, если они проходят под требованием свободы стачек и пр., — это пытается выяснить Мартынов в программной брошюре «Социал-демократия и рабочий класс», изданной в 1901 г.:

«Мы совершенно согласны с тем, что самодержавие с частичными политическими требованиями пролетариата несовместимо... Мы говорим... о свободе слова, собраний, союзов и т. д. Эти свободы, совершенно не совместимые с самодержавием, очевидно, должны стать наиболее общим, постоянным и жгучим мотивом для борьбы между пробуждающимся пролетариатом и отживающим самодержавным режимом» [2]).

Если таково убеждение, то почему же рабочей массе не говорится прямо, что самодержавие с частичными политическими уступ-

1) Наша новая программа. „Р. Д.“ № 11—12, февраль 1902 г., стр. 7.

2) А. Мартынов. „С. д-тов и рабочий класс. Два течения в русской с.-д.“ Приложение к № 11 „Раб. Дела“, 1901 г., стр. 22 и 24.

ками несовместимо? Почему бояться «заговорить слишком рано» о том, что сами знают? И почему в этом путь, который «прямее ведет к решению этой ближайшей задачи, которую мы все себе ставим»? Почему не тот путь прямее, который идет прямо к цели? [1]).

Но, кажется, убеждения автора на этот предмет просто недостаточно тверды, потому что всего через две страницы он, ничтоже сумняшеся, пишет: «Если бы в пределах настоящего социального и политического строя невозможно было бы систематической борьбой одерживать ни малейших материальных, экономических и нравственных (?) политических побед, то внутри этого режима не могла бы созреть организованная общественная сила для его свержения: тогда бы у нас царили уныние и пессимизм, и мы, сложивши руки на пустой груди, должны были бы ждать, покуда естественный процесс, покуда фатальное (?) банкротство режима не избавило бы нас от кошмара, или же мы должны были, в надежде на это банкротство, вступить на заговорщический путь» [2]).

Как в зеркале, здесь психология типичнейшего реформизма выступает с необычайной ясностью. Автор даже не допускает иной политической борьбы масс, кроме реформистской. По его представлению, если самодержавие не уступает, не дает политических прав, то в удел массе остается «уныние и пессимизм», а социал-демократу — сложить руки на груди. Он не в силах понять того простого факта, что именно сопротивление самодержавия рождает силу, способную его сокрушить, только оно и способно превратить борьбу за реформы в борьбу революционную, направленную к низвержению всего режима в целом. Как реформист, он останавливается как-раз на пробном камне революционной теории — на революционном насилии [3]). Над ним тяготеет проклятие «Credo» с его филистерским «основным законом», — «линией наименьшего сопротивления» в рабочем движении.

Мартынов не понимает, что уступки, которые дает самодержавие,

1) Автор считает, что цель у с.-д. общая и „ближайшая“ — свержение самодержавия, но „расходятся“ они лишь по вопросу о пути, который „прямее“, и о средствах, которые лучше.

2) Там же, стр. 26.

3) П. Струве сказал бы здесь, что этого „скачка не терпит интеллект“ А. Мартынова. Сравнить рассуждения Мартынова с тем местом в „Credo“ где говорится, что „невозможный политический гнет заставит много говорить о нем, но никогда не заставит практически действовать“, и т. д.

это именно его способ защиты от той победы рабочего класса, которая ему угрожает. Вместо этого, по смыслу слов Мартынова, самодержавию стоит только не уступать, и его дело выиграно, так как масса впадает в «уныние и пессимизм». Мартынов наивно полагает, что он лучше знает способы защиты самодержавия, чем оно само. Обезвредив «организованные общественные силы» своей непримиримостью (хороши «силы»!), самодержавие могло бы спокойно ждать, пока его не сбросит «естественный процесс», «фатальное банкротство». От этих слов, которых автор явно не понимает, веет какой-то суеверной боязнью. Отсюда четверть шага до воплей мадам Кусковой о «морях крови», о величайшем бедствии, о «просто-напросто—революция». Всякое руководство этой «фатальностью» автор считает невозможным делом и безнадежно обращается в таком случае к «заговорщичеству»...

Как видим, рабочеделец, предоставляя руководство демократической оппозицией либералам, в своей программе «чисто рабочей политики» сам не в силах вырваться из круга либеральных понятий и либеральной тактики, лучшим признаком которой является боязнь рабочей революции.

Таковы перспективы низвержения самодержавия в России, этой, по выражению программы «Рабочего Дела», «ближайшей политической задачи». Если мы не находим таких же перспектив относительно революции социалистической, то, очевидно, только потому, что «тактика-процесс» еще не поставила ее в число «ближайших задач».

От теории Бернштейна «Рабочее Дело» открещивалось, но был случай, когда Кричевский, по выражению «Зари», не только у себя на родине боролся с «ортодоксией», но и экспортировал избытки своего творчества за границу и там получил возможность выявить свое отношение к практике западно-европейского оппортунизма[1]).

Состоя парижским корреспондентом «Форвертса», он выступил в защиту вступления во французское министерство «его превосходительства барона фон-Мильерана»[2]). Социалистический депутат принес в этом случае великую жертву на службе республики (спасая ее

[1]) Jgnotus, предисл. к ст. Парвуса. „Заря", № 4, стр. 104.

[2]) Так назвала Мильерана „Искра" в № 10, ссылаясь на то, что Мильеран был возведен в баронское достоинство австрийским императором.

«из тяжелаго положения», В. А.), а следовательно (?) и социалистической партии»,—писал Кричевский. Как известно, Мильеран вступил в одно правительство с генералом Галиффэ. По этому поводу Кричевский патетически протестовал против «полемического преувеличения», с которым Галиффэ выставляют «палачом коммуны», тогда как он был «простой генерал, убивавший по приказу начальства». В оправдание союза Мильерана с Галиффе Кричевский ссылался на то место в «Коммунистическом Манифесте», которое говорит об обязанности коммунистов поддерживать демократов. По мнению «Зари», за эту ссылку на него Маркс «выбросил бы его за дверь». Кричевский заявил, что еще ни одно правительство не относилось так «благожелательно-нейтрально» к стачечникам. Это было 9 июня, а 12 июня тому же корреспонденту пришлось сообщать о расстреле рабочих в Шалоне[1]).

С защитой мильеранизма Кричевский выступал и в «Раб. Деле», считая вступление Мильерана в министерство «крупным и многознаменательным успехом для социалистических партий»[2]). А в 1900 г. на международном конгрессе в Париже большинство русской делегации, руководимое «Раб. Делом» и Бундом, голосовало в вопросе о политике социалистического министериализма за примирительную резолюцию Каутского, в то время, как меньшинство, во главе с Плехановым, присоединилось к непримиримой резолюции Гэда. Такими показали себя «наши за границей». Что Мильеран, по замечанию Ленина, лишь показал то, что сказал Бернштейн, в этом сознаться у «Р. Дела» нехватило последовательности, как, впрочем, и у тогдашнего примирителя Каутского.

Что «Рабочему Делу», легко понявшему тактику коалиции с буржуазией в правительстве, было весьма трудно понять тактику революционного массового действия, это великолепно доказывается «историческим поворотом» журнала в марте — апреле 1901 года, когда, после выстрелов Карповича и Лаговского, редакции заявила, что «перед нашей партией выдвинут совершенно новый вопрос» о терроре, и пригласила «наши организации» сообща обсудить этот вопрос. К этому прибавлялась еще декламация о «штурме» самодержавия.

[1]) Парвус. „К характеристике психологии оппортунизма". „Заря", № 4, стр. 108—115.

[2]) „Р. Д." „Тревожное время во Франции". № 2—3, стр. 81.

Это выступление явилось крайне неожиданным от такого «трезвенного» органа. К этому «перелому» как нельзя более подходит характеристика оппортунизма Парвусом: «Кто революционер лишь потому, что завтра ждет революции, тот станет послезавтра реформистом, если ход событий отсрочит революцию до конца недели». На этот раз реформист сразу превратился в «архи-революционера». И в этом, по замечанию Ленина, отразилось преклонение перед стихийностью, на этот раз уже не «чисто рабочего» движения, а «перед стихийностью самого горячего возмущения интеллигентов, не умеющих или не имеющих возможности связать революционную работу в одно целое с рабочим движением. Кто изверился или никогда не верил в эту возможность, тому, действительно, трудно найти иной выход своему возмущенному чувству и своей революционной энергии, кроме террора. Таким образом, выходило не что иное, как начало осуществления программы «Credo»: рабочие ведут себе свою «экономическую борьбу с хозяевами и правительством», а интеллигенты ведут себе своими силами политическую борьбу»[1]). Что в своем колебании «Рабочее Дело» отразило колебания именно интеллигентской части партии, и что этот путь вел из рядов социал-демократии, доказывает наблюдавшийся в это время отход от социал-демократов ряда интеллигентов-террористов, в числе которых были: Карпович, Балмашов, Б. Савинков, Каляев, Сазонов и др.[2]).

Призывая к террору, «Рабочее Дело» обращалось и к рабочей массе. «Все стадии полетели за борт. Всем рабочим, в какой бы они стадии ни находились, рекомендовалось требовать земского собора, и выставляя эти требования, совершать «манифестации во что бы то ни стало». На каждое насилие правительства отвечать насилием, арестованных освобождать. «Кровь требует крови!» (см. Листок «Р. Д.», 1901 г.). Такова была «истерическая нервность, подкрепляемая полной несостоятельностью в понимании задач партии», которая поставила революционных социал-демократов искровцев в непривычную для них позу призывающих к «хладнокровию» и умеряющих террористический пыл «Р. Дела», доказывая, что пора «штурма» еще не пришла, надо пока еще собирать армию для «осады»... Впрочем, рабочедельцы быстро снова потрезвели.

[1]) Ленин. „За 12 лет“. Стр. 244.
[2]) Мартов. „История РСДРП“. Стр. 76.

Описываемая растерянность «Рабочего Дела» объясняется его полным непониманием политической обстановки и перспектив рабочего движения. Выше мы видели, что Ленин в 97 году связывал эти перспективы с неизбежным возникновением кризиса. Хотя «Рабочее Дело» и солидаризировалось в свое время с автором брошюры, но III Съезд «Союза» уже в момент разразившегося кризиса представлял себе вопрос весьма упрощенно. Из принятых им дополнений к программе явствовало, что «развитие рабочего движения под знаменем социал-демократии делало для рабочих все более ощутительною потребность в политических правах. А так как эти права стоят по существу в противоречии с самодержавным строем, то в сознании рабочей массы низвержение самодержавия становилось непосредственной конкретной задачей борьбы. Таким образом, низвержение самодержавия, которое всегда было программною задачей русской социал-демократии, выдвинутой всем ходом русской истории и завещенной прежним революционным движением, теперь перешло из области социал-демократической пропаганды в область непосредственной революционной борьбы».

Политическое движение начала XX века выводится, таким образом, из столкновений рабочих с рогатками самодержавия, а не из экономического кризиса. Конечно, это более соответствовало «эволюционной» теории «стадий», но совсем не соответствовало действительности. Ожидая постепенного развития форм борьбы, «экономисты» проглядели совершившийся в них скачек, и потому им трудно было связать концы с концами.

Переходим к организационным взглядам «Р. Дела». «И в этом случае, как и всегда, — говорит Ленин, — оно является органом, сознательность которого пасует перед стихийностью». Его позиция целиком освящала «кустарничество» в местной работе русских социал-демократов. Приводя на своих страницах, как образцовый, «Устав Петерб. Союза Борьбы», выработанный летом 1900 года петербургскими «экономистами», «Рабочее Дело» солидаризировалось с ним в основе. Этот устав сводился к следующему. Рабочие кружки на каждой фабрике объединяются «центральной группой», по выборам (представительство), группа ведает кассой, куда рабочие-члены вносят по 2 к. с рубля. Половина средств идет на стачки, оказывается помощь нуждающимся. Выборные от группы составляют районные организации. Все дела, кроме тайных и экстренных, решаются

большинством голосов всего района. Районы выбирают в «Комитет СПБ Рабочей организации», служащий связью и ведущий сношения. Последний довольно сложно сплетается с СПБ «Союзом Борьбы», т.-е. с комитетом партии [1]).

«Социал-демократия — исполнительные группы по отношению к экономической борьбе рабочих», — восклицает Ленин, указывая на трэд-юнионистский характер этого устава. Редакция «Рабочего Дела», правда, оговаривала, что, пожалуй, на практике «строго проведенное выборное начало придется изменить в интересах конспиративности». Но одобрение выборного начала «Р. Делом» не подлежит сомнению, что устанавливается из его программы: «В интересах успешного развития и объединения с.-д. следует подчеркивать, развивать, бороться за широкий демократический принцип ее партийной организации» [2]). Это было фиксировано III Съездом в 1901 году.

«Демократизм в потемках» был, разумеется, вещью немыслимой, тем более, что он требовал не только выборности, но и гласности, отчетности и пр. Этот «принцип» мог только расстроить и без того расстроенную работу. Пример Бунда, организованного на «демократических началах», на которой обычно ссылалось «Р. Д.», как на возможность иметь в России такую же организацию, к русским условиям явно не подходил. Мы помним, что движение ремесленников вообще отличалось большей организованностью. В мелких мастерских полиции было труднее выловить организацию. Среди еврейского населения русская полиция находила меньше содействия, *язык был для нее чужой и т. д.*

Редакция, между прочим, дала сочувственный отзыв о воззвании «Союза Рабочих Русского Манчестера» (Иваново-Вознесенска) [3]), *в котором проводилась идея организации «чисто-рабочего» съезда*, куда «желательно, чтобы интеллигенты не были представителями» (слова воззвания). Съезд должен был носить, по мнению «Раб. Дела», *практический характер и выработать программу* деятельности, которую не следует смешивать с партийной программой. Призыв к съезду, по мнению редакции, найдет «горячий отклик».

---

[1]) „Устав союзной рабочей организации". См. о нем у Лядова (ч. II, стр. 196), у Ленина („За 12 лет", стр. 371).

[2]) „Раб. Дело", № 11—12. „Наша новая прогр.", стр. 4.

[3]) „Р. Д." № 6, стр. 73.

Свое несогласие с каким-либо положением редакция не оговаривает, но слова об интеллигентах просто не печатает, выпускает, явно уклоняясь от борьбы с противо-интеллигентскими предрассудками авторов.

В вопросе о существовании и характере местных газет, являвшихся одним из показателей «кустарничества», «Раб. Дело» идет также по линии приспособления к тому, что есть: «Комитетам, не имеющим своего органа, предстоит задача создать таковой орган», пишет Ивaньшин [1]).

Тем более резкие упреки «Р. Дела» вызывали идеи «Искры» об организации профессиональных революционеров. Рабочедельцы видели в них воскрешение «народовольчества», не понимая того, что *отличительным признаком* «Народной Воли» являлось не строго законспирированная организация, а оторванность от массы и другие методы борьбы.

В *противовес бесформенному «срастанию» рабочих и партийных* организаций Ленин выдвигал (в «Искре» и «Что делать») четкое разграничение функций и звал, одновременно с созданием партии, *как организации революционеров-профессионалов, к созданию профессиональных* союзов.

Много желчи вылили рабочедельцы на «план», выдвинутый Лениным,—собрать партию вокруг издаваемой партийным центром газеты. Это им казалось настоящей «заменой» объективного развития «субъективным планом». Они предпочитали в центре сидеть сложа руки и дожидаться объединения «снизу», от местных организаций.

Характерно, что в «Рабочем Деле» Б-ов (цитированный нами выше) признавал основные дефекты в практике местных организаций, когда писал об общем недостатке годных к действию революционных сил, о том, что «рост рабочего движения опережает рост и развитие революционных организаций» [2]). Из этого он, как практик, при всем своем «экономическом» credo (это он оправдывал «Р. М.» тем, что она «отражает» взгляды рабочих), делал по существу правильный организационный вывод: «первой задачей наших социал-демократов... должно быть реальное объединение организаций при

---

[1]) „Р. Д." № 8. В. Ив-н. „Организационные задачи русского рабочего движения".

[2]) „Р. Д." № 6. Б-ов. „Петербургское рабочее движение и практические задачи с.-д." стр. 37.

строгом выборе членов». Но редакция не задумалась должным образом над этим выводом практика.

Расплывчатость организационных позиций «Раб. Дела» вытекала из полного непонимания им существа с.-д. партии, как организованного авангарда борющегося пролетариата. Акимов-Махновец определял «взгляд» «Союза рус. с. д.» на партию, как «общественное движение». «Под социал-демократической партией «Союз» понимал не класс,—говорит он,—но сознательное движение под знаменем с.-демократии, которое совершается в рабочем классе». Мартынов же писал в 1901 году («С.-д. и рабочий класс»): «Мы признаем партией пролетариат, борющийся под знаменем социал-демократии и руководимый демократически-организованным революционным авангардом».

Переводя слова Мартынова на современный лад, пришлось бы признать «партией» все профсоюзы, кооперативы, советы и т. п. Словом, партия растворилась бы в рабочем движении.

Заключение.

14. От „экономизма“ к меньшевизму.

Когда «Искра» провела параллель между «экономизмом» и «зубатовщиной»[1]), то на нее градом посыпались обвинения в «непристойной» полемике. Писало «Рабочее Дело», писали в своем письме «защитники экономизма». С большой трогательностью писал в «Рабочем Деле» «Петербугский рабочий»: «Не для того они (мои товарищи) старались, работали, губили силы и молодость, чтобы послужило все это на пользу Зубатову, не для того принесли в жертву все, что могли принести. Нет,—они стремились, желали всей душой послужить и помочь тому великому делу, которому автор (в «Искре») сам служит, и желали, быть может, больше, чем автор».

Желали, в этом можно не сомневаться. Но, ведь, «желали» и те рабочие, которые, вернувшись из тюрьмы сторонниками зубатовских взглядов, проводили их в Минске и др. городах. Кто же удобрил почву для зубатовских взглядов, кто посеял то, что пытался пожать Зубатов?

Чтобы ответить на этот вопрос, достаточно привести, безо всяких комментариев, например, выдержки из воззвания и программы «Еврейской Независимой Рабочей Партии», организованной в Минске Марией Вильбушевич:

«Мы полагаем: а) что никакая теория не настолько могущественна и неопровержимо верна, чтобы давать право своим приверженцам вести бессознательную массу за собой к цели, которой масса не понимает.

[1]) „Политический разврат и „экономическое“ тупоумие“. „Искра“ № 9. Кроме этого, мимоходом в № 1, в статье „Новые друзья русского пролетариата“. К слову, Зубатов рекомендовал к чтению книги Бернштейна и Прокоповича.

б) что еврейский рабочий класс в настоящий момент требует хлеба и знаний, и что эти требования должны быть удовлетворены,

в) что преступно приносить в жертву материальные интересы рабочего класса таким политическим целям, которые в настоящее время ему еще чужды,

г) что рабочий, как всякий человек, имеет право быть сторонником какой ему угодно политической партии...»

«...2) Партия (Евр. Нез. Раб.) в целом не выставляет политических целей и касается политических вопросов в той мере, поскольку они затрагивают повседневные интересы рабочих.

...4) Организация партии демократическая, т.-е. управляется снизу, а не сверху».

Но и зубатовщина, впервые открывшая клапан к легальной организованности широкой рабочей массы, не сумела сдержать нароставшего политического недовольства. Организации, даже созданные правительством, обращались против него же.

В социал-демократии годы 1900—1903 выбивали всякую почву из-под «экономизма». Слишком очевидным было, даже для хвостистов, политическое возбуждение массы, которое ярко рисуется, например, известным по «Искре» письмом работницы, потерявшей близкого человека при столкновении на Сампсониевском мосту в Петербурге, в мае 1901 г.:

«Видели, как он был впереди, это он крикнул: «да здравствует революция», и как потом упал... Вы не знаете, как мне было обидно, и это одинаково всем нам, всем очень хотелось пройти на Невский или в город, уж очень горько было умирать, как собакам, в углу, чтоб никто не видел даже это. Вот что еще я хотела сказать вам; хоть и очень многих у нас взяли, может, их нет больше совсем, а все-таки мы твердо стоять будем. Вы не смотрите, что за работу взялись, теперь такое время, что на бросании работы никто стоять не будет. Теперь всем нужно больше, всем на улицу хочется. Б. говорил, что жаль, что знамени у них не было. Другой раз и знамя будет, и пистолетов достанут: на камнях, да на ножах далеко не уедешь, как начнут штыками колоть» [1]).

«Рабочий народ теперь легко может загореться, уже все тлеет

[1]) „Искра“, № 1. „Первое мая в России“.

внизу, нужна только искра, и будет пожар,—писал другой рабочий после Обуховской обороны.—Теперь уж нам не кассы нужны, не кружки и даже не книжки, теперь просто учи, как в бой итти, как в бою воевать».

Появившись в 1900 году, «Искра» заявила сразу: «прежде чем объединяться, надо размежеваться». Это было лозунгом для идейной и организационной борьбы с «экономизмом». На долю «Искры» досталось шествие, схожее с победным шествием «легального марксизма» 5—6-ю годами раньше. Ей приходилось добивать «экономизм» в то время, когда жизнь уже подписывала ему смертный приговор.

Организации «Искры» уже с 1900 года начинают вытеснять «экономистов» из местной практики. В то время, как наблюдается отход от партии известной части интеллигенции, партия в целом прозревает от «экономизма» и присоединяется к «искровству», возглавляемому авторитетными вождями партии, «стариками» и Плехановым. Вот характерный обзор, который дает «Искра» перелому в содержании «Листков Петербургской Рабочей Организации» (5—8): «Содержание этих листков носит на себе следы критического момента, переживаемого петербургскими рабочими, как и рабочими большей части России. Безработица и общий застой в производстве должны были необходимо отозваться полной приостановкой того стачечного движения, которое до сих пор составляло главное основание деятельности наших местных организаций... Издаваемые Комитетом Рабочей Организации «Листки» в этом отношении носят характер, совершенно отличный от того, каким отличались прокламации «Союза Борьбы» за последние 2—3 года. Чувствуется стремление освободиться от узости исключительно стачечного движения, вкоренившейся в петербургских деятелей за последние годы. Чувствуется, что мысль рвется за эти тесные пределы в поисках более действительных средств борьбы. И в то же время замечается, что люди не выяснили самим себе достаточно твердо, какие средства борьбы применимы в настоящее время для русского пролетариата» [1]).

В 1901 году происходит колебание заграничного «Союза русских с.-д.» в сторону «Искры-Зари». В июне 1901 года состоя-

[1]) „Искра“ № 2 февр. 1901. Из партии.

лось объединительное совещание. Искровцы поставили условием объединения борьбу с оппортунизмом, бернштейнианством, мильеранизмом и «экономизмом», признание центральной политической задачей свержение самодержавия и установление демократической республики [1]). Представители Бунда и «Союза» согласились, но через несколько месяцев, на вторичном совещании в Цюрихе, внесли «поправки», находя, что соглашение растворяет «Союз» в «искровстве». Очередной № 10 «Р. Дела» вышел с резкими статьями Мартынова и Кричевского. Неудачная попытка объединения лишь обострила взаимные отношения [2]).

Меж тем, «Искра» собирала партию. Происходило не только идейное «размежевание» и выравнение социал-демократической линии организаций, но и большой их количественный рост. С 1901 по 1903 годы число местных организаций вырастает с 9 до 36, т.-е. вчетверо [3]). Вместе с тем, с.-д. ведут идейную борьбу и с «народническими» течениями, возродившимися вновь, как только пахнуло «весной», в виде «терроризма» и пр., и пытавшимися воспользоваться разбродом в среде с.-д. для завоевания гегемонии в революционном движении. О росте этого движения и о преобладании в нем с.-д. могут отчасти свидетельствовать цифры арестованных и сосланных. За трехлетие «экономизма» 1898—1900 гг. было арестовано 385 человек и выслано 454. Для трехлетия 1901—1904 те же цифры—1203 и 1783. При этом, больше половины арестованных—социал-демократы, а из них 60% рабочих [4]).

«Искра» подготовляет и летом 1903 г. созывает II съезд партии. «Экономизм», оказавшийся более живучим, чем можно было предполагать, и здесь все еще отстаивает свои позиции, допевает «лебединую песнь». Прежде всего, съезду приходится бороться с пережитками периода кустарничества. Отдельные группы и группки цепляются за свое самостоятельное существование («Южный Рабочий», «Борьба», «Союз Русских соц.-д.»). Съезду приходится их насильственно распустить. Вместе с тем распускается и группа «Искра», газета же становится Ц. О. партии.

При обсуждении предложенного «Искрой» проекта программы

1) Текст условий напечатан в т. IV соч. Ленина, изд. 1921 г., стр. 309—311.
2) Мартов. „Ист. РСДРП“, стр. 61.
3) Батурин. „Очерк Истории РСДРП“, стр. 87.
4) Батурин. „Очерк Ист. РСДРП“, стр. 87.

«экономисты» пытаются на все повлиять в духе оппортунизма. Одним Акимовым было внесено в проект программы целых 22 поправки (отвергнутые съездом), благодаря чему дебаты о нем затянулись на 20 заседаний. В этих поправках «экономисты» доходили даже до «оспаривания» диктатуры пролетариата. Когда Плеханов сказал, что мыслим случай, когда мы лишим избирательных прав буржуазию, то «экономист» Егоров отвечал свистом.

Аграрная программа даже в скромных требованиях «возвращения отрезков» вызвала нападки. «Экономист» Махов назвал крестьянскую революцию, на которую программа стремилась опереться при свержении царизма, «бунтом» и «реакцией». Ремесленники же, говорит он, «всегда реакционны». Вообще, по его мнению, «у нас единственный революционный класс—пролетариат, а остальные так себе, с боку припека и хотят только попользоваться. Я против того, чтобы их поддерживать»,—сказал он под взрыв общего смеха [1]). Мартынов и Либер поддержали его, усиленно отгораживаясь, под видом нежелания поддерживать «либералов», от правильной социал-демократической, а не трэд-юнионистской политической линии.

Съезд встретил смехом речь Махова, но в то же время в тактической резолюции о либералах, принятой им по предложению Старовера, открыл дверь новому виду российского оппортунизма—меньшевизму. Эта резолюция признавала допустимость соглашений и блоков с «либеральными и демократическими течениями». Но она ставила для этого «условия», в числе которых находились: 1) выставление либералами и демократами лозунга всеобщего, равного, тайного и прямого избирательного права, 2) невыставление требований, «идущих в разрез с интересами рабочего класса и демократии», 3) ясное заявление, что в борьбе с самодержавным правительством они «становятся решительно на сторону российской социал-демократии».

«Требовать» этого от либералов значило совершенно не понимать их бужуазной сущности. Этого они выполнить не могут. Стало быть, может быть два исхода: либо с.-демократия не заключает

1) „Протоколы II съезда“. Стр. 226. См. передачу этого инцидента и споров об аграрной программе у Ленина, „За 12 лет“, стр. 335 (ст. „Шаг вперед, два шага назад“).

соглашений с либералами совсем, т.-е. идет по линии, указанной рабочедельством, либо сближается с либералами, заблуждаясь в их сущности, толкуя требования в желательном для себя направлении и, таким образом, становится на сторону либералов, а не *переводит их на сторону с.-д.*

По последнему пути и пошел меньшевизм, оказавшийся не в состоянии, сказав «а» против «экономизма», сказать «б» против оппортунизма вообще. Понятно, что «экономисты», отрицавшие блоки, голосовали за эти «условия». И на все время существования *меньшевизма непонимание им отношения с.-д. к либеральным* партиям оказалось для него роковым.

Еще большее значение на самом съезде отрыжки «экономизма» имели при решении организационных вопросов. Голосами бывших «экономистов» непоследовательные искровцы провели знаменитый § 1 устава в Мартовской формулировке: «членом РСДРП считается всякий, признающий ее программу, поддерживающий партию материальными средствами и оказывающий регулярное личное содействие ей под руководством одной из ее «организаций», отвергнув Ленинскую редакцию: «... поддерживающий партию, как материальными средствами, так и личным участием в одной из ее организаций». Высказавшись за расплывчатость партийной организации, когда «каждый стачечник», студент или «профессор» может считаться членом партии, меньшевизм перенял по наследству от «экономизма» непонимание роли класса и партии. Из «оппортунизма в организационных вопросах» это выросло в тот «хвостизм», которым отличалась впоследствии вся тактика меньшевиков, шедших в хвосте рабочих масс так же, как и в хвосте у либералов.

Лишь неожиданный уход со II съезда в его конце бундовцев спас положение: иначе партийные центры сразу очутились бы в руках меньшевиков. Спас, но не надолго. Скоро «новая» «Искра» открыла старую стрельбу по «централизму» и «антидемократизму», по «осадному положению в партии», по «дирижерской палочке» Ленина и т. п., из старых пушек «экономизма»...

Здесь будет вполне уместно дать слово для свидетельских показаний В. Акимову-Махновцу, который, в качестве «последнего из могикан», на протяжении всей революции 905 г. умудрился остаться «экономистом», стоя на самом правом крыле меньшевизма. О мартовской редакции § 1 устава Акимов писал: «Признавая партией

ту среду, которая была вне рамок заговорщической организации, он (Мартов), не сознавая того, ломал эти рамки, изменяя своим организационным принципам. Впоследствии ему оставалось только делать шаг за шагом на этом пути. Этот путь был, таким образом, от *организационных принципов «Искры»* к организационным принципам «Союза» (т.-е. «Раб. Дела»), от заговорщической организации к демократической организации».

«Делегаты «Союза» уже на съезде поддерживали меньшинство и вотировали за формулировку Мартова. Теперь все без исключения члены бывшего «Союза» (т.-е. Заграничного С.Р.С.-Д). находят тактику «мягких» более правильной и видят в ней уступку своим взглядам». «Петербургская рабочая организация», прекращая свое существование, заявила о своей солидарности с меньшинством, Воронежский комитет [1]) дважды выражал свое удовольствие по поводу перемены в тактических взглядах «Искры».

Наконец, Акимов пишет, что Плеханов в № 70—71 «Искры» принимает его поправку по вопросу о диктатуре, и точно так же: «Самая главная моя поправка, которую защищал от имени всего союза на съезде также и т. Мартынов, целиком принята новою «Искрою». Я имею в виду вопрос о социалистическом сознании» [2]).

Преемственность между «экономизмом» и меньшевизмом была не только формальной и персональной, но и исторической преемственностью. Все основные элементы меньшевизма, как явления социального порядка, и как системы оппортунистической тактики, выработал в себе уже «экономизм».

Прежде всего, на протяжении всех своих «овидиевых превращений»,—*ликвидаторства, оборончества, соглашательства в эпоху коалиции и разлагающей советский строй деятельности,*—меньшевизм так же, как «экономизм», опирается на слои рабочих, близкие к мелкой буржуазии, питается мелкобуржуазными настроениями

[1]) Выражаясь по-нынешнему, весьма „склочный" комитет „экономистского" толка, выступавший против Организационного Комитета по созыву II съезда с обвинениями в „кумовстве" (!) и с заявлениями такого характера: „В знаменосцы *партия должна выбирать не только людей теоретически осведомленных,* не только т-щей с практическими способностями, преданных револ. с.-д., но и людей, стоящих на высоте этики, суммирующей культуру человечества" (?).

[2]) *„Очерк", стр. 136—138.*

в рабочей среде. Два основных типа рабочих, связанных с мелкобуржуазной средой—вчерашний крестьянин и лучше оплачиваемая верхушка пролетариата, в общем и целом, остаются и впредь базисом меньшевистского влияния. В той или иной степени, меняется лишь соотношение между ними. В то время, как «рабочая аристократия», в лице печатников или «госзнаковцев», а затем и примкнувших к рабочему движению служащих разного рода, составляет более или менее постоянный оплот меньшевизма и революционизируется даже при обострении классовой борьбы довольно туго, широкая масса вчерашних крестьян легко поддается резким колебаниям влево. Если первая группа отражает в себе неподвижность и консервативность городского мещанина (городской мелкий буржуа часто также выступает за меньшевиков), то вторая—неустойчивость разоряющейся деревенской бедноты, мелко-буржуазные иллюзии которой рассеиваются также скоро и неизбежно, как неизбежно ее превращение в чистый пролетариат. В революции 1905 года эта масса уже идет под лозунгами с.-д. большевиков. В годы реакции она пассивна, чем дает тон разочарованию в революции, хотя главную опору «ликвидаторства» здесь составляет не она, а лучше оплачиваемые слои пролетариата. Наконец, в революции 1917 г. она в огромных массах снова притекает к большевикам.

Далее, Мартовский § 1 устава впустил к меньшевикам те самые слои «сочувствующей» интеллигенции, которые послужили в эпоху «экономизма» проводниками идеологического влияния буржуазии на пролетариат. Присутствие подобной непролетарской, обеспеченной интеллигенции, не разрывающей с буржуазной средой, на протяжении всей истории меньшевистских организаций отличает их от организаций большевиков, где мы встречаем в большей степени профессионалов революционной работы.

В области тактики главное в духовном завещании «экономизма» меньшевизму—это отрицание гегемонии (главенства) пролетариата в буржуазно-демокраической революции. Излишне здесь доказывать, что это сделалось основой из основ меньшевистской тактики до октября. Уступая руководящую роль либералам и низводя с.-демократию до роли прислужника либерализма, меньшевики этим осуществляли пароль «Credo»: «политическая борьба либералам».

Пойдя на более прямое сотрудничество с либералами, чем «рабочедельство», меньшевизм в то же время прямо продолжил линию

«Р. Дела» в отношении крестьянства. Склоняясь к поддержке либералов, в противовес большевикам, он не считал крестьянство главным и единственным союзником пролетариата на пути к доведению демократической революции до конца.

«Демократизм» и «децентрализм» — эти принципы из рабочедельского арсенала остались основными организационными принципами меньшевизма опять-таки на всем протяжении его истории. В годы «ликвидаторства» меньшевизм докатился до отрицания за подпольной с.-д. партией права на существование в России,— снова по прописям «Credo». «Ликвидаторство» вообще дает нам разительные черты сходства с «экономизмом».

Наконец, принижение роли «сознательности» в движении, т.-е. роли с.-д. партии, и преувеличение «стихийности», склонность к «хвостизму»—проходит красной нитью через всю историю меньшевизма. Эта тенденция облегчает меньшевизму подмену пролетарских позиций мелкобуржуазными так же, как она облегчила это «экономизму». При более подробном знакомстве с меньшевизмом мы нашли бы в нем массу отдельных черт, порой даже мелочей, свидетельствующих нам, что меньшевизм подряд 15—20 лет продолжал щеголять в старых «прошлепанных» туфлях «экономизма».

Не затягивая своего изложения, мы остановимся еще лишь на попытке «историка» Акимова-Махновца дать «оправдание» существованию «экономизма», руководствуясь немудрящей пословицей: всякому овощу свое время.

Весь исторический метод, который применяется в «Очерке развития с.-д. в России», по словам самого же автора сводится к следующему: «по мере того, как стихийно возникшее движение среди рабочих приводило передовые слои русского пролетариата к сознанию своих все более и более широких интересов—изменялись все приемы борьбы и формы организации русских социал-демократов. Вот основная мысль этой книжки» [1]).

Отсюда автор пытается вывести самое незатейливое оправдание «экономизма», что-де на стадии преобладания экономической борьбы «экономизм» приносил «пользу», а политическая борьба стала приносить «пользу» тогда, когда началось политическое движение рабочих.

1) „Очерк". Стр. 117.

«Экономист» неспособен писать историю потому, что и здесь он не может ясно отделить роль «сознательности» от «стихийности», роль социал-демократии от массового движения. Рабочее движение 90 годов в целом должно быть подытожено совершенно отдельно от результатов деятельности социал-демократов. Это движение в основном сформировало рабочий класс, живущий на заработную плату, несколько повысило уровень его существования, гигантски двинуло вперед развитие классового сознания пролетариата. Но при чем здесь «экономисты»?

Первый «Союз Борьбы» руководил экономическими стачками лучше их. Скандал с майскими требованиям 98—99 годов показал нам, что даже в вопросах экономической борьбы они не шли впереди самой массы. Во всяком случае, не в том характерная черта «экономистов», что они руководили экономической борьбой, а в том, что они ею плохо руководили и совсем не руководили выявлением политического недовольства массы.

Вместо того, чтобы ускорять своей деятельностью развитие классового сознания рабочих, следовательно, ход рабочего движения к социализму, они его замедляли, закрепляя временный мелкобуржуазный уклон рабочих масс оковами «принципиальных» обоснований. В то же время они вели яростную борьбу против тех революционных социал-демократов, которые ставили своей задачей развить самые передовые, социалистические моменты в движении, и *повести его вперед, опираясь на авангард, построив для этого крепкую и* централизованную партию. «Экономисты» не только сами топтались на месте, но и других, идущих вперед, хватали за фалды. В итоге, социал-демократия вышла неподготовленной к политическому движению, и вместо руководства массовым движением в 900—903 гг. ей пришлось главное внимание уделятъ внутрипартийному строительству.

В «Очерке» Акимова есть такое поэтическое место: «Подобно тому, как на картине «Марсельеза» мощная и вдохновенная фигура аллегорической женщины является вождем народных масс, но отдельные лица из увлекаемой ею толпы опережают ее самое, предугадывая в своем стихийном порыве тот ближайший шаг, который она сделает на сознательно выбранном ею пути, — подобно этому отдельные рабочие, усвоив идеалы своих учителей, опережали их в

своем нетерпеливом стремлении осуществить на деле свои мечты» [1]).

Автор здесь близок к исторической правде, но только чисто с картинной стороны. В этой картине можно изменить разве детали. Так, если вместо «Марсельезы» изобразить хотя бы м-м Кускову, то ее следует поместить поближе к хвосту рвущейся вперед толпы. Хотя она и изображается здесь «вождем», но ей более приличествует не маршальский жезл, и, разумеется, не «дирижерская палочка», а возжи, которыми она осаживает «малосознательных и сентиментальных».

Гимн «Марсельезы», при этом, конечно, должен содержать следующие слова, написанные Нарциссом Тупорыловым:

Жаждет копейки наш серый рабочий —
Нам ли к свободе его призывать?
Наших сподвижников тусклые очи
Заревом крови не должно смущать.
В битве безумной погибнут бесследно
Те, кто увлекся сияньем идей,
Гибели их будет вторить победно
Хохот презрительный трезвых людей.
Не увлекаясь, приспособляясь,
Тише вперед, рабочий народ. [2]).

---

[1]) „Очерк“. Стр. 20.

[2]) „Гимн новейшего русского социалиста“. „Заря“, № 1. Стр. 152–153. Автор, по иронии судьбы, Л. Мартов. Псевдоним „Нарцисс Тупорылов“ придуман ему Г. В. Плехановым.

Приложение 1.

Полный текст передовой статьи из № 1 „Рабочей Мысли“. Перепечатано из № 9—10 „Листка Работника“ (стр. 49—50).

«Рабочее движение в России теперь может считаться приобщенным *к общеевропейскому рабочему движению. Теперь, конечно,* никто не станет сомневаться, что руке в синем обшлаге не удержать его постепенного, неуклонного развития. То погасая до едва тлеющей искры, то разрастаясь в море огня, оно все шире и глубже захватывает рабочие массы и, хотя медленно, но прочно, дисциплинирует их, научая борьбе с врагом. Такой живучестью рабочее движение обязано тому, что рабочий сам берется за свою судьбу, вырвав ее из рук руководителей. Это вполне понятно. До тех пор, пока движение было лишь средством для успокоения больной совести кающегося интеллигента, оно было чуждо самому рабочему. Масса была холодна и безучастна к делу; убежденные рабочие—бойцы за *свое собственное дело являлись в виде исключений и во всяком* случае не могли дать по количеству заметной окраски движению. Средства доставлял тощий студенческий кошелек. За что сражаться, с кем, по какому поводу? На это совсем не было ответа у рабочего не интеллигентного, а рядового из массы, который собственно и значит все для движения. Да и не могло быть на это ответа, потому что экономическая основа движения была затменена стремлением постоянно не забывать политического идеала; вопрос был поставлен так, что не давал сам по себе ответа, а разъяснить каждому нет возможности, потому что обычные занятия обнимают сравнительно очень небольшой круг людей. Одним словом, можно сказать, что средний рабочий стоял вне движения. Стачки 1896 г. можно считать первым и пока единственным проявлением самостоятельной рабочей мысли, воплотившейся в стройные формы, если не считать прежде бывших стачек, возникших более или менее стихийно, взрывом, а не как борьба по обдуманному плану. Раз вопрос, за что бороться, ясен, раз враг перед глазами, русский рабочий умеет бороться, он уже доказал это. Борьба за экономические интересы—самая упорная борьба, самая сильная по количеству душ, которым она понятна, и по геройству, с которым самый обыкновенный человек отстаивает свое право на существование. Таков закон природы. Политика всегда послушно следует за экономикой и, в общем итоге, политические оковы разбиваются попутно. Борьба за экономическое положение, борьба с капиталом на поле ежедневных насущных интересов и стачки, как средство этой борьбы—вот девиз рабочего движения. Эта борьба понятна всем, она закаляет силы и сплачивает рабочих. В ней *каждый шаг вперед есть улучшение в жизни, есть новое средство* к дальнейшим победам. Раз привлечена вся масса рабочих, этим обеспечены средства к борьбе. Движение перестает быть нищим, живущим подачками со стороны. Средства должны давать сами бойцы, и каждый трудовой грош, вложенный в дело, будет дороже тысяч, данных со стороны. Стремление рабочих заводить кассы знаменует переход к вполне сознательной эпохе движения. Эти кассы должны давать в будущем средства прежде всего не для занятий, не для книг, а для насущного хлеба во время разгара боя, во время стачек. Вокруг касс должны группироваться рабочие, и каждая из них дороже для движения, чем сотня *других организаций.* Конечно, и дело самообразования должно итти своим чередом, воспитывая интеллигентные единицы. Пусть рабочие ведут борьбу, зная, что борются они не для каких-то будущих поколений, а для себя и своих детей, пусть помнят, что каждая победа, каждая пядь, отбитая у врага, есть пройденная ступень лестницы, ведущей к их собственному благополучию; пусть имеющие силы призывают слабых к борьбе и строят их в ряды сами, не рассчитывая ни на чью помощь. Победа впереди, и только тогда верх будет одержан бойцами, когда девизом их будет: «рабочие для рабочих».

Приложение 2.

Полный текст „Credo“. Перепечатано из сборника „Vademecum“ для редакции „Рабочего Дела“ (стр. 1—6):

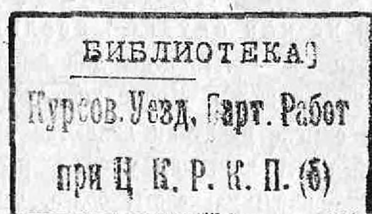
«Существование цехового и мануфактурного периода на Западе положило резкий след на всю последующую историю, в особенности, на историю социал-демократии. Необходимость для буржуазии завоевать свободные формы, стремление освободиться от сковывающих производство цеховых регламентаций сделали буржуазию революционным элементом; она повсюду на Западе начинанает с liberté, égalité, fraternité, с завоевания свободных политических форм. Но этим завоеванием она, по выражению Бисмарка, выдавала вексель на будущее своему антиподу—рабочему классу Почти повсюду на Западе рабочий класс не завоевал демократических учреждений: он ими пользовался. Нам могут возразить, что он участвовал в революциях. *Исторические справки опровергают это мнение, так именно* в 1848 г., когда произошло на Западе упрочение конституций, рабочий класс представлял из себя ремесленно-городской элемент, мещанскую демократию, фабричный же пролетариат почти не существовал, а пролетариат крупного производства (ткачи Германии—Гауптман—ткачи Лиона) представлял из себя дикую массу, способную лишь к бунтам, но отнюдь не к выставлению каких-либо политических требований. Можно прямо сказать, что конституции 1848 г. были завоеваны буржуазией и мелким мещанством, артизанами. С другой стороны, рабочий класс (артизаны и рабочие мануфактур, типографщики, ткачи, часовых дел мастера и проч.) с средних веков еще привык участвовать в организациях—в кассах взаимопомощи, религиозных обществах и пр. Этот организационный дух до сих пор еще живет у обученных рабочих Запада и резко

отличает их от фабричного пролетариата, плохо и медленно поддающегося организации и способного лишь к так-называемому lose organisation, а не к прочным организациям с уставами и регламентами. Эти же мануфактурно-обученные рабочие составили ядро социал-демократических партий. Таким образом, получилась следующая картина: сравнительная легкость и полная возможность политической борьбы, с одной стороны, с другой—-возможность планомерной организации этой борьбы с помощью воспитанных мануфактурным периодом рабочих. На этой почве вырос на Западе теоретический и практический марксизм. Исходной его точкой явилась парламентская *борьба, с перспективой (только по внешности сходной с бланкизмом,* по происхождению совершенно другого характера) захвата власти, с одной стороны, Zusammenbruch'а—с другой. Марксизм явился теоретическим выражением господствующей практики политической борьбы, превалирующей над экономической. И в Бельгии, и во Франции, особенно в Германии рабочие с невероятной легкостью организовали политическую борьбу и со страшным трудом, с огромным трением—экономическую. И до сих пор экономические организации по сравнению с политическими (не касаюсь Англии) страдают необычайной слабостью и неустойчивостью и повсюду lassent à desirer quelque chose. Пока энергия в политической борьбе не была вся исчерпана,—Zusammenbruch являлся необходимым организующим Schlagwort'ом, которому суждено было сыграть огромную историческую роль. Основной закон, который можно вывести при изучении рабочего движения—линия наименьшего сопротивления. На Западе такой линией являлась политическая деятельность и марксизм, в том виде, в каком он был формулирован в Коммунистическом Манифесте, являлся как нельзя более удачной формой, в которую должно было вылиться движение. Но когда в политической деятельности была исчерпана вся энергия, когда политическое движение дошло до такой напряженности, дальше которой вести его было трудно и почти невозможно (медленный рост голосов за последнее время, апатия публики на собраниях, унылый тон литературы), с другой стороны, бессилие парламентской деятельности и выступление на арену черной массы—неорганизованного и почти не *поддающегося организации фабричного пролетариата—создали* на Западе то, что носит теперь название бернштейниады, кризиса марксизма. Более логического хода вещей, чем период развития рабо-

чего движения от Коммунистического Манифеста до бернштейниады трудно себе представить, и внимательное наблюдение всего этого процесса может с точностью астронома определить исход этого «кризиса». Речь идет здесь, конечно, не о поражении или победе бернштейниады—это мало интересно, речь идет о коренном изменении практической деятельности, которое уже давно понемногу совершается в недрах партий. Изменение это произойдет не только в сторону более энергичного ведения экономической борьбы, упрочения экономических организаций, но главное, и это самое существенное, в сторону изменения отношения партии к остальным оппозиционным партиям. Марксизм нетерпимый, марксизм отрицающий, марксизм примитивный (пользующийся слишком схематичным представлением классового деления общества) уступит место марксизму демократическому, и общественное положение партии в недрах современного общества должно резко измениться. Партия признает общество, ее узко-корпоративные, в большинстве случаев, сектантские задачи расширяются до задач общественных, и ее стремление к захвату власти преобразуется в стремление к изменению, к реформированию современного общества в демократическом направлении приспособительно к современному положению вещей с целью наиболее удачной, наиболее полной защиты прав (всяческих) трудящихся классов. Содержание понятия «политика» расширится до истинно общественного значения, и практические требования минуты получат больше веса, могут рассчитывать на большее внимание, чем это было до сих пор. Не трудно из этого краткого описания хода развития рабочего движения на Западе сделать вывод для России. Линия наименьшего сопротивления у нас никогда не будет направлена в сторону политической деятельности. Невозможный политический гнет заставит много говорить о нем, именно на этом вопросе сосредоточивать внимание, но никогда не заставит он практически действовать. Если на Западе слабые силы рабочих, будучи вовлечены в политическую деятельность, окрепли на ней и сформировались, у нас,—слабые силы эти, наоборот, стоят перед стеной политического гнета и не только не имеют практических путей для борьбы с ним, а, следовательно, и для своего развития, но даже систематически душатся им и не могут пускать даже слабых ростков. Если прибавить к этому, что рабочий класс наш не получил в наследие того организационного духа, каким отличались борцы Запада,—то картина

получится удручающая и способная повергнуть в уныние самого оптимистического марксиста, верящего в то, что лишняя фабричная труба, уже одним фактом своего существования, несет великое благополучие. Трудна бесконечно трудна и экономическая борьба, но она возможна, она, наконец, практикуется самими массами. Приучаясь в этой борьбе к организации и поминутно наталкиваясь в ней на политический режим, русский рабочий создаст, наконец, то, что можно назвать формой рабочего движения, создаст ту или те организации, которые наиболее подходят к условиям русской действительности. В настоящее время можно с уверенностью сказать, что русское рабочее движение находится еще в амебовидном состоянии и никакой формы не создало. Стачечное движение, существуя при всякой форме организации, не может еще быть названо кристаллизованной формой русского движения, а нелегальные организации уже чисто с количественной точки зрения не заслуживают внимания (не говорю о их полезности при настоящих условиях). Вот положение. Если прибавить сюда еще голодухи и процесс разорения деревни, способствующий Streikbrecher'ству и, следовательно, еще большую трудность подъема рабочих масс на более сносный культурный уровень, то... Что же тут делать русскому марксисту? Разговоры о самостоятельной рабочей политической партии суть не что иное, как продукт переноса чужих задач, чужих результатов на нашу почву. Русский марксизм—пока печальное зрелище. Его практические задачи в настоящем мизерны, его теоретические познания, поскольку он пользуется ими не как орудием исследования, а как схемой деятельности—не имеют цены для выполнения даже этих мизерных практических задач. Кроме того, эти схемы, взятые с чужого плеча, в смысле практики являются вредными. Забыв, что на Западе рабочий класс выступил уже на расчищенное политическое поле деятельности, наши марксисты более, чем это нужно, относятся с презрением к радикально или либерально оппозиционной деятельности всех других слоев общества. Малейшая попытка сосредоточивать внимание на общественных проявлениях либерально политического свойства вызывает протест ортодоксальных марксистов, забывающих, что целый ряд исторических условий мешает быть нам марксистами Запада и требует от нас иного марксизма, уместного и нужного в русских условиях. Отсутствие у каждого русского гражданина политического чувства и чутья не может, очевидно, быть

искуплено разговорами о политике или воззваниями к несуществующей силе. Это политическое чутье может быть дано лишь воспитанием, т.-е. участием в той жизни, как бы она не была немарксистична, которую предлагает русская действительность. Насколько «отрицание» было уместно (временно) на Западе, настолько у нас оно вредно, потому что отрицание, исходящее от чего то организованного и имеющего фактическую силу—одно, а отрицание, исходящее из бесформенной массы разрозненных личностей—другое. Для русского марксиста исход один: участие, т.-е. помощь экономической борьбы пролетариата и участие в либерально-оппозиционной деятельности. Как «отрицатель» русский марксист пришел очень рано, а это отрицание ослабило в нем ту долю энергии, которая должна направляться в сторону политического радикализма. Пока все это не страшно, но если классовая схема помешает деятельному участию русского интеллигента в жизни и отодвинет его слишком далеко от оппозиционных кругов—это будет существенный ущерб для всех, кто вынужден бороться за правовые формы не рука об руку с рабочим классом, еще не выдвинувшим политических задач. Политическая невинность русского марксиста-интеллигента, скрытая за головными рассуждениями на политические темы, может сыграть с ним скверную штуку».

Приложение 3.

Список литературы по вопросу.

Основными источниками по вопросу об эпохе «экономизма» в истории социал-демократии служат нелегальные или вообще редкие издания, имеющиеся по 1-2 экземпляра лишь в таких библиотеках, как библиотека Социалистической академии и т. п. Они доступны лишь для узкого круга лиц, ведущих научную работу по истории. Список их (полный, за небольшими исключениями) приводится ниже под рубрикой «А».

Из книг, имеющихся в большинстве библиотек и на рынке, в рубрику «Б» выделены те, которых достаточно для знакомства с основными чертами вопроса, а в рубрику «В» материал более сырой и более подробный. Список этот не полон. Ссылки на те или иные номера указываемых периодических изданий имеются в тексте [1]).

А.

1. „Рабочая Мысль“ (1897—1900).
2. „Рабочее Дело“ (1899—1902), с брошюрами-приложениями.
3. Листок „Рабочего Дела“.
4. „Работник“.
5. Листок „Работника“.
6. „Искра“ № 1—52 (до 1903 г.).
7. „Заря“ (1900—1902).
8. „Vademecum“ (путеводитель) для редакции „Р. Дела“. С приложением „Credo“ и протеста 17-ти русских с.-д.
9. Доклад делегации русских с.-д. конгрессу в Лондоне (1898).
10. Доклад о русском с.-д. движении конгрессу в Париже (1900).
11. Материалы к истории еврейского рабочего движения.
12. Протоколы II съезда Р. С.-Д. Р. П.

[1]) При составлении списка автор воспользовался также некоторыми указаниями, полученными им от тов. Н. Батурина.

13. Об агитации.
14. Поворотный пункт в истории еврейского раб. движения.
15. Плеханов. Всероссийское разорение.
16. „ Задачи социалистов в борьбе с голодом. (Эта и предыдущая брошюры имеют лишь побочное отношение к вопросу).
17. „ Еще раз социализм и политическая борьба.
18. Л. Мартов. Красное знамя в России.
19. В. Акимов-Махновец. Очерк развития с.-д. в России (изд. лег., но редкое).
20. О штрафах.

Б.

1. М. Покровский. Русская история с древн. времен., т. IV.
2. „ Русская история в самом сжатом очерке (глава „Раб. движение“, *в изд. 2 и 3-ем*).
3. Л. Мартов. Развитие промышленности и рабочее движение в России. 2 статьи в 6 и 8 томах „Истории России в XIX веке“, изд. Гранат.
4. М. Туган-Барановский. Русская фабрика в прошлом и настоящем.
5. Н. Батурин. Очерк истории с.-д. в России.
6. А. Бубнов. Основные моменты в развитии Р. К. П. (б.).
7. М. Лядов. История Р. С.-Д. Р. П. Части 1 и 2-ая.
8. К. Тахтарев. Очерк петербургского рабочего движения 90 годов.
9 Н. Ленин. Задачи русских социал-демократов.
10. „ Что делать.
11. „Творчество“ № 7—10. 1920 г. Воспоминания Крупской, Шелгунова, Ангарского и Крыжановской (о „Союзе Борьбы“).
12. Сб. „От группы Благоева к Союзу Борьбы“.
13. „Пролетарская революция“. № 1, 1921 г. Статьи Эйдельмана и Невского о I съезде Р. С.-Д. Р. П.
14. М. Лядов. 25 лет Р. К. П.

В.

1. Святловский. Профессиональное движение в России.
2. Пажитнов. Положение рабочего класса в России.
3. Прокопович. К рабочему вопросу в России.
4. Озеров. Политика по рабочему вопросу в России.
5. Дементьев. Фабрика, что она дает населению и что она у него берет.
6. Л. Мартов. *История российской с.-д.*
7. Сб. „Обществ. движение в России в нач. XX века“. Т. I. Статьи Балабанова, Кольцова, Егорова.
8. Сб. „На заре рабочего движения в Москве“ (восп. С. Мицкевича и др).

9. *Я. К. Первые шаги. „Былое“. 1907. № 9—21.*
10. В. Акимов Махновец. Первый съезд Р. С.-Д. Р. П. „Минувшие годы“, 1908, № 2.
11. Б. Горев. (Гольдман). Марксизм и рабочее движение в Петербурге четверть века назад. „Красная новь“. 1921 г. № 3.
12. Мартов. Записки социал-демократа.
13. А. Спиридович. Революционное движение в России. Вып. I, Росс. С.-Д. Р. Партия.
14. „Пролетарская революция“. Воспоминания Семашко (№ 1), Митревича (№ 4), Шотмана (№ 9) и др.
15. Карелина. На заре раб. движ. в Петербурге. „Красная Летопись“, № 4, 1922 г.
16. Колпенский. Рабочее движение 90 годов (там же).
17. Сб. „Из истории рабочего и комм. движения в Ярославле“.
18. Невский. „Южно-русский рабочий союз“ в Николаеве в 1897 г.
19. А. Шаповалов. По дороге к марксизму.
20. А. Фишер. В России и Англии.
21. Ц. Зеликсон-Бобровская. Записки рядового подпольщика.
22. Бернштейн. Социальные проблемы. (Исторический материализм).
23. Плеханов. В защиту революционного марксизма. (Критика наших критиков).
24. Ленин. Беседа с защитниками экономизма. Соч. Т. IV.
25. „ Письмо к товарищу об организационных задачах (там же).
26. „ С чего начать (там же).
27. „ Объявление об издании „Искры“ (там же).
28. „ Насущные задачи нашего движения (там же).
29. Революционное движение в России по докладам министра Муравьева.

СОДЕРЖАНИЕ.